

к 81

СЗв

27481-С

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова

В. И. СЕРГЕЕВ

**ИМЕННЫЕ
ЧАСТИ РЕЧИ**

Учебное пособие

к
К 81
С 32

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

В. И. СЕРГЕЕВ

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

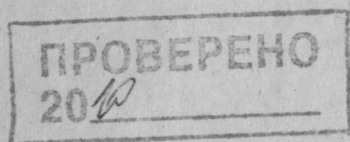
Учебное пособие

Чебоксары
Издательство Чувашского университета
1994

к 81 = 635.1, 212, 73
81.2 = 635.1, 212, 73

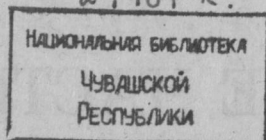
ББК Ш12-635.1*212я73

С 28

Рецензент: отдел языка Чувашского государственного института гуманитарных наук.

27781-к.

Сергеев В. И. Именные части речи: Учебное пособие / Чуваш. ун-т. Чебоксары, 1994. 152 с.

ISBN 5-7677-0049-4

Освещаются вопросы словоизменения и формоизменения чувашского языка с точки зрения морфологических категориальных и некатегориальных форм. Утверждается, что категориальная форма характеризуется тотальностью употребления, некатегориальная — подчиняется принципу избирательности, обе формы служат для синтаксической связи слов в словосочетаниях и предложениях.

Для студентов и аспирантов факультета чувашской филологии и культуры и филологических факультетов университета.

Утверждено Редакционно-издательским советом университета

Научный редактор: д-р филол. наук, профессор Л. П. Сергеев

С 4602020400—28
М 194 (03)—94 без объявл.

ISBN 5-7677-0049-4

© Чувашский государственный университет, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков.

А. А. Потебня

Чувашский язык имеет свой собственный грамматический строй, систему морфологических категорий, сложившуюся своими особыми путями. Но до сих пор грамматический строй чувашского языка описывался в традиционном плане в соответствии с образцами русских грамматик. Учебники и учебные пособия составлялись в этом же русле. Исследователи нередко забывали о том, что невозможно найти ни одной пары самостоятельных языков, даже среди близкородственных, у которых грамматические категории были бы идентичными во всех отношениях.

Мы считаем, что материал любого языка должен излагаться в той последовательности, которая логически вытекает из самой природы языка. Языковеды, всесторонне и глубоко изучая факты языка, должны находить реально существующие в самом языке связи и разграничения языковых явлений и путем научного обобщения выявить наличные в нем категории. Более ста лет тому назад об этом красноречиво писал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав»¹.

Сказанное выше не говорит о том, что мы должны полностью отказаться от единства онтологии общих универсалий в языке и соответствующей общей терминологии. Задача состоит в том, чтобы, изучая факты языка, находить в нем как универсальные, так и неуниверсальные черты, т. е. определить реально существующие в нем категории. Для всех разделов тюркского (в том числе и чувашского) языкознания насущной задачей является дальнейшее продвижение в теоретических исследованиях. В рекомендациях IV Всесоюзной тюркологической конференции так и записано: «Острые разногласия среди специалистов, показывающие все еще неудовлетворительное со-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Журн. Министерства народного просвещения. СПб., 1871. № 2. С. 26.

стояние решения теоретических аспектов, вызывают такие вопросы, как словообразование и формообразование, части речи и служебные слова, *особенности грамматических категорий* (курсив наш.—В. С.) тюркского языкового строя».²

В статье «Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет» содержатся следующие призывы: «...специфический грамматический строй тюркских агглютинативных языков требует более точного отражения всех его особенностей, а следовательно, и иной методики разработки как структуры исследования, так и структуры изложения грамматического материала... Необходимо разработать и обсудить различные концепции тюркологов в отношении предлагаемых принципов исследования *грамматических категорий* (курсив наш.—В. С.) и последовательности их изложения в определенных структурных схемах, отражающих истинную специфику грамматического строя тюркских языков агглютинативной типологии.

Морфология в системе уровней языка занимает едва ли не господствующее место, в то время как анализ и истолкование основных *морфологических категорий* (курсив наш.—В. С.) далеко еще не являются совершенными. Необходима в ближайшее время организация специальных дискуссий как по общей структуре морфологии тюркских языков и ее месту в системе уровней языка, так и по отдельным морфологическим категориям»³.

Таким образом, исследование и описание особенностей грамматических (морфологических) категорий как в тюркологии в целом, так и в чувашском языкознании являются актуальными. В зависимости от того, что мы понимаем под морфологической категорией, решается вопрос об адекватности описания материала в научных грамматиках и учебных пособиях. Поэтому первоочередной задачей при составлении и научной, и описательной грамматики, а также учебников является выявление реально существующей в языке генеральной системы морфологических категорий, основного костяка грамматического строя, что послужит, в свою очередь, необходимым условием для выявления «исключений», т. е. обнаружения в языке некатегориальных форм.

² Рекомендации IV Всесоюзной тюркологической конференции //Сов. тюркология. 1986. № 6. С. 92.

³ Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет //Сов. тюркология. 1987. № 5. С. 9—10. (Автором раздела 4 является Н. А. Баскаков).

ГЛАВА I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

...Грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...

Л. В. Щерба

§ 1. MORFOЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Морфология и синтаксис составляют грамматику языка. Морфология — раздел грамматики, изучающий слова в плане образования форм слов и их системы, и те грамматические категории, которые в этих формах выявляются. Синтаксис — раздел грамматики, изучающий способы соединения слов и словоформ в словосочетания и предложения. Базовой единицей морфологии является словоформа, а базовыми единицами синтаксиса — словосочетание и предложение. Важно помнить эти элементарные истины хотя бы потому, что аналитический способ выражения грамматических значений не является объектом изучения в подлинной морфологии.

В более широком смысле морфология понимается как учение о частях речи (о лексико-грамматических разрядах слов) и присущих этим частям речи формально выраженных грамматических категориях, а синтаксис — как учение о функции предложений любого типа и их составных частей (сочетаний слов).

Учитывая то, что словоформы могут проявить свое место только в своих подсистемах (ср.: чув. *сулӓм* «пламя», *сулӓм* «мой путь», «моя дорога», *сулӓм* «возраст мой»), некоторые исследователи прямо ориентируют на синтаксическую функцию слов, т. е. ставят морфологию в зависимость от синтаксиса. В действительности, омонимичные формы слов выявляют свою категориальную принадлежность лишь в словосочетаниях и предложениях. Но многие словоформы даже в отдельном (изолированном) своем употреблении четко выражают свою причастность к той или иной морфологической категории. К такому относится большинство категориальных форм. Например, словоформа «кёнекесем» «книги» недвусмысленно выражает категорию множественного числа существительного кёнеке «книга», в словоформе *сӱллёрех* «выше» мы обнаруживаем категорию компаративности прилагательных, *икшер* «по два» является

категориальной формой разделительности числительных, а в словоформе *vułatān* «я читаю» одновременно содержатся категории времени, лица и числа (такова уж природа агглютинивных языков).

Изречение, что синтаксис является исходной базой для установления статуса морфологических единиц, поскольку последние выявляются в слове только при использовании их в синтаксических конструкциях, соответствует истине лишь отчасти. Тем более нельзя согласиться с категоричным мнением Ф. де Соссюра: «С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения: она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»¹.

Опровержением мнения Ф. де Соссюра является то, что морфологии присущи свои морфологические категории, а синтаксису — синтаксические категории, хотя понятие синтаксической категории в языкознании разработано поверхностно, тем временем понятие морфологической категории было в центре внимания тех, кто занимался всерьез исследованием морфологии.

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением ряда лингвистов, что: «Морфологические категории, при анализе грамматического строя отвлекаемые от словесных связей и отношений, обнаруживают себя только на синтаксическом уровне. Синтаксис, в свою очередь, имеет дела с классами и формами слов, с их отношениями и связями»². Известно, что классы слов и формы слов всегда были объектом морфологии, а синтаксис частей речи исходил из нее.

Учитывая взаимозависимость синтаксиса и морфологии, мы можем для начала, вслед за В. Г. Адмони, сформулировать обобщенное определение термина грамматическая категория (ГК) — «...это всякое системное, более или менее фронтально проведенное объединение некоторого множества грамматических явлений, обладающих каким-либо общим, формально выраженным семантическим или функциональным признаком»³.

Наша работа посвящена в основном морфологическим категориям, поэтому определение понятия «синтаксическая категория» остается вне нашего поля зрения. Многие морфологические категории обладают определенной синтаксической направленностью, но мы далеки от мысли, что морфология всегда и во всем объеме служит синтаксису.

¹ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 168.

² Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. Синтаксис. С. 9.

³ Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 66.

§ 2. ТРАКТОВКА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Лингвисты в своих исследованиях, посвященных сугубо морфологическим категориям, употребляют обобщенный родовой термин «грамматическая категория» (ГК). В сущности, нет особых причин игнорировать данный термин, но для более точной интерпретации морфологических явлений все же удачным и необходимым следует считать термин морфологическая категория (МК).

Определение термина МК не было постоянным. Хронологически наблюдаются три периода: 1-й период охватывает первую половину XX века до 60-х гг., 2-й — 60-е и 70-е гг., 3-й — 80-е гг. и вплоть до наших дней.

Чем вызвана такая периодизация? В центре внимания оказывается положение о том, что «морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении»⁴. До 1959 г., т. е. до появления статьи Д. А. Штелинга⁵ понятие противоположности в определениях категориальных форм вовсе исключалось или, в крайнем случае, понятие оппозиции не занимало главенствующее положение.

Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику.⁶

Грамматические категории — это объединения, группы, совокупности однородных грамматических явлений и прежде всего совокупности однородных грамматических слов и их форм.⁷ Реально существующее в языке единство грамматического значения и средств его формально-грамматического выражения есть один из важнейших объектов грамматического изучения. Это единство и называется грамматической категорией.⁸

Б. Н. Головин оставался всю жизнь верным данному определению: «Грамматическая категория — это реально существующее в языке единство некоторого грамматического значения и формальных средств выражения».⁹ Штелинговское определе-

⁴ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 10., 15.

⁵ Штелинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий // Вопр. языкознания. 1959. № 1. С. 56.

⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956. С. 27.

⁷ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955. С. 245.

⁸ Головин Б. Н. К вопросу о сущности грамматической категории // Вопр. языкознания. 1955. № 11. С. 120.

⁹ Головин Б. Н., Березин Ф. М. Общее языкознание. М., 1979. С. 180.

ние грамматической категории подвергалось критике лишь односторонне, т. е. исследователи не приняли утверждения, что ГК выражает отношение двух (и только двух!) рядов форм. Но его принцип противоположения (противопоставления, т. е. оппозиции) был принят за основу в определении ГК. В. М. Никитевич, например, свое определение ГК открывает этим словом: «Противоположение рядов форм со значениями, представляющими собой какое-то расчленение общего и объединяющего значения, и есть та, более высокая ступень языковой организации, которой характеризуется грамматическая категория».¹⁰

Противоположение признавалось новым качественным моментом в организации грамматической структуры. Оно якобы отражает закон познания вообще, сущность которого заключается в раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними. По мнению Д. А. Штелинга и поддерживающих его теорию лингвистов, в ГК отражен основной закон человеческого мышления — закон единства противоположностей. На наш взгляд, искусственно выведенный Д. А. Штелингом «закон противопоставления двух (и не более) форм» не что иное, как теория обязательного структурного параллелизма. Здесь уместно будет привести остроумное высказывание В. Хааса: «По-видимому, достаточно какой-либо путанице обладать высокой степенью изощренности, чтобы она утвердилась на многие годы»¹¹.

Оппозитивная теория ГК со страниц русских грамматик успела «перескочить» во все грамматики национальных языков. Этой теорией «заразилась» и тюркология: «Категория морфологическая — совокупность аффиксальных морфем, реализующих конкретные формы слова, отражающие противопоставляющиеся друг другу лексические или грамматические отношения, объединенные единым, более абстрактным значением, присущим слову, функционирующему в составе словосочетания или предложения»¹².

В чувашском языкознании пока нет новейших исследований по разделу морфологии, но «оппозитивная теория» ГК уже успела занять место в «Программах по лингвистическим курсам. Современный чувашский язык. Морфология», где записано: «Грамматические категории — система противопоставленных

¹⁰ Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963. С. 11.

¹¹ W. Haas. Zero in linguistic discription // Studies in linguist: Analysis. Oxford, 1957. P. 37.

¹² Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975. С. 24.

друг другу грамматических величин (рядов морфологических форм) с однородным содержанием»¹³. Здесь же указаны типы оппозиции: бинарные и небинарные, привативные и эквиполентные.

В действительности, в 60-е и 70-е годы нашего столетия в русистике существовало непоколебимое утверждение, что морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении. Но и в те годы знаток и теоретик морфологических категорий А. В. Бондарко постоянно подчеркивал, что это характерная черта лишь языков флективно-синтетического типа. Ср.: 1) Морфологические категории в славянских, а также в других языках представляемого ими типа мы рассматриваем вслед за многими исследователями как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием; 2) Единственным требованием к плану выражения морфологических категорий (в языках флективно-синтетического типа) является наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм¹⁴.

Но это «единственное требование» к морфологическим категориям в начале 80-х годов нашего века подвергается пересмотру в трудах самого же А. В. Бондарко. Он пишет: «Обычно основным признаком структуры грамматических категорий (далее ГК) признается оппозиция. Не отрицая значимости грамматических оппозиций, мы стремимся показать, что содержательная структура ГК может включать не только оппозиции, но и неопозитивные типы»¹⁵.

В этой работе оппозиция трактуется автором «лишь как один из возможных способов объединения компонентов ГК», другим способом (средством), по мнению А. В. Бондарко, является отношение неопозитивного различия. В качестве примеров ГК, в структуре которых заключено отношение неопозитивного различия, служат многочленные категории падежа, склонения, залога...

Разграничение отношений оппозиции и неопозитивного различия в структуре ГК в славянских языках дало возможность

¹³ Программы по лингвистическим курсам: Современный чувашский язык/Отв. редактор д-р филол. наук, проф. И. А. Андреев. Чебоксары, 1981. С. 11.

¹⁴ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 10, 32.

¹⁵ Бондарко А. В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова //Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 29.

А. В. Бондарко сформулировать закон о необязательности оппозиции в ГК в языках агглютинативного типа (с. 34).

Уже в конце 70-х и в начале 80-х годов в тюркологии появилась мысль о том, что тезис об обязательной противопоставленности членов ГК не должен абсолютизироваться¹⁶. Опровергая данный тезис, В. Г. Гузев сформулировал следующее определение: «Под грамматической категорией следует понимать структурную единицу более высокого, чем форма, порядка — такую, которая может представлять собой как совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными служебными грамматическими значениями, так и одну отдельную форму с автономной семантикой».¹⁷ Важным в этом определении является признание отдельной формы с автономной семантикой в качестве ГК.

В совместно написанной статье В. Г. Гузев и Д. М. Насилов высказали мысль о том, что категории не являются обязательными для тюркских языков (с. 33). Мысль эта плодотворная, но она не была развита авторами. В нашем понимании здесь речь должна идти о некатегориальных формах.

Итак, теория оппозиции, привнесенная в грамматику из фонологии, не оправдывает себя в тюркских языках. Признак оппозиции не может быть положен также в основу понятия синтаксической категории во всех случаях. Так, по данным А. В. Бондарко, такие величины, как простое предложение, подлежащее, предикативность, не характеризуются оппозитивными признаками¹⁸.

Если тезис о том, что «категория выделяется при наличии минимум двух обязательно противопоставленных форм, рядов форм или классов слов», не оправдывает себя на почве тюркских языков, то мы должны искать «то исходное положение, которое характеризовало бы МК наиболее верно. На наш взгляд, такой характеристикой может служить принцип тотальности употребления, которая гласит: категория распространяется на все множество элементов той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной»¹⁹.

¹⁶ Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» //Сов. тюркология. 1981. № 3. С. 34.

¹⁷ Гузев В. Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте //Сов. тюркология. 1985. № 2. С. 8.

¹⁸ См.: Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. С. 15.

¹⁹ Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках... С. 25.

§ 3. ДВУСТОРОННЯЯ СУЩНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (МК)

Говоря о двусторонней сущности морфологических категорий (шире, ГК), мы должны выяснить, какая из сторон — содержательная или формальная — является основной, или определяющей, МК.

Существуют две противоположные точки зрения по этому вопросу. Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» высказал следующую мысль: «Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они и есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными...»²⁰.

Казалось бы, Л. В. Щерба целиком и полностью стоит на позиции определения ГК с формальной стороны. Но это не единственное высказывание лингвиста, реалистически осознавшего язык. В другой работе автор высказал такое мнение: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков. Не видя смысла, нельзя еще устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно, существуют ли они как таковые, и существует ли сама категория»²¹. Таким образом, Л. В. Щерба убедительно доказывает, что двусторонняя содержательно-формальная (или формально-содержательная) концепция МК является единственно верной.

Путь познания МК (или ГК) начинается с формы. При этом мы можем сослаться на А. А. Шахматова, который соотносит ГК с морфологическим формальным выражением: «Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий...»²². Однако А. А. Шахматов не был последователен в этом вопросе. Он решительно высказывается за семантическое основание ГК. Грамматическую категорию он определяет как «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее ос-

²⁰ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 79.

²¹ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 65.

²² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941. С. 434.

новному значению, вызываемому словом»²³. Как справедливо подчеркивает А. В. Бондарко, «в этом рассуждении по существу представлена семантическая концепция грамматической категории, близкая к теории понятийных категорий»²⁴.

А. А. Шахматова, развивавшего ГК на основе понятийных категорий, можно назвать основоположником теории о явных и скрытых категориях, хотя сам автор этими терминами не пользовался. Как известно, термин «скрытые грамматические категории» был введен в грамматическую теорию Б. Л. Уорфом²⁵.

Двусторонняя формально-содержательная концепция МК нам представляется более убедительной. Если мы морфологию называем системой форм словоизменения, то при определении морфологических категорий должны исходить прежде всего из формы. Обязательно и включение в определение МК указания на формы выражения категориального содержания. Данное определение МК дает возможность отличить морфологические категории, т. е. явные категории от «скрытых»: МК выявляются чисто морфологическими средствами.

§ 4. ЯВНЫЕ И «СКРЫТЫЕ» (ЛОГИЧЕСКИЕ) МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ. ПОНЯТИЕ НУЛЕВОЙ МОРФЕМЫ

Явные морфологические категории имеют (и должны иметь!) внешние выразители этих категорий. Говоря о категории множественного числа в чувашском языке, мы прежде всего имеем в виду множество словоформ, образованных с помощью аффикса *-сем*: *ачасем* «дети», *сынсем* «люди», *юмансем* «дубы», *шивсем* «воды» (различные) и т. д.

Итак, множество словоформ, отличающихся друг от друга основами, но имеющих одну и ту же словоизменительную морфему *-сем*, мы называем категориальной формой множественного числа существительных. Но по отношению единственного числа мы не можем этого утверждать, поскольку внешнего выразителя морфологической категории единственного числа в чувашском языке нет.

Таким образом, мы не можем выявить (или проявить) морфологически категориальную форму единственного числа в чувашском языке. Не поможет здесь, на наш взгляд, и введение

²³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941. С. 420.

²⁴ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий... С. 27.

²⁵ См.: Whorf B. L. Language, Thought and Reality. Cambridge; New York, 1959, P. 88—89.

термина «нулевой морф». Вот оригинальный прием «скрытой» морфологической категории единственного числа. Вернее, перед нами не пример морфологической категории, а образец понятийной категории. Понятийная категория единичности, как и категория множественности, находит различные способы выражения в чувашском языке. Множественность (как понятийная категория) может быть выражена: а) синтаксически (путем словосочетаний): *пин кёнеке* «тысяча книг» (букв. тысяча книга); *нумай сын* «много людей» (букв. много человек) и т. д.; б) фонетически (ритмико-интонационный способ): *кӑмна-а-а!* «Уйма грибов!»; в) лексически: *халӑх* «народ»; *кётӳ* «стадо». Все это говорит о том, что языковед, прежде чем заниматься исследованием морфологических категорий, должен четко представить границы грамматических и понятийных категорий.

Если единичность — понятийная категория, а множественное число — морфологическая категория, то онтологически они являются несовместимыми. Ставшая банальной теория оппозиций или противопоставлений заставляла языковедов всех рангов считать категориальные формы единственного и множественного числа взаимоисключающими, т. е. обязательно нужно было считать ГК множеством категориальных форм, ибо якобы вне такого отношения ГК существовать не может. Фактически в противопоставлении *сётел* «стол» — *сётелсем* «столы» морфологический (аффиксальный) способ выражения множественности (-сем) взаимодействует в чувашском языке с неграмматическим, чисто лексическим способом указания на единичность или множественность предмета (заметьте: форма единственного числа в чувашском языке, как и во всех алтайских языках, способна выражать и выражает во многих случаях неопределенное множество предметов. Это говорит о том, что «скрытые» МК отличаются от «явных» МК тем, что они выявляются не чисто морфологическими средствами. Бывают, по мнению исследователей, и другие виды «скрытых» МК, которые для своего выражения используют функциональные особенности других категориальных форм, т. е., не имея своего означаемого, существуют за счет означаемых других категорий. В. Г. Адмони называет их комплексно выраженными (или комплексными) морфологическими категориями²⁶. К числу таковых в чувашском языке можно отнести категорию дефинитивности (определенности—неопределенности), изъявительное наклонение и категорию будущего времени. Эти категории не построены на оппо-

²⁶ См.: Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения... С. 71.

зиции «маркированная — немаркированная форма». При этом существует совершенно иной тип отношений, ибо в этих случаях не идет речь о функциональных нулях (или о «нулевой морфеме»).

Проблема морфемного статуса нулевой морфемы вызвала среди языковедов разное толкование. Как отмечает И. П. Иванова в своей статье, «введение нулевой морфемы как равноправной морфологической единицы не только вступает в конфликт с общепринятыми определениями морфемы, но и нарушает принципы типологического анализа»²⁷. Если же морфему принимать как единицу, имеющую не только содержание, но и звуковую форму, как единицу, линейно выделяемую, то включение нулевой морфемы в общий морфемный ряд нелогично.

Если признать наличие нуля во всех случаях за некую величину отсутствующего морфологического показателя той или иной грамматической категории, можно договориться до множественности нулей. При такой трактовке слово *сётел* «стол» в чувашском не должно считаться одноморфемным. В крайнем случае, по данным нынешней морфологии, оно должно быть трех- или четырехморфемным:

сётел + /Ø/ показатель единственного числа;

сётел + /Ø/ показатель основного падежа;

сётел + /Ø/ показатель основной формы лица.

Глагольная лексема *вула* «читать», опять-таки по данным современной морфологии, должна состоять из трех нулей:

вула + /Ø/ показатель повелительного наклонения;

вула + /Ø/ показатель основного залога;

вула + /Ø/ показатель положительного аспекта, а в словоформе *вудатӑп* «читаю» мы обязаны к тому же указать на наличие нулевого показателя изъявительного наклонения. Естественно, нулевую морфему (или просто «нуль») нельзя считать эксплицитным морфологическим показателем, поэтому многие лингвисты прибегают к «трюкачеству»; объявляя «нуль» имплицитным морфологическим показателем, они создают видимость нуля. Ведь всем известно: цифровой знак Ø «нуль» обозначает отсутствие величины (Ожегов), т. е. в нашем понимании просто отсутствие морфемы. Видимо, настала пора более трезво смотреть на факты языка: для того чтобы стать категориальным, морфологическое явление обязательно должно иметь внешнего выразителя, или формального показателя, причем

²⁷ Иванова И. П. Морфемный статус нулевой морфемы // *Philologica. Исследования по языку и литературе*. Л., 1973. С. 167.

этот показатель должен обладать принципом тотальности употребления, т. е. должен распространяться на все множество (или на большинство) элементов той части речи, к которой он принадлежит. Все это говорит о том, что под **морфологической категорией, или категориальной формой, следует понимать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, обладающую принципом тотальности употребления.**

Морфологические категории бывают одно- и многочленными. Некоторые категориальные формы, присущие одним частям речи, могут распространяться и на другие части речи. Если же они и на почве других частей речи сохраняют категориальную семантику и подчиняются принципу тотальности (или большинства) употребления, категориальная форма терминологически и фактически сохраняется. Если же та или другая категориальная форма на почве другой части речи перестает быть тотальной и подчиняется принципу избирательности употребления, то такая форма должна будет называться некатегориальной. Итак, **некатегориальной формой следует считать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, характеризующуюся принципом избирательности употребления и служащую в большинстве случаев для синтаксической связи слов.** Например, у имен прилагательных мы отмечаем наличие категории компаративности (или сравнения), ибо большинство имен прилагательных принимают форму *-рах (-рех)*, *-тарых(-терех)*. В то же время у имен существительных нет категории компаративности, для них существенна лишь некатегориальная форма компаративности, ибо число существительных не переваливает и двух десятков, к которым можно «склеивать» аффикс *-рах(-рех)*: ача «дитя, ребенок» — *ачарах* «все еще ребенок», «ребенок еще»; *тиха* «жеребенок» — *тихарах* «жеребенок еще»; *курăк* «трава» — *курăкрах*; *тырăсем* *курăкрах* «хлеба еще незрелые»; *хӗлерех кӗрсен* «ближе к зиме»; *сăварах тухсан* «ближе к лету», *шаларах кӗр* «заходи поглубже», *туларах тух* «выйти (чуть) наружу», *сӳлерех вӗс* «лети повыше» и некоторые другие. Таким образом, именам прилагательным присуща категория компаративности, ибо аффикс *-рах(-рех)* распространяется на 90% * всех прилагательных чувашского

* Процентное соотношение указано здесь приблизительно. Если мы хотим быть точными, то эти проценты должны выводиться экспериментально, для чего нужна кропотливая работа. Если определить «на глазок», то тотальность употребления должна охватить от 100 до 75% всех слов данной части речи. Избирательность — до 25%.

языка, а имена существительные имеют лишь некатегориальную форму компаративности, поскольку форма *-рах(-рех)* распространяется лишь на 0,1% всех существительных чувашского языка. Сказанное здесь не стало еще лингвистической аксиомой. Так, например, по словам В. Г. Гака, словоизменительные категории характеризуются тем, что слово может изменяться по субкатегориям. Таких грамматических категорий большинство. Среди них различаются:

— чисто грамматические категории, которые распространяются на все слова данной части речи... (по нашей терминологии — категориальные формы.— В. С.);

— лексико-грамматические категории, которые распространяются лишь на часть слов данного класса²⁸ (по нашей терминологии — некатегориальные формы.— В. С.).

Х. Г. Нигматов, вслед за А. В. Бондарко, грамматические категории классифицирует по особенностям образования. В тюркских языках, по мнению Х. Г. Нигматова, все ГК, кроме категории залога и степени признака, являются последовательно коррелятивными, то есть все формы определенной категории свободно образуются от всех лексических основ, с которыми могут вступать в синтагматическую связь показатели форм этой категории. Что касается категории залога, то она является непоследовательно коррелятивной, так как все формы залога не могут быть образованы от всех глаголов: на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения, широко отмеченные в тюркологии²⁹.

Как было уже подчеркнуто, словоформы могут считаться категориальными формами лишь при последовательно коррелятивной градации, а непоследовательная коррелятивность дает повод говорить о некатегориальной словоформе или о словообразовании, когда при помощи словообразовательного аффикса основа слова приобретает качественно новое значение.

§ 5. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ И СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ФОРМА

Словоизменение в чувашском языке (как и во всех других тюркских языках) строится по схеме: основа слова + словоиз-

²⁸ См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. М., 1986. С. 34.

²⁹ См.: Нигматов Х. Г. О классификации грамматических категорий в тюркских языках // Сов. тюркология. 1984. № 4. С. 4.

менительный аффикс — показатель категориальной формы. Термин «основа слова» совпадает при этом понятием «лексическое слово», т. е. мы не принимаем в счет наличие нулевого морфа, которого фактически не было и нет в структуре слова.

Словоизменение — это прежде всего изменение одного и того же слова по категориальным формам. Это определение дает нам право говорить о словоизменительной категории, а часть морфологии, которая занимается изучением словоизменения, по праву должна называться словоизменительной морфологией или морфологией словоизменения.

В чувашском языке лишь некоторые части речи имеют словоизменительные категории:

1) Имя существительное

- ОСНОВА СЛОВА
- + аффикс *-сем* — категория множественного числа
 - + аффиксы падежей — категория падежа
 - + аффиксы лица — категория принадлежности
 - + аффиксы *-чĕ (-чĕ)* — категория прошедшего времени
 - + аффиксы *-ах (-ех, -х)* — категория усиления

2) Имя прилагательное

- ОСНОВА СЛОВА
- + аффиксы *-рах (-рех)* — категория компаративности
 - + аффиксы *-и, -скер* — категория выделительности
 - + аффиксы *-чĕ (-чĕ)* — категория прошедшего времени
 - + аффиксы *-ăн (-ĕн)* — категория образа (способа) действия
 - + аффиксы *-ах (-ех, -х)* — категория усиления

3) Имя числительное

- ОСНОВА СЛОВА
- + аффиксы *-мĕш* — категория порядковости
 - + аффиксы *-шар (-шер)* — категория разделительности
 - + аффиксы *-ăн (-ĕн)* — категория собирательности (или образа действия)
 - + аффиксы *-чĕ (-чĕ)* — категория прошедшего времени
 - + аффиксы *-ах (-ех, -х)* — категория усиления

4) Глагол

- ОСНОВА СЛОВА
- + аффикс *-кала (-келе)* — категория многократного вида или актионсарта
 - + *-нă (-нĕ)* — причастная категория прошедшего времени
 - + *ас (-ес)* — причастная категория будущего времени
 - + *-кан (-кен), -акан (-екен)* — причастная категория настоящего времени и т. д.

§ 6. ФОРМОИЗМЕНЕНИЕ И ФОРМОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ФОРМА

Чувашскому языку (как и всем тюркским языкам) присуща агглютинативная морфология — выражение грамматических категориальных и некатегориальных форм путем соположения морфем. Процесс последовательного наращения аффиксов к основе слова (агглютинация) является закономерностью в тюркских языках. Аффикс здесь чаще всего служит показателем определенной категории или формы и не может выражать несколько грамматических значений, как в русском языке. Например, рус. *товарищ-ам*, где *-ам* определяет сразу число и падеж, а чув. *юлташ-се-н-е* «товарищам» членится на основу *юлташ* + аффикс множественного числа *-се* (усеченный вариант аффикса *-сем*) + *-н* — показатель генетива + *-е* — аффикс дательного падежа.

Подобные примеры говорят о том, что в чувашском языке (как и во всех тюркских языках) имеется не только словоизменение немаркированной основы, но и формоизменение маркированной основы. Многие категориальные формы способны принимать к себе другие аффиксы. Например, форма множественного числа *-сем* изменяется по падежам, а формы падежей способны принимать аффиксы прошедшего времени *-ччĕ* и усиления *-ах* (*-ех*, *-х*). Формоизменение — способность морфологически маркированной основы присоединить к себе другие аффиксы категориальных и некатегориальных форм. Для формоизменения важна схема: основа слова + аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, + аффиксы категории более узкого объема (по Н. К. Дмитриеву)³⁰. Существует также мнение: чем меньше абстрагирована категория, которую представляет данный аффикс, тем ближе к лексической основе расположен ее показатель³¹.

Введение в грамматическое учение термина «формоизменение» представляется важным, поскольку это поможет выявить в языке новые категориальные формы, которые до сих пор не были предметом описательной морфологии. Например, в чувашском языкознании до сих пор никто из исследователей не отмечал наличия у прилагательных категории множественного числа. Верно то, что в словоизменительной морфологии такая категория не приложима к именам прилагательным. В формо-

³⁰ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 45.

³¹ См.: Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С. 90 (сноска, 4).

изменительной морфологии это явление вполне закономерное: выделительные категориальные формы на *-и*, *-скер* способны принимать афф. *-сем*, тем самым образуют формоизменительную категорию множественного числа прилагательных. Если исходить из оппозитивной теории ГК, то формы *лайӕххи*, *лайӕхскер* «тот, который хороший» должны считаться формами единственного числа. Но таковыми их редко кто считал, хотя возможность введения нулевого морфа и здесь не исключена:

лайӕхх-и \emptyset — *лайӕхх-и-сем*;
лайӕх-скер- \emptyset — *лайӕх-скер-сем*.

Термин «формоизменение», насколько нам известно, ввел в тюркологию В. Г. Гузев. По его мнению, формоизменение свойственно только многочисленным категориям, конституируемым личными формами. С этих позиций, указывает автор, склонение или залого — это типичные словоизменительные категории, к которым приложимо только понятие «формообразование» и которые не имеют формоизменительного механизма. В то время как глагольная категория времени или именная категория принадлежности — такие словоизменительные категории, в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать и механизм формоизменения³².

На наш взгляд, формоизменение свойственно не только многочисленным, но и одночленным категориям. Например, форма прошедшего времени *-чӕ* (*-ччӕ*) может быть и словоизменительной категорией, и формоизменительной категорией. Например, *студент-чӕ* «был студентом», *студент-сем-ччӕ* «были студентами»; *хитре-ччӕ*, *хитре-скер-ччӕ* «был(а) красивым (ой)»; *вицӕ-ччӕ* «было три (штуки чего-л.)», *вицӕ-мӕш-ччӕ* «был третьим» и т. д.

Формоизменение служит мерилем распознавания двусторонне связанных аффиксальных морфем, показателей категориальных и некатегориальных форм. Словоизменительные морфемы, естественно, все являются односторонне связанными; они, примыкая к немаркированной основе слова, свободно проявляют свою категориальную и некатегориальную сущность, т. е. становятся открытыми выразителями грамматического значения. Но есть морфемы, которые самостоятельно себя не проявляют, «ключом» распознавания служат в этом случае не только основа слова, но и последующие грамматические показатели. К такому можно отнести аффиксы с временным значением: *кур-т-ӕм*

³² См.: Гузев В. Г. Некоторые теории тюркского словоизменения... //Сов. тюркология. 1985. № 2. С. 9; Он же. К вопросу о «категории лица» в тюркской морфологии //Turcologica. Л., 1986. С. 98.

«я видел» (или, по М. Р. Федотову: *кур-тă-м*), где форманты прошедшего категорического времени *-т-* (или *-тă-*) вовсе не значимы в самостоятельном употреблении, мы не говорим: *кур-т* (или: *кур-тă?*).

В этом случае временной показатель *-т-(-тă-)* проявляет свое значение лишь в двусторонней связи: *кур-т-ăм* или *кур-т-ăн*, *кур-т-ăн*, или *кур-тă-н* «ты видел», *кур-ч-ĕ* «он видел». Это говорит о том, что категория лица у глаголов является формоизменяющей категорией.

Двусторонне связанными аффиксальными морфемами в чувашском языке также являются: а) форманты отрицательной категории *-мас (-мес)*, *-ма(-ме)*, *-м*: *кур-мас-т-ăн* (или *кур-мас-тă-н*) «я не вижу»; *кур-ма-р-ăм* (или *кур-ма-рă-м*) «я не видел»; *кур-м-ĕ* «он не увидит»; форма возможностей *-ей (-ей)*: *кура-ай-ас-чĕ* «хотелось бы увидеть»; *кур-ай-ма-рă-м* «не приходилось видеть». В последовательной цепи морфем *-ай+-ма+-рă-* ни одна из них не способна выразить то значение, которое им характерно: мы не говорим: *курай* (хотя, как отмечает Н. И. Ашмарин, такая форма была употребительна раньше в значении повелительного наклонения: *шыв айне чăмай* «нырни в воду») ³³; нет в языке и самостоятельной формы *кур-ай-ма-* в отрицательной форме, не употребительна и форма *кур-ай-ма-р-(ă)-* со значением прошедшего времени. Главными проявителями их категориальных значений являются опять-таки показатели лица.

Вопрос о формоизменении вовсе не изучен в чувашском языкознании (шире: в тюркологии). Вообще, данный вопрос в тюркских языках должен быть поставлен и решен научно. Прежде всего нужно выявить перечень категориальных форм, которые, прибавляясь к немаркированной основе, способны вызвать формоизменение (вернее: словоформоизменение). Известно, например, показатель прошедшего времени *-чĕ(-ччĕ)* ни при каких условиях не может служить базой для формоизменения. Но этот формант сам свободно может быть компонентом формоизменяющей категории; ср.: *ача-ччĕ*, *хитре-ччĕ*, *пиллĕк-чĕ*, *вăл-ччĕ*;

ача { *-сем-ччĕ*;
все пад. + *-ччĕ*: *ача-па-ччĕ*, *ача-шăн-ччĕ*...;
все формы кат. принадлежности + *-ччĕ*: *ача-м-ччĕ*,
ач-у-ччĕ, *ач-и-ччĕ*, *ача-м-ăр-ччĕ*, *ач-ăр-ччĕ*.

³³ См.: Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 54.

§ 7. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

В языкознании нет более запутанного понятия, как формообразование. Большинство лингвистов термин «формообразование» толкуется как словозменение, т. е. образование форм одного и того же слова (например, форм наклонения, времени, лица, числа и рода глагола)³⁴. А. В. Бондарко, изучая историю разработки понятия «формообразование», предлагает считать формообразованием не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов, т. е. формообразование есть образование форм (любых форм в рамках данной части речи)³⁵.

Представители, придерживающиеся морфосинтаксического подхода к морфологическим явлениям, предлагают считать формообразование образованием форм слов, выражающих несинтаксические категории³⁶.

В тюркологии подобную точку зрения на формообразование одобрял Ф. Г. Исхаков, по мнению которого, при помощи формообразовательных аффиксов образуются различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением³⁷.

Формообразовательные аффиксы бывают, по мнению автора, двух типов: одни из этих аффиксов, не затрагивая основных лексических значений слов, добавляют к семантике некоторые особые значения. К ним Ф. Г. Исхаков относит аффиксы существительных в ласкательно-уменьшительной форме, интенсивной, недостаточной и превосходной степени прилагательных, порядковых и собирательных числительных, залогов, некоторых видовых форм глаголов. Другие формообразовательные аффиксы, совершенно не изменяя лексического значения слова, добавляют к нему лишь особые грамматические значения. К ним относятся: аффикс множественного числа существительных, отрицательная форма глагола, аффиксы, образующие формы времен и наклонений глаголов, формы причастий и деепричастий.

При помощи словоизменятельных аффиксов, по мнению Ф. Г. Исхакова, образуются также различные грамматические формы слова, но связанные только с синтаксическим его упот-

³⁴ См.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 379.

³⁵ См.: Бондарко А. В. Теория грамматических категорий. С. 114—115.

³⁶ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 502.

³⁷ См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика. Морфология. М., 1961. С. 107.

реблением. К ним автор относит падежные аффиксы и аффиксы принадлежности имен существительных, личные аффиксы глаголов и т. п.

Почти аналогичная точка зрения была высказана в свое время И. П. Павловым, который, в отличие от Ф. Г. Исхакова, аффиксы времен и наклонений считает словоизменительными аффиксами³⁸. О сложностях, возникающих при таком распределении форм, в довольно четкой форме изложено в рецензии И. А. Андреева на книгу И. П. Павлова. Рецензент считает включение причастных, деепричастных и инфинитивных аффиксов в число формообразующих морфем неправомерным, ибо назначение вышеназванных аффиксов прежде всего синтаксическое, они указывают на синтаксическую связь глагольного корня с другими словами³⁹.

В. Г. Гузев советует различать две разновидности словоизменения: формообразование и формоизменение⁴⁰. Формообразование признается автором основной разновидностью словоизменения, которая охватывает не только категории с личными формами, но и все остальные категории. С этих позиций склонение и залого признаны автором типичными словоизменительными категориями, к которым приложимо понятие «формообразование» и которые не имеют формоизменительного механизма. В то время как глагольная категория времени или именная категория принадлежности — такие словоизменительные категории, в устройствах которых наряду с формообразованием необходимо усматривать и механизм формоизменения.

На наш взгляд, такое разделение словоизменения ничего нового не дает для понимания сущности грамматических явлений. В связи с этим весьма уместно привести слова В. М. Жирмунского: «...где же проходит в языке граница между словоизменением и словообразованием, тождественно ли понятие «формообразование» с понятием «словоизменение» в широком смысле слова?... Вопрос этот остается открытым. Можно думать, что под «формообразованием» понимается категория, переходная между словоизменением и словообразованием, очер-

³⁸ См.: Павлов И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи: Морфологи. Шупашкар, 1965. 8 с.

³⁹ См.: Андреев И. А. [Рецензия] // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32. С. 194. Рец. на кн.: И. П. Павлов. Современный чувашский литературный язык: Морфология.

⁴⁰ См.: Гузев В. Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения... // Сов. тюркология. 1985. № 2. С. 8—9.

тания которой представляют существенные различия в языках разного типа»⁴¹.

В данной работе мы предлагаем совершенно иную интерпретацию термина «формообразование». Она связана с градацией грамматических форм на категориальные и некатегориальные. В связи с этим сама наука морфология распадается на 3 части: морфология словоизменения — учение о категориальных формах немаркированной основы или лексического слова; морфология формоизменения — учение о возможностях дальнейшей агглютинации словоформ (маркированных основ), включая категориальные и некатегориальные формы; морфология формообразования — учение о некатегориальных формах, которые основаны на принципе избирательности формообразующих основ.

В данной работе мы придерживаемся также мысли о том, что словоизменяемые формы образуют ядро морфологической категории, а формообразование составляет лишь ее периферию, и поэтому форманты, характеризующие его, носят название некатегориальных. Формоизменение занимает промежуточную между ними ступень.

Итак, МК мы рассматриваем как основную единицу грамматического анализа словоизменяемой системы.

§ 8. ОСНОВООБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

Основообразование — новый термин, не совпадающий, как полагают некоторые лингвисты, по значению с термином «словообразование». О новизне термина говорит и тот факт, что такого термина нет ни в одном словаре лингвистических терминов.

В тюркских языках, в том числе и в чувашском языке, существует мнение, что деривационный аффикс создает новую лексическую единицу с новым содержанием, а реляционный (словоизменяемый) — выражает отношение между готовыми лексическими и морфологическими единицами. Имеются веские основания, по которым словообразовательные формы придется отделять от словоизменяемых: деривационный аффикс, каким бы он ни был продуктивным, образует новое слово не от любого лексического слова, входящего в ту или иную часть речи, т. е. словообразовательные формы имеют в тюркских

⁴¹ Жирмунский В. М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. Л., 1963. С. 16—17.

языках ограниченное употребление. По-другому, мы можем говорить, что аффиксальное словообразование подчиняется принципу избирательности употребления. А словоизменительные же аффиксы образуют грамматическую форму от всех или от большинства (от 100 до 75%) слов, принадлежащих одной части речи. Словоизменительные аффиксы подчиняются принципу тотальности употребления. Большинство словоизменительных (категориальных) форм служат синтаксической связи слов в высказывании (в словосочетаниях и предложениях), а деривационные аффиксы в синтаксической функции не выступают. Как было сказано, формообразующим аффиксам тоже присущ принцип избирательности употребления, но, в отличие от деривационных, они выполняют синтаксическую функцию.

В тюркологии в последнее время зародилась мысль о том, что «залоговые показатели — это элементы лексического словообразования, противопоставленные блоку категорий (наклонение, время), образующих грамматическую основу словоформы»⁴². В действительности, с точки зрения морфологической техники словообразование стоит ближе к словообразованию: 1) подобно словообразовательным категориям, залог необязателен в структуре словоформы; 2) залогообразование обнаруживает не альтернативный тип отношений, а деривационный, выявляющий отношение производности; 3) объединение залоговых форм напоминает скорее словообразовательное гнездо, нежели словоизменительную парадигму; 4) залоговые формы не связаны оппозитивными отношениями; 5) лексикографическая практика интуитивно квалифицирует залоговые формы того или иного глагола как словообразование.

Казалось бы, перечисленные выше пункты говорят о том, что есть все основания считать залогообразующие аффиксы деривационными. Согласно нашей дефиниции, почти все залоговые аффиксы подчиняются принципу избирательности употребления. Это говорит о том, что категории залога как таковой в чувашском языке нет.

Но тюркологи отмечают двояковыраженную (собственно залоговую и словообразовательную) природу залогообразующих форм⁴³. При этом возникает дилемма: как интерпретировать залоговые значения, меняющие семантическую валентность лексемы: как словообразование или как грамматическую (мор-

⁴² Грунина Э. А. К теории тюркского залога // Сов. тюркология, 1987. № 2. С. 11.

⁴³ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1983. С. 270.

фологическую) категорию? По мнению Э. А. Груниной, «есть основания рассматривать ПЗ (понудительный залог.— В. С.), а также и В₃З (взаимный залог) как грамматические категории номинативно-расширяющего типа, входящие в сферу основообразования (грамматического расширения основы) и не относящиеся к словоизменению». Отсюда автор делает обобщающий вывод: «Тюркские залогов — разнородные категории, которые объединяет статус их существования как категорий, взаимодействующих с лексическим и валентностным значением глагола, включенных в сферу субъективно-объектных отношений глагольной конструкции, относящихся к категориям основообразования, то есть к особому типу морфологических категорий, не принадлежащих ни к словообразованию, ни к словоизменению»⁴⁴.

Лексико-грамматическая природа залоговых форм признается и теми, кто без запинки считает категорию залога непосредственно коррелятивной⁴⁵. Н. А. Баскаков, например, рекомендуя залоговые формы отнести к системе словообразования, добавляет, что они могут быть отнесены к подсистеме лексико-грамматического словообразования, поскольку морфемы, выражающие залоговые формы, отражают не синтаксические, а исключительно лексические отношения, а именно залоговые выражают отношения реальных семантических категорий — субъекта производителя действия и объекта действия к самому действию⁴⁶.

Как было уже сказано, почти все залоговые показатели подчиняются принципу избирательности употребления, с этой точки зрения их нельзя считать словоизменяемыми морфемами. Но при этом нужно учесть то, что форманты *-тар(-тер) -ар(-ер)*, *-т*, *-ат(-ет)* не могут считаться алломорфами понудительного залога. Если их считать алломорфами, мы вправе признать наличие понудительного залога в чувашском языке. Но языковая практика подсказывает, что они автономные деривационные морфемы. Это особенно ярко проявляется тогда, когда аффиксы присоединяются к именным основам (в таких случаях, естественно, речь о залоговых формах идти не может): *пуç «голова» — пуç-ар «начинать», пуç-тар «собирать»; яка «гладкий» — яка-т «гладить», вёç «конец» — вёç-ер и вёç-ер-т «упускать».*

⁴⁴ Грунина Э. А. К теории тюркского залога. С. 11—13.

⁴⁵ См.: Нигматов Х. Г. О классификации грамматических категорий в тюркских языках // Сов. тюркология. 1984. № 4. С. 4.

⁴⁶ См.: Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: Структура слова и механизм агглютинации. М., 1979. С. 22.

Но в то же время нельзя упустить из виду то, что понудительные формы могут быть соположенными в одной и той же словоформе в виде цепочки (агглютинация одинаковых форм): *пиç* (~*пёç*) «вариться — *пёç-ер-т-тер-тер* «заставить варить, готовить»; *вёç-ер-т-тер-тер* «заставить высвободить, отцеплять, спускать, расстегивать» и т. д. В данных примерах *пиç* (~*пёç*) — глагольная основа, *вёç* — именная. Если даже считать форманты *-ер*, *-т* деривационными (такowymi их и следует считать), ибо они образуют качественно новую лексическую единицу: *пиç* «вариться» — *пёç-ер* «варить», *пёçер-т* «жечь, жечься», *перен.* «поколотить»; *вёç* «конец», *вёç-ер* или *вёç-ер-т* «упускать что-л». Далее, двуязычные «Чувашско-русские словари» при этом фиксируют лишь формы *пёçерттер* с пометой *понуд.* от *пёçерт*, *вёçерттер* — *понуд.* от *вёçер* или *вёçерт*, а словоформы *пёçерттертер*, *вёçерттертер* вовсе не упоминаются.

Эти примеры говорят сами за себя: аффиксы понудительного залога не могут быть однозначно отнесены ни к словообразовательным, ни к словоизменительным аффиксам, у них в таких примерах проявляется полифункциональность. Те, которые ближе к основе слова, несомненно, носят деривационный характер, а в ауслатных *-тар* ярко выражено значение понудительности. Например, в словах *кёрлеттер* (от *кёрле* «шуметь, греметь, грохотать»), хотя словари и дают помету *понуд.* от *кёрле*, но, тем не менее, частенько мы не улавливаем значения понудительности; ср.: *Уйра тракторсем кёрлеттересçе* «В поле грохочут трактора» (ЧВС. 1982. 171 с.).

То же самое и в слове *вулаттар*: *Асанне въл çырăва мана та вулаттарчĕ* «Бабушка дала почитать это письмо и мне» (ЧВС, 1982. С. 84).

В таких примерах аффикс *-ттар* (здесь, видимо, исторически произошло слияние аффиксов *-т* и *-тар*, возможна и геминация [т]) вполне может быть принят за деривационный аффикс.

Что касается формантов взаимного и возвратного залогов, то они такой двойкой функцией не обладают. Мы не можем найти примеров нагромождения (наслоения) их друг на друга. Они, естественно, не могут примкнуть ко всем глагольным основам без исключения, но, как и все деривационные аффиксы, привносят новое значение; ср.: *сав* «любить» — *саван* «радоваться», *хурла* «хулить» — *хурлан* «горевать», *кала* «сказать» — *калаç* «разговаривать», *пул* «быть» — *пулайш* «помогать» и т. д.

Следует обратить внимание на то, что аффиксы *-ан(-ён)* и *-эл(-ёл)* не являются алломорфами; их следует принять за автономные деривационные аффиксы и в тех случаях, когда они присоединяются не только к именным и звукоподражатель-

ным основам, но и к глагольным основам; например: *пур* «есть» — *пурӑн* «жить», *самӑр* «жирный» — *самӑрӑл* «жиреть»; *пар* «давать» — *парӑн* «сдаваться, покориться»; *яр* «пускать» — *ярӑн* «кататься»; *сут* «зажечь» — *сутӑл* «светать»; *вӑр* «дуть» — *вӑрӑл* «простудиться после болезни» и т. д. То же самое нужно сказать и в отношении аффиксов *-ӑш(-ӑш)*, *-ӑҫ(-ӑҫ)*.

Двойкую (собственно залоговую и деривационную) природу мы обнаружили лишь у аффикса *-тар(-тер)*. В словарях, в большинстве случаев, когда аффикс *-тар(-тер)* стоит после аффиксов *-ар(-ер)*, *-т*, которые считаются деривационными, дана помета *пунуд.* (пунудительный залог). Например, когда к основе (корню) слова *хӑп* «отделяться, отклеиваться, отставать», присоединяются аффиксы *-ар* и *-т*, мы имеем следующие дериваты: *хӑпар* «подниматься», *хӑпарт* «поднимать», «ставить». Но в словаре *хӑпарттар* дано с пометой *пунуд.* от *хӑпарт*, а словоформы *хӑпарттар* нет (ЧВС. 1982. 546 с.)

В действительности, лишь аффикс *-тар* в словоформе *хӑпарттар* выражает значение пунудительности, у аффикса *-ар* здесь нет ясно выраженного значения пунудения, а в словоформе *хӑпарт* хотя и чувствуется значение пунудительности, но перечень значений словоформ *хӑпар* и *хӑпарт* не совпадают. Это говорит о том, что деривация значений и здесь наличо:

хӑпар

- 1) подниматься
- 2) лезть, взбираться, залезать
- 3) всходить, подниматься
- 4) плыть вверх по течению
- 5) расти (вверх)
- 6) увеличиваться
- 7) *перен.* улучшаться
- 8) вздуться
- 9) опухать
- 10) в роли вспомогательного глагола

хӑпарт

- 1) поднимать
- 2) вскидывать, поднимать
- 3) складывать, ставить
- 4) повышать, поднимать
- 5) улучшать
- 6) возвышать
- 7) натирать (мозоль)
- 8) *матем.* возводить
- 9) в роли вспомогательного глагола

Таким образом, залог в чувашском языке (кроме форм на *-тар (-тер)* в ауслатной позиции после аффиксов *-ар (-ер)* и *-т*) невозможно последовательно отграничить от деривации и квалифицировать как ГК глагола. Антонимичная мысль по отношению залога в тюркских языках выражена в коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских язы-

ков: Морфология»⁴⁷. Мнение автора раздела «Категория залога» А. А. Юлдашева положительно наклонилось в сторону признания залоговых форм в качестве категориальных. Оно выражено так: «Глагол как часть речи немислим вне этих синтаксических отношений, соответственно — вне залога, ибо обозначение живого действия, характерного лишь для глагола, невозможно без указания (скрытого или явного) на его соотнесенность с субъектом»⁴⁸.

В чувашском языке формально выраженной категорией залога является лишь понудительный залог на *-тар(-тер)*, который в большинстве случаев выступает как словоизменятельный формант после деривационных аффиксов *-ар (-ер)*, *-т*, изредка и после *-тар(-тер)*. Этот залог не связан с оппозитивными отношениями. То, что принято выделить как основной (чув. *тёрп*) залог, представляет собой основу слова (или лексическое слово). Основа глагола не является противопоставленным членом категории понудительности, ибо она сама во многих случаях способна выражать повеление, приказание или просьбу совершить действие, т. е. является показателем немаркированной формы 2 лица единственного числа повелительного наклонения. А наклонение, как известно, не может быть рассмотрено как равноправный член понудительного залога.

Вопросы и задания к главе I

1. Что понимается под морфологической категорией? Как определяет В. Г. Гузев понятие «грамматическая категория»? Оправдывает ли себя теория оппозиции и может ли быть она положена в основу МГ в тюркских языках?

2. Категория числа является грамматической или лексикограмматической?

3. Что такое «нулевая морфема»?

4. Как вы определите словоизменения и формоизменения в словах *ачана* «с ребенком» и *ачасемне* «с детьми»; *лайӑхскер* «хорошенький» и *лайӑхскерсем* «хорошенькие»?

5. Как относятся понятия «формообразование» и некатегориальная форма?

6. В чем разница между морфологией слово- и формоизменения и морфологией формообразования?

7. Что понимается под основообразованием и что такое словообразование?

⁴⁷ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988. С. 269—280.

⁴⁸ Там же. С. 280.

8. Является ли залогообразование грамматической категорией глагола?

9. Есть ли общепринятая точка зрения на залогообразование в чувашском языке?

10. Являются ли аффиксы *-тар(-тер)*, *-ттар(-ттер)*, *-ар(-ер)*, *-т* вариантами одного аффикса?

11. Почему в слове *пуçар* «начинать» аффикс *-ар* считается словообразующим? Можно ли аффикс *-ар* в слове *куçар* «переводить», «перевести» считать также деривационным?

ГЛАВА II. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. О ЧАСТЯХ РЕЧИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Морфологией называется раздел грамматики, изучающий слова со стороны их внутренней структуры, т. е. морфемного состава, прежде всего в плане изменения слов, форм слов и их системы, и те грамматические категории, которые в этих формах выявляются. Основным предметом морфологии до сих пор считали исследование системы морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, т. е. системы его грамматических категорий и способов их выражения, и это считалось достаточным критерием для определения предмета морфологии. На наш взгляд, морфология должна исследовать не только вопросы морфологических оппозиций, но и словоизменения, формоизменения и проблемы формообразования.

В этом плане нами выделяются: 1) морфология словоизменения; 2) морфология формоизменения (вернее: словоформоизменения); 3) морфология формообразования (вернее: словоформообразования).

Морфология словоизменения — раздел морфологии, изучающий образование грамматических форм слов с особым вниманием к грамматическим категориям. Морфология словоизменения занимается вопросами словоизменения основы (или корня) слова — исследованием изменений немаркированной основы.

Морфология формоизменения (или словоформоизменения) — раздел морфологии, занимающийся исследованием категориальных и некатегориальных словоформ с особым вниманием к грамматическим средствам, образующим как бы двоящую форму слов, т. е. исследователь прежде всего должен обратить внимание не на изменение основы слова, а на изменение сло-

воформы, т. е. здесь исследуется изменение одной формы на основе другой маркированной основы.

При этом мы сталкиваемся порядковым членением морфем, о котором пишет А. М. Щербак, «когда принцип построения словоформ является линейным, когда каждая элементарная единица плана выражения более или менее строго отнесена к элементарной единицей плана содержания, т. е. когда исследуются агглютинативные языки».

Последовательность аффиксов в чувашских (шире: в тюркских) словоформах — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие процесса развития словоформ... и именно поэтому она может быть объектом специального лингвистического исследования¹.

Метод описания морфемной структуры агглютинирующих языков в виде упорядоченной «цепочки» элементов известен под разными названиями: дистрибутивный анализ, грамматика порядков, методика порядкового членения, анализ ранговой структуры морфем.

Морфология формообразования — раздел морфологии, изучающий некатегориальные формы маркированных и немаркированных основ.

В морфологию традиционно включают также учение о грамматических классах слов (о частях речи). Термин «часть речи» следует принять как условный, но прочно устоявшийся термин, давно утерявший мотивационную связь с обозначаемым явлением. Он возник в древнегреческой грамматике в то время, когда не проводилось строгого разграничения между словом как единицей лексики и словом как элементом предложения. До сих пор в результате совокупного применения трех критериев классовой идентификации слов — семантического, формального и функционального — все слова того или иного языка разносились по рубрикам знаменательных и служебных частей речи. Как мы знаем, функциональный критерий разбивки слов по частям речи предполагает раскрытие их синтаксических свойств в предложении и мало чем связан с морфологией и поэтому при разнесении слов по частям речи может быть легко утерян.

В чувашском языке морфологические классы слов могут быть расклассифицированы на основании следующих признаков: а) семантического (обобщенное значение предмета, каче-

¹ См.: Щербак А. М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // *Вопр. языкознания*. 1983. № 3. С. 39—43.

ства, состояния или действия); б) морфологического. Согласно морфологическому признаку в современном чувашском языке различаются: 1) части речи, имеющие морфологические категории и обладающие формообразованием: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол; 2) части речи, не имеющие морфологических категорий, а лишь обладающие формообразованием: частица, послелог, имя действия, наречие и подражательное слово; 3) части речи, не имеющие морфологических категорий и не обладающие развитым формообразованием (союз, междометие).

С этой точки зрения, союз и междометие не могут быть включенными в число частей речи в морфологии. С другой стороны, в чувашском языке, устанавливая части речи через частнограмматические категории, мы можем констатировать, что причастие и деепричастие являются категориальными формами, а не просто неличными формами глагола.

Слова подразделяются на грамматические классы в зависимости от их общих грамматических значений и грамматических категорий, совокупность которых определяет положение этой группы слов в общем грамматическом строе языка. Прав был Л. В. Щерба, когда говорил: «Однако в вопросе о «частях речи» исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...»².

Категорию частей речи относят к общим грамматическим категориям и называют словоклассифицирующими категориями. Словоклассифицирующие и словоизменяющие грамматические категории являются ступенями в языковой системе, фиксирующими и раскрывающими существенные стороны морфологии любого языка. Исследование этих категорий и составляет задачи «внутренней» морфологии, по сравнению с внешней, так называемой аналитической морфологией, где грамматическое значение выражается сочетанием слов; ср.: рус. *прочту, буду читать* и чув. *вуйӑп «буду читать»*.

Возникает вопрос: какие же критерии выделения частей речи могут быть общими для всех, известных науке языков?

Наиболее ярким опознавательным признаком частей речи выступает значение слова. Известны ряд изречений Л. В. Щербы по этому поводу: «Если мы знаем, что *какаду* — название

² Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 78.

птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное»³. Или вот такое замечание: «Впрочем, едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы их потому склоняем, что они существительные»⁴.

Л. С. Бархударов считает, что ведущим при отнесении слова к той или иной части речи должен быть не семантический (смысловой), а формально-грамматический критерий. «Иначе говоря, — пишет автор, — мы не потому относим слова к существительным, что они обозначают предметы, а, наоборот, считаем, что они обозначают «предметы» лишь потому, что определяем их как существительные по целому ряду грамматических признаков»⁵.

До сих пор определения частей речи в школьных учебниках грешат однобокостью: имя существительное рассматривается как часть речи, обозначающая предмет или предметность; глагол — как часть речи, объединяющая слова, которые обозначают действие или состояние. При этом почему-то предметность, действие и состояние объявляются отвлеченными грамматическими значениями, а на самом деле они являются лексическими (или даже понятийными).

При соблюдении этих формальностей, определение имени существительного и глагола в чувашском языке примерно должно выглядеть так:

имя существительное — это часть речи, обозначающая предмет и выражающая лексическое значение предметности в частных грамматических категориях числа, лица, падежа и т. д.;

имя существительное — знаменательная часть речи, включающая слова, которые имеют значение предметности и обладают в силу этого грамматическими категориями числа, лица и падежа;

глагол — это часть речи, которая обозначает процесс и выражает это значение в категориях лица, числа и времени и т. д. В силу вышеназванных причин мы и проводим классификацию слов как лексико-грамматических единиц.

Морфологический подход классификации частей речи, предложенный нами, предполагает установление их через частнограмматические категории. Конечно же, при этом семантический принцип вовсе не отбрасывается.

³ Щерба Л. В. Указ. раб. С. 80—81.

⁴ Там же. С. 79 (сноска № 2).

⁵ Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. С. 53.

Например, нам дано слово *çanu* в творительном падеже:

Хапха тәрри силленет
Саламатпа *çануна* (К. Ив.).

Слово *çanu* может быть переведено на русский язык «хлестание», «битье». Казалось бы, словообразовательная модель *çan* (глагол) + *-у* дает возможность отнести слово к именам существительным; ср.: *сыру* (*сыр+у*) «письмо», *пуху* (*пух+у*) «собрание», *пёллү* (*пёл+ү*) «знание» и т. д. К тому же значение отвлечений предметности налицо. Но слова *сыру*, *пуху* и *пёллү* могут изменяться по лицам, числам и падежам и соответственно иметь категории числа, лица и падежа, а слово *çanu* стоит вне этих категорий. Только по той причине, что он стоит в творительном падеже, мы не можем причислить его к словам, изменяющимся по падежам, поскольку он вовсе не склоняется. Таким образом, *çanu* выделяется нами в особый класс слов, не обладающих грамматическими категориями, в силу чего им присуще лишь частичное формообразование.

Морфологические признаки частей речи являются опознавательными знаками, и при этом необходимо знание не только словоизменительной морфологии, но и морфологии формоизменительной и формообразовательной.

Казалось бы, инфинитив в чувашском языке поистине должен считаться неличной формой глагола, но аффиксу *-ма(-ме)* присуща тотальность употребления, в связи с чем он не может быть причислен к формообразующим. Таким образом, инфинитивный аффикс *-ма(-ме)* также следует рассматривать в качестве аффикса морфологического словоизменения (естественно, за исключением лексикологизовавшихся форм типа *пусма* «лестница»).

Существует мнение, что система словообразования в тюркских языках не является единой и общей. Она имеет две основные подсистемы: а) подлинно дериватологию — подсистему лексико-семантического словообразования, когда аффиксы изменяют подлинно реальное значение слова; б) подсистему морфологического словообразования, когда изменяется реальное значение производной основы, и морфологически это выражается через категориальные формы, которые не присущи производящей основе. При морфологической деривации появляется новый элемент морфологической действительности, и в языке появляется новая часть речи. Получается, что аффиксы морфологического словообразования преобразуют слова одной части речи в другую тотально. К такому выводу приходит Н. А. Баскаков, призывающий исследовать тюркский глагол

с позиций семантических и функциональных категорий.⁶ Но вряд ли можно согласиться с мнением автора, когда он говорит о том, что «именно словообразование определяет признаки и критерии выделения частей речи, словоизменение их не определяет...»⁷ Возникает вопрос: а как определить, к какой части речи относится то или иное непроеизводственное слово? Ведь у них нет деривационных признаков.

§ 2. СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ

Категория числа

«Категория числа в языке — это чисто грамматическая категория, основанная на общих свойствах грамматической абстракции, обладающая всеми необходимыми чертами грамматического яруса структуры языка, обязательно выраженная каким-либо грамматическим способом и имеющая грамматическую форму», — писал А. А. Реформатский в статье «Число и грамматика»⁸. Во многих языках категория числа выражается противопоставлением двух членов: единственного и множественного числа. То же самое было и в чувашском языке. Значение числа существительного обращено к неязыковой действительности. Отражая непосредственно внеязыковую действительность, число выступает как номинативный элемент значения имени существительного.

Казалось бы, в языке нет проще категории числа существительных, где бинарное противопоставление рядов словоформ налицо. Но в то же время именно при описании категории числа существительных мнения ученых расходятся; именно категория числа выдвигает перед исследователями противоречивый материал, который и толкуется по-разному. Все эти противоречия вызваны непониманием числа как чисто грамматического явления и числа (количества) как философской (логической), мыслительной категории. Языковая категория числа (квантитативности) является средством выражения мысли-

⁶ См.: Баскаков Н. А. Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // *Вопр. языкознания*. 1985. № 1. С. 48.

⁷ Баскаков Н. А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // *Сов. тюркология*. 1986. № 2. С. 4.

⁸ Реформатский А. А. Число и грамматика // *Вопр. грамматики: Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова*. М.; Л., 1960. С. 400.

тельной (понятийной) категории количества. Категория количества в разных языках получает свое выражение разными средствами: лексическими, грамматическими и синтаксическими. Непонимание именно этой разновидности средств выражения количественности выдвигает порою перед исследователями непреодолимое препятствие.

В чувашском языке отмечают наличие единственного и множественного числа. Множественное число выражается аффиксом *-сем*, т. е. оно маркировано, а единственное число выражается немаркированной основой существительного: *сётел*, «стол» — *сётелсем* «столы», *ача* «ребенок» — *ачасем* «дети» и т. д. В этом случае можно говорить, что аффикс *-сем*, присоединяясь к именам существительным, образует категориальную форму множественного числа: *хёрсем* «девушки», *сынсем* «люди», *кёнекесем* «книги», а существительные *хёр* «девушка, девочка», *сын* «человек», *кёнеке* «книжка» и т. п. принимаются за форму единственного числа. При таком понимании все другие средства выражения множественности должны считаться вне морфологической категории множественного числа. К таким способам выражения множественности (как категории понятийной) мы относим:

а) редупликацию основы: *хир-хир урлă касрăмăр* «переехали (перешли) несколько полей»; *ял-ял витĕр тухрăмăр* «прошли (проехали) несколько деревень»; но при этом *хир-хир*, *ял-ял* не могут считаться во множественном числе. Оставаясь в основной форме, они выражают неопределенное множество предметов, названных в основе слов *хир* «поле» и *ял* «деревня»; если же мы употребим слово *ял-ялĕсем* во множественном числе, то это уже не будет выражать множество того предмета, которое выражено основой *ял* «деревня», поскольку *ял-ялĕсем* в диалектах чувашского языка понимается в значении «сельчане» или «жители, представители некоторых деревень»; ср.: *ял-ялĕсем тырă вырма тухнă та ёнтĕ* «жители нескольких (или некоторых) деревень уже вышли на уборку хлеба»;

б) удлинение какого-либо гласного в основе: *кăмпа-а-а кунта* «уйма грибов здесь»; *ача-а-а урамра* «детей на улице не перечесать»; но и в этом случае существительные с удлинёнными гласными в ауслауте считаются существительными в основной форме;

в) случай, когда существительное выражает собирательное множество (лексический способ): *халăх* «народ»; *кĕтĕ* «стадо», *ушкăн* «толпа» и т. д.

г) случай, когда в определенном контексте идея неопределенной множественности передается через форму единственного

числа: *сырла татрăмър* «собирали ягоды», *кăмпа пухрăмър* «собирали грибы», слова *сырла*, *кăмпа* даны в форме единственного числа;

д) синтаксический способ: *пилĕк кĕнеке* «пять книг», *темиçе ача* «несколько ребят» и т. д. Как ни странно, во всех этих случаях существительное, мы говорили, остается в единственном числе. Какое же оно тогда единственное число, когда сплошь и рядом выражает идею множественности? Напрашивается вопрос и противоположного порядка: может ли категориальная форма, выраженная аффиксом *-сем*, передавать значение единичности предмета? Оказывается, может. В чувашском языке существуют такие формы почтительности, как *аттесем* «отец», *аннесем* «мать». Хотя мы здесь наяву видим форму множественного числа, но выражаемая реалья мыслится иногда в единственном числе, если отец живет один: *аттесем патне кайрăм* «~~съ~~ездил, сходил в дом к отцу»; *аннесем патĕнче пултăм* «был в доме матери»; естественно *аттесем*, *аннесем* может передавать значения «отец и его семья», «мать и ее окружающие родные»; «отец и вместе с ним находящиеся люди» (необязательно родные).

Форма множественного числа чувашских существительных несет разную нагрузку. В таких примерах, как *мускавсем* аффикс *-сем* является полифункциональным: а) *-сем*, в действительности является аффиксом множественного числа; например, *Америкăра Мускавсем темиçе те* «В Америке есть несколько городов под названием Москва»; б) *-сем* не выражает того, что обозначено основой, т. е. при этом *мускавсем* превращается в нарицательное имя со значениями «москвич» или «москвичи» (житель или жители Москвы); в) *-сем* выражает сугубо значение единичного предмета (лица) в примере *Вăл мускавсем мар-и вара?* «Разве он не москвич?»

В таких случаях *-сем* выступает на месте русского именного суффикса *-ич*, и, вероятно, следует думать, в чувашском языке он тоже имеет тенденцию превращения из словоизменительного аффикса в словообразовательный. Явно выраженный деривационный характер аффикса *-сем* проявляется в словах *хĕрсем* «золовка» и *ывăлсем* «деверь», которые являются словарными единицами и процесс лексикализации формы множественного числа налицо. Это правильно было подмечено в свое время Н. И. Ашмариным, «что слова *ывăлсем*, *хĕрсем* в этом случае теряют смысл множественного числа и склоняются как единственное (*ывăлсемĕн*, *ывăлсеме* и т. д.), причем даже могут принимать вторично знак множественного числа: *ывăлсем (сем)* — (мои) младшие деверья, *хĕрсемсем* — (мои) младшие

золовки»⁹. Все это напоминает установку Ф. Ф. Фортунатова, который разорвал падежно-числовую парадигму существительных, объявив формы множественного числа словообразовательными, т. е. классифицируя формы единственного и множественного числа существительных как разные слова¹⁰. Исследователи не последовали примеру Ф. Ф. Фортунатова, считая такое допущение явной логической ошибкой.

При исследовании категории числа следует учесть мнение, появившееся в последнее время в тюркологии и призывающее признать, что в морфологии тюркских языков представлена только одна форма — форма с *-лар*, являющаяся самостоятельным, автономным средством, указывающим на множественность предметов, не входящих ни в какие морфологические ряды¹¹. По мнению В. Г. Гузева и Д. М. Насилова, основная форма имени существительного без показателя *-лар* (в примере узб. *китоб-лар* «книги») якобы не несет информации о количестве предметов. Каков же путь познания реальной единичности и множественности в таком случае? Разве можно понять множественное, не представив себе единичное? Все дело здесь в том, что мы порою путаем грамматическое с понятийным.

Отказавшись от понятия «нулевой морф», авторы выбрали другой путь объяснения, что грамматический способ выражения множественности (*-лар*) взаимодействует в тюркских языках с неграмматическим, чисто лексическим способом указания на единичность предмета. Свое понимание грамматической категории как ряда, состоящего минимум из двух противопоставленных форм, авторы демонстрируют по-своему, объявив единственным коррелятом формы на *-лар* конструкцию *бир* «один» + имя существительное. Авторы явно не учитывают уровень исследуемого материала: путают морфологическое с синтаксическим, т. е. синтетическое с аналитическим. Конструкция *бир* «один» + имя существительное, по мнению авторов, является грамматическим образованием и поэтому, мол, вопрос о том, является ли оно аналитической формой, еще не решен.

Между тем в работе С. Н. Иванова мы читаем, что «значение единичности содержится наряду с другими значениями в самой форме единственного числа и не привносится в нее посредством тех показателей единичности, с которыми она со-

⁹ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. 152.

¹⁰ См.: Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языкознание // Избранные труды. М., 1956. Т. 1. С. 162.

¹¹ См.: Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменяемые категории в тюркских языках... С. 34.

четається»¹². Значение единичности в данной конструкции лишь уточняется, или же *бир*, выступая в значении неопределенного артикля индоевропейских языков, выражает скорее всего неопределенную единичность.

Если считать, что в тюркских языках указанная конструкция является формой единственного числа, то следует признать и то, что в них есть двойственное число, выражаемое конструкцией *ики* «два» + имя существительное, тройственное число и т. д., что и представляется абсурдным.

К тому же авторы утверждают, что в тюркских языках форма множественного числа выражена аффиксом *-лар(-лер)* и как будто нет аффикса *-сем* в чувашском языке. Как мы знаем, Н. И. Ашмарин особенностям употребления чувашского аффикса *-сем* посвятил целых 37 страниц своего «Синтаксиса»¹³.

Следует подчеркнуть, что аффикс множественного числа в чувашском языке относится не только к словоизменительной морфологии, она также с успехом может фигурировать и в словоизменительной (т. е. словоформоизменительной) морфологии; ср.: *кёнеке-сем* «книги» и *кёнеке-м* «моя книга» — *кёнеке-м-сем* «мои книги»; *кёнек-ÿ* «твоя книга» — *кёнек-ÿ-сем* «твои книги», *кёнек-и*, «его, (ее) книга» — *кёнек-и-сем* «его, (ее) книги».

Категория принадлежности

Категорией принадлежности называется такая словоизменительная морфологическая категория, которая выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя.

В современном чувашском языке категория принадлежности образуется при помощи следующих аффиксов:

Единственное число

Множественное число

1 л. -м (-ăм, -ём)

1 л. -м(-ăм, -ём) + -ăр(-ёр)

2 л. -у (-ÿ)

2 л. — ? — + -ăр (-ёр)

3 л. -ё, -и

3 л. -ё, -и + ?

¹² Иванов С. Н. Родословное древо тюрок Абу-л-гази-хана //Грамматический очерк: Имя и глагол. Грамматические категории. Ташкент, 1969. С. 34.

¹³ См.: Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903. Ч. I. С. 50—87.

- 1 л. *ача-м* «дитя мое», *суртăм* «дом мой», *кинĕм* «сноха моя»;
- 2 л. *ач-у* «дитя твое», *сурту* «дом твой», *кинĕ* «сноха твоя»;
- 3 л. *ач-и* «дитя его (ее)», *сурчĕ* «дом его (ее)», *кинĕ* «сноха его (ее)».

Множественное число

- 1 л. *ачамăр* «дитя наше», *суртăмăр* «дом наш», *кинĕмĕр* «сноха наша»;
- 2 л. *ачăр* «ваши дитя», *суртăр* «дом ваш», *кинĕр* «ваша сноха»;
- 3 л. *вĕсен*: *ачи* «их ребенок», *сурчĕ* «их дом», *кинĕ* «их сноха».

Аффиксы принадлежности во множественном числе имеют ряд различий, на которые следует обратить внимание; если в 1 лице мы наблюдаем «нагромождение» типа: аффикс 1 лица *-м(-ăм, -ĕм)* + аффикс множественного лица *-ăр(-ĕр)*, то в последующих двух лицах произошли прямо противоположные явления: во 2 лице множественного числа отсутствует показатель единственного числа *-у(-ĕ)*, а в 3 лице — показатель личного множественного числа. Таким образом, отдельно взятая форма 3 лица *ачи, кĕнеки, кинĕ, сурчĕ, сĕтелĕ* и т. д. может трактоваться лишь как форма личного единственного числа.

Предметное число в категории принадлежности выражается аффиксом *-сем*:

1) единственное число личного числа при множественности предметного:

- 1 л. *ачамсем* «дети мой», *суртăмсем* «дома мой»;
- 2 л. *ачусем* «дети твои», *суртусем* «дома твои»;
- 3 л. *ачисем* «его (ее) дети», *сурчĕсем* «его (ее) дома».

2) множественное число личного и предметного числа:

- 1 л. *ачамăрсем* «наши дети», *суртăмăрсем* «наши дома»;
- 2 л. *ачăрсем* «ваши дети», *суртăрсем* «ваши дома»;
- 3 л. *ачисем* «его (ее) дети», *сурчĕсем* «его (ее) дома».

Как мы видим, в 3 лице множественного числа личное число аффиксально не выражается, принадлежность передается не морфологическим, а синтаксическим путем: *вĕсен ачисем* «их дети», *вĕсен кĕнекисем* «их книги».

В чувашской языкознании категория принадлежности принимается всеми языковедами. Но в последнее время возник ряд «недоуменных» (термин И. П. Павлова.— В. С.) вопросов: 1. Не является ли категория лица в чувашском языке общей категорией для нескольких частей речи? 2. Следует ли отделять категорию принадлежности в особую грамматическую еди-

ницу имен существительных, как это принято в грамматиках тюркских языков? 3. Почему личные формы имен числительных или местоимений в грамматиках не рассматривают как отдельную грамматическую категорию?¹⁴

И. П. Павлов в своей статье дает на эти вопросы следующие ответы: «...в чувашском языке имеется только общая категория лица» (с. 6); «выделение категории принадлежности для имен существительных не оправдано» (с. 13), а на третий вопрос ясного ответа нет.

Если исходить из того положения, что категория распространяется на все множество элементов той части речи, в состав которой оно входит, то местоимение *пур*, сочетаясь с некоторыми суффиксами лица в чувашском языке никак не может образовать категориальную форму единолично; то же самое нужно сказать и о числительных от двух до семи: *иксёмёр* «мы вдвоем», *иксёр* «вы вдвоем», *иккёшёр* «они вдвоем»; *ултсёмёр* «мы шестером», *ултсёр* «вы шестером», *ултёшёр* «они шестером» и т. д.

Имя существительное в сочетании с аффиксами лица четко (и предельно конкретно) выражает отношение между обладателем (лицом) и обладаемым (предметом): *кёнекем* «моя книга», *кёнекё* «твоя книга», *кёнеки* «его (ее) книга» и т. д. В приведенных примерах принадлежность вещи выражена конкретно в аффиксах лица. В то же время мы не видим отношения между обладателем и обладаемым в формах числительных (от двух до семи) и в местоимении *пур*. А в глаголах аффиксы лица выражают значения действия и субъекта, производящего данное действие: *сыртём* «я писал», *сыртён* «ты писал», *сырчёр* «он писал».

Таким образом, категория принадлежности в именах существительных основана на свойствах личных аффиксов, выражающих значение принадлежности, а такого значения у личных аффиксов ни в какой другой части речи нет. Отсюда вывод: категория принадлежности включает в себя ряды морфологических форм с аффиксами лица, выражающих принадлежность предмета обладателю и в силу этого считается категориальной формой.

Если же мы хотим видеть в чувашском языке общую категорию лица и числа, то мы должны иметь абсолютную тождественность аффиксов лица во всех частях речи. Но та-

¹⁴ См.: Павлов И. П. О некоторых проблемах, связанных с категорией лица в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1986. С. 5.

кой тождественности материально выраженных форм в существительных и глаголах нет; ср.:

а) имя	б) глагол
<i>пуç-ăм</i> «моя голова»	<i>кай-р-ăм</i> «я ушел, поехал»
<i>пуç-у</i> «твоя голова»	<i>кай-р-ăн</i> «ты ушел, поехал»
<i>пуç-ĕ</i> «его голова»	<i>кай-р-ĕ</i> «он ушел, пошел, поехал».

Во втором лице единственного числа (*ачу* «твой ребенок», *куратаĕн* «ты видишь») аффиксы *-у* и *-ăн* в синхронном плане материально различаются. К тому же мы не можем не обратить внимание на последовательность аффиксов лица в именах и в глаголах. Если в именах аффиксы лица относятся к словоизменению (т. е. примыкают прямо к корню или основе слова), то в глаголах мы имеем дело с формоизменением (т. е. все аффиксы лица следуют только за аффиксами, выражающими временное значение). Таким образом, категория притяжательности является объектом словоизменительной морфологии, а категория лица глагола — формоизменительной морфологии. Поставить знак равенства между ними невозможно ни по линии выражаемых им значений, ни по наличию последовательности морфем в словоформе. К тому же имеется материальное несовпадение морфем лица в именах и глаголах (даже в самых временных формах глагола: *куратаĕн* «вижу»; *кур-ăн* «вижу», но *куратаĕм* «видал»; *кур-та-м* «видал»).

В чувашском языке известны три способа выражения принадлежности: а) морфологический, когда значение принадлежности выражается аффиксально; б) синтаксический, когда значение принадлежности передается словосочетанием, где первым членом синтагмы выступают личные и лично-возвратные местоимения 1, 2, 3 лица единственного и множественного числа: *ман(ăн) кёнеке*, *хам(ăн) кёнеке* «моя, своя книга»; *сан(ăн) кёнеке*, *хайăн кёнеке* «твоя, своя книга»; *ун(ăн) кёнеки*, *хайён кёнеки*, «его (ее), своя книга»; ср. *унăн кёнеке сук* «у него нет книги»; *унăн хайён кёнеке пулмалла* «у него должна быть своя книга». Заметьте, для выражения принадлежности в 3 лице употребляется не чисто синтаксический способ, а, как правило, — морфолого-синтаксический:

унăн кёнеки «его (ее) книга», *хайён кёнеки* «его (ее), своя книга»; *вёсен кёнеки*, *хайсен кёнеки* «их книга». Морфолого-синтаксический способ выражения принадлежности, таким образом, является синтезом двух первых:

ман кёнекем «моя книга», *хамăн кёнекем* «моя, своя книга», *сан кёнекĕ* «твоя книга», *хай кёнекĕ* «твоя, своя книга», *ун кё-*

неки «его (ее) книга», хай кёнеки «его (ее)», своя книга»; пирён кёнекемёр, хамёр кёнекемёр «наша книга»; сирён кёнекёр, хавёр кёнекёр «ваша книга»; вёсен кёнеки, хайсен кёнеки «их книга».

Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными с аффиксом принадлежности создает особую эмоциональную насыщенность: *Ман хуламём вёранать ирхи шуцамна* «Город мой встает с рассветом». Формы 1 и 2 лица (иногда и 3 лица) допускают инверсию членов притяжательной конструкции: *Чёремём манён* «сердце мое». Заметьте: в слове *чёремсём* аффикс 1 лица употреблен дважды: *чёре-м(с)-ём* (ср.: *ачамёмсем* «дети мои»), тем самым достигается выражение эмоциональности.

Употребление морфолого-синтаксической формы принадлежности в чувашском языке может быть контактным и дистантным: *ман Шупашкарём* «мой Чебоксары», *ман юратнă шура Шупашкарём* «мои любимые белые Чебоксары».

Есть некоторые особенности употребления и неупотребления аффиксов принадлежности. Например, термины родства в 3 лице принимают аффикс *-шĕ*: *атте* «отец» — *аишĕ* «его (ее) отец», *анне* «мать» — *амăшĕ* «его (ее) мать», *мучи* «дядя» — *мучăшĕ* «его(ее) дядя» и т. д. Наряду с терминами родства по этому образцу в 3 лице мы имеем форму *пăрушĕ*: *ёне пăрушĕ* «теленки коровы».

Термины кровного родства и без оформления аффиксом 1 лица *-м* (*-ăм*, *-ём*) могут выражать значение принадлежности 1 лицу: *атте* «отец» и «мой отец»; *анне* «мать» и «моя мать»; *пичче* «брат» и «мой брат»; *анна* «сестра» и «моя сестра» и т. д.

Следует заметить, что в ряде случаев формы принадлежности служат в качестве вокатива. В таких случаях почему-то принято считать, что только притяжательные формы с аффиксом 3 лица могут выполнить такую роль: *аишĕ* — обращение жены к мужу; *амăшĕ* — обращение мужа к жене, при этом выражается взаимная почтительность при обращении родителей друг к другу.

В чувашском языке отмечены также и другие формы вокатива, причем М. Р. Федотов основными считает притяжательные аффиксы 1 лица единственного числа: *хёрём* «доченька (моя)», *ывăлăм* «сын (мой)», *ачам* «дитя (мое)»; *ачамсем* «дети (мои)». Заметим, с такими словами старшие обращаются не только к своим детям, но и ко всем детям, с которыми они почтительно разговаривают. Бывают случаи, которые доходят до курьезов: младшие по возрасту вступают в разговор со взрос-

лыми с присловием *ачам*, которое иногда звучит просто-напросто как вводное слово: *ачам, ан та кала-ха* «и не говори, ей-богу»; *темён те пулать въл пурнăçра, ачам* «в жизни все бывает, детка» и т. д.

Почти незамеченным осталась форма 2 лица единственного числа с аффиксом *-у(-ў)*, которая в красночетайско-сундырском говоре употребляется в качестве вокатива. Примеры можно найти в книге Б. Б. Чиндыкова «Чўк уйăхё» («Месяц ноябрь»):

1. — *Роза аку, мана пёр кёленче эрех парър-ха, э?* «Роза аку (букв. Роза—сестра твоя), дайте мне бутылку водки».

2. — *Асу, эсё лавкая ан кай халь...* «Отец (обращение к родному отцу), ты сейчас не иди в магазин...»

Во втором предложении обращение *асу* (букв. отец твой) равнозначно слову *атте* «отец мой», «папа».

3. *Галя акуна тёл пулатӓн та:*

— *Гальяку, эсир ёне сума пёлетёр-и?* — *тетён* «Встречаясь с Галей аккой (букв. с твоей Галей аккой):

— *Гальяку, вы умеете доить корову?* — спрашиваю. Здесь в литературном языке более обходительным обращением является *Галя аппа*.

4. *Здоровӓ, Вальккӓ пичу!* — терё арсын ача «Здравствуйте, брат Валентин», — сказал мальчик (парень)».

Более того, странным кажется и то, что такая форма 2 лица может употребляться и вне вокатива. Например, первый рассказ Б. Чиндыкова так и называется—«*Асу*», в литературной форме оно звучало бы «*Атте*» («Отец мой»). В том же рассказе мы находим следующее предложение: *Асуна апу та сы-вӓрса кайнӓ ёнтё* букв. «Отец твой и твоя мать уже заснули». Фактически в рассказе под этими формами понимается *асу* «мой отец», *апу* «мать моя». Вот такие метаморфозы, связанные с употреблением форм 2 лица единственного числа, встречаются в диалектах чувашского языка.

Следует также отметить, что форма 3 лица единственного числа употребляется не только в притяжательных конструкциях, типа: *Кашкӓр Микули* «Волков Николай», *Упрам Матрӓнӓ* «Абрамова Матрена» и т. д., но и с отдельными собственными именами, выражая иногда при этом пренебрежительно-уничтожительное значение: *Олегё мён хӓтланать тата?* «Что же замышляет Олег?»

Иногда форма 3 лица употребляется, казалось бы, без видимой надобности:

Атӓлӓ тарӓн, шывӓ тӓрӓ (фольк.) «Волга широка, вода прозрачна». *Хули аякра мар-ха вӓл* «Город-то невдалеке расположен» (букв. «город его...»).

Наличие таких форм, как *Олегё, Аталё, шывё, хули* в вышеприведенных предложениях говорит о том, здесь имеет место не прямая, конкретная принадлежность, а косвенная. Под прямой принадлежностью понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому и является его органической частью: *сётел ури* «ножка стола», *этем (сын) алли* «рука человека», *хёвел пайёрки* «луч солнца» и т. д. Косвенная принадлежность, предполагает косвенную причастность, когда один предмет не является органической частью другого предмета или же принадлежность одного предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью: *сынни сынах въл* «человек-то он человек», *ачи лайах-ха въл* «ребенок-то он хороший».

В тюркологии формы косвенной принадлежности до сих пор не отмечены. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков признают наличие категории косвенной принадлежности¹⁵.

В чувашском языке форма косвенной принадлежности считается некатегориальной формой, поскольку не подчиняется принципу тотальности. С формой косвенной принадлежности существительных на *-ё(-и)* мы сталкиваемся в словоформах *кунёпе* «весь день», *хёлёпе* «всю зиму», *ялёпе* «всей деревней», *тёнчипе* «всем миром», которые по ошибке до сих пор считались наречиями. Логично допустить, что слово *ачам* «дитя», «брат» (при обращении к чужому ребенку) тоже относится к форме косвенной принадлежности; то же самое мы видим в словоформе *ачу-пачу*, когда родители ругают своих детей.

Форма 3 лица весьма активна и при формировании изафетных терминоконструкций типа: *кавакарчян куё* «незабудка», *уна сарри* «папоротник», *вёлтёрен тёрри* «иволга» и т. д.

В словах *улмуёси* «яблоня», *сапуёси* «било», *хутруёси* «мотивило», *пучуиши* «лутошко» и т. п. аффикс 3 лица как бы «автономно» входит в состав корня слова, поскольку он стал словарной единицей именно в такой форме.

Как показывают примеры, форма 3 лица весьма употребительна в чувашском языке при выражении разных значений. В природных словах чувашского (общетюркского) происхождения очень мало таких существительных, которые бы не принимали аффиксов принадлежности. Совсем другую картину мы наблюдаем в словах позднего заимствования через русское посредничество типа *кофе, кенгуру, какаду*. Эти слова не при-

¹⁵ См.: *Болдырев Б. В.* Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976.

нимают показателей принадлежности скорее всего потому, что не было надобности выражать принадлежность их кому-либо, ибо кофе чувашки не пили, кенгуру и какаду (как животное и птица) ни у кого не было.

Категория принадлежности существует для того, чтобы передать отношение одного предмета (лица) к другому в том случае, если есть необходимость в этом, если же такой необходимости нет, то говорящий или пишущий просто не обращается к данной категории.

Числовое значение предмета принято считать постоянным признаком, в силу чего выделяется немаркированный член оппозиции под названием единственное число (форма единственного числа). Принадлежность представляет собой «непостоянный» признак слова, т. е. слово или предмет может существовать без связи с лицом, поэтому и нет надобности включить основную форму в парадигму категории принадлежности.

В чувашском языке парадигма категории принадлежности включает 5 форм, каждая из которых имеет материальный морфологический показатель, и все формы по значению противопоставлены друг другу.

Как утверждают исследователи, двучленные категории (например, категория числа) строятся на основе оппозитивного отношения между значениями граммем, тогда как многочленные категории могут быть связаны как с оппозициями, так и неопозитивными различиями. Что касается категории принадлежности в чувашском языке, то в ней совмещаются оппозитивные и неопозитивные различия: 1 и 2 лицо единственного числа противопоставлены как по форме, так и по содержанию 1 и 2 лицу множественного числа:

хёрём «дочь моя» — *хёрёмёр* «дочь наша»;

хёрёу «дочь твоя» — *хёрёр* «дочь ваша».

Но для 3 лица такой материальной оппозиции нет: *унён хёрё* «его (ее) дочь», *вёсен хёрё* «их дочь». Внесение личных местоимений *унён* и *вёсен* перед притяжательными формами существительных не создает морфологической оппозиции на уровне граммем, поэтому оппозитивные отношения существуют лишь на уровне синтагм.

Категория падежа

Категория падежа в чувашском языке считается многочисленной:

Падежи	Вопросы	Аффиксы
Основной	кам? мён?	
Притяжательный	каман? мёнён?	-ан, -ён, -н
Дательнo-винительный	кама? мёне?	-а, -е
Местный	камра? мёнре?	-ра (-ре), -та (-те), -че
Исходный	камран? мёнрен?	-ран (-рен), -тан (-тен), -чен
Творительный	кампа? мёнпе?	-па (-пе) -пала (н), -пе-ле (н)
Лишительный	камсър? мёнсёр?	-сър (-сёр)
Причинно-целевой	камшан? мёншён?	-шан (-шён)

Данное количество падежей было установлено после дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики в 1953—54 гг. Вопрос о падежах в дискуссии был основным.

Система чувашских падежей была составлена на материале самого чувашского языка и подчинено 5 требованиям падежности формы: 1) существительное с падежным аффиксом должно иметь предметное значение (семантический признак); 2) в предложении, помимо других функций, существительное должно служить дополнением (синтаксический признак); 3) существительное должно отвечать на один из парных местоименных вопросов *кам? мён?...* (синтаксический признак); 4) аффиксы существительных, если они падежные, должны присоединяться ко всем существительным (морфологический признак); 5) аффиксы должны подчиняться закону сингармонизма и правилам ударения (фонетический признак)¹⁶.

В течение трех десятилетий данную систему падежей в чувашском языке считали безупречной и предельно четкой, ибо в ней ни один аффикс не повторяется в нескольких падежах. По мнению М. Р. Федотова, вопрос о количестве падежей в чувашском языке все еще окончательно не решен¹⁷. Автор, в частности, пишет: «Чувашские школьные и другие грамматики,

¹⁶ См.: О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. XII. С. 14—15.

¹⁷ См.: Федотов М. Г. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. II. Чебоксары, 1983. С. 26.

включив лишительный (чув. суклӑх) в категорию падежей, оставили вне ее пределов пурлӑх падежӑ (башк. барлык килеш), не устранив при этом явной бессистемности»¹⁸.

Действительно, если придерживаться системы отношения оппозиции, то должна быть форма, противостоящая форме лишительного падежа *-сӑр(-сӗр)*. Она и есть в чувашском языке: *лӑ (-лӗ)*, которая в современном языке считается словообразовательным аффиксом, но в формах *сӗлӗклӗ ача* «мальчик в шапке», *галстуклӑ арсын* «мужчина в галстукѣ» и т. п. функция этого аффикса пока неопределенна. По мнению одних исследователей, *-лӑ (-лӗ)* — словообразовательный элемент, по мнению других — формообразующий аффикс.

В приведенных выше примерах *сӗлӗклӗ* противостоит форме лишительного падежа *сӗлӗксӗр*, а *галстуклӑ* — словоформе *галстуксӑр*. Здравый смысл подсказывает, если *сӗлӗксӗр* и *галстуксӑр* стоят в форме лишительного падежа, то и *сӗлӗклӗ* и *галстуклӑ* должны быть падежными формами. До сих пор считали, что существительное с аффиксом *-сӑр(-сӗр)* противопоставляется существительному в творительном падеже на *-на (-не)*. Но при этом исследователи не учитывают одно обстоятельство: аффикс *-сӑр(-сӗр)* полифункционален, он выступает в одних случаях как падежный аффикс, а в других — как словообразовательный аффикс прилагательных, а у аффикса *-на (-не)* такой функции нет; аналогичной функцией обладает аффикс *-лӑ(-лӗ)*, если мы не лишаем его статуса наличного (пурлӑх) падежа. Но аффикс *-лӑ(-лӗ)* неупотребителен с собственными именами, что и служит тормозом включения его в число падежных.

В число падежных форм чувашского языка резонно было бы включить формы с аффиксом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* и назвать падеж уподобительным: *арсынла* «по-мужски», *ачалла* «по-мальчишески», *упалла* «словно медведь», *кашкӑрла* «подобно волкам», *Петӑрле* «как Петр» и т. д. Попытки ввести в падежную парадигму уподобительную форму на *-лайын*, *-лай* не получило поддержки тюркологов из-за своеобразия ее значения и ограниченности использования. Но, по мнению А. М. Щербака, в некоторых тюркских языках этот аффикс употребляется довольно регулярно, и серьезных препятствий для отнесения образуемой формы к падежным, по существу, нет¹⁹.

До сих пор аффикс *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* в чувашском языке

¹⁸ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. С. 27 (сноска 3).

¹⁹ См.: Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 58—59.

считали наречиеобразующим аффиксом. Таковым его считать невозможно потому, что деривационный аффикс образует новые слова не от любой словарной единицы, входящей в ту или иную часть речи, а лишь от части таких единиц. Аффикс *-ла* (*-ле*), *-лла(-лле)* следует считать только реляционным, поскольку этот аффикс может присоединиться к абсолютному большинству существительных чувашского языка. К тому же, как и подобает словоизменительному аффиксу, посредством этого аффикса образуются формы слов от нескольких частей речи: *сёнёлле* «по-новому» (*сёнё* — имя прил.); *виçсёлле* «тройной» (*виçсё* — имя числ.), *сирёнле* «по-вашему» (*сирён* — личное местоим. 2 л. мн. числа прит. падежа) и т. д. К тому же *-лă(-лĕ)* может употребляться с существительными в форме множественного числа: *Кавказрисемле* «на манер кавказских народов», *ваттисемле* «на манер старших», «по-стариковски».

Таким образом, падежная форма на *-ла(-ле)* распространяется на большинство (более 70%) элементов имени существительного, т. е. является почти тотальной; отвечает на местоименные вопросы *камла? мёнле?*; эти аффиксы подчиняются закону сингармонизма; существительное с аффиксом *-ла(-ле)* не теряет предметного значения (как бы мы ни хотели этого). Значит, перед нами падежная форма, отвечающая требованиям категориальной формы по всем параметрам. Учитывая вышесказанное, падежную систему чувашского языка можно было бы представить в более полной форме:

Падежи	Вопросы	Аффиксы
Основной	кам? мён?	
Притяжательный	камăн? мёнён?	-ăн (-ён)
Дательный	кама? мёне?	-а (-е)
Местный	камра? мёнре?	-ра (-ре)
		-та (-те), -че
Исходный	камран? мёнрен?	-ран (-рен)
		-тан (-тен), -чен
Творительный	кампа? мёнпе?	-па (-пе)
Лишительный	камсăр? мёнсёр?	-сăр (-сёр)
Причинный	камшăн? мёншён?	-шăн (-шён)
Уподобительный	камла? мёнле?	-ла (-ле), -лла (-лле)
Предельный	камччен? мёнччен?	-чен (-ччен)

В число падежных форм мы не включили наличный (пурлăх) падеж только потому, что он не обладает принципом тотальности, т. е. не может присоединиться ко всем существи-

тельным. Включить его в падежную парадигму можно с существенной оговоркой, что введение данного падежа противоречит принципу тотальности форм. В этом отношении лишительный падеж также не соответствует требованиям, предъявляемым к падежным формам. Поскольку аффиксы *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)* и *-чен(-ччен)* не признаны пока падежными, то их следует включить в число «внепадежных».

Прежде чем перейти к описанию каждого падежа, нужно разобраться в том, что такое «падеж» в морфологии.

Что такое падеж? Категория падежа существительного — одна из основных грамматических категорий: она принадлежит и морфологии, и синтаксису. В связи с этим мы четко должны представить себе, что такое падеж в морфологии и что такое падеж в синтаксисе, ибо в учении о языке постоянно путают эти два понятия. В этом легко можно убедиться, если взять наугад определение падежа из разных грамматик:

1. Категория падежа — это грамматическая словоизменяемая категория, указывающая на синтаксическую функцию имени существительного и на его связи с другими словами в речи (Современный русский язык. — Ч. II. Словообразование. Морфология. Морфонология //Белорус. ун-т. Минск, 1981. С. 126).

2. Падеж — это грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетания с послелогами синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу (Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 132).

3. Категорией падежа называется словоизменяемая категория имени, обозначающая, что словоформа существительного выступает в качестве подчиненной при глаголе, другом имени или наречии и несет при этом отвлеченное значение отношения... (Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 326).

После такого определения в «Грамматике современного русского литературного языка» делается странный, на первый взгляд, вывод о том, что категория падежа, в отличие от всех других категорий как имени, так и глагола, выступает как категория синтаксиса, а не морфологии. Напрашивается вопрос: если категория падежа — словоизменяемая категория, то может ли она быть только синтаксической категорией? Если она только синтаксическая категория, то зачем же во всех грамматиках в парадигмах склонения приводятся отдельные слова, а не словосочетания?

Падеж — это особая морфологическая форма слова, выражающая его отношение к другим словам, как глагольным, так и именным. В этом отношении он синтаксичен. Но в то же время парадигматические изменения склоняемого слова, наличие противопоставленных и непротивопоставленных друг другу падежных форм дают повод говорить о падеже как о морфологической категории.

Основной падеж. Основной падеж является камнем преткновения для языковедов. В лингвистике существуют две противоположные точки зрения: 1) основной (или как бы он ни назывался) падеж выделяется во всех грамматиках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и противопоставляется всем другим падежам: как прямой — косвенным, как немаркированный — маркированным, т. е. как безаффиксальный — аффиксальным и т. д. Нет ни одной грамматики, где парадигма склонения начиналась бы с родительного падежа, который следует, как обычно, за именительным или основным; 2) есть некоторые теоретики-лингвисты, которые выражают сомнения относительно падежности именительного (основного) падежа. К их числу относятся Гуго Шухардт и Ч. Е. Базелл.

Гуго Шухардт в статье «Об активном и пассивном характере переходного глагола», написанном в начале нашего века (1905—1906 гг.), прямо заявил, что именительный вовсе не является падежом²⁰.

Отсутствие нулевого члена в составе парадигмы категории принадлежности натолкнула Ч. Е. Базелла на мысль, что и некоторые другие категории агглютинирующих языков нуждаются в иной интерпретации: «Отсюда возникает вопрос, не указывает ли так называемый нулевой суффикс именительного падежа просто на отсутствие падежа, а так называемый нулевой суффикс единственного числа — просто на отсутствие числа²¹. Исходя из вышесказанного, В. Г. Гузев и Д. М. Насилов делают вывод о том, что «основная форма, слово без материального форманта, совсем не обязательно является формой с нулевым показателем, т. е. она может стоять вне парадигмы, не имея отношения к данному грамматическому ряду»²².

Основной падеж в чувашском языке — немаркированный член оппозиции, противопоставленный маркированным, являет-

²⁰ См.: Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982. С. 163.

²¹ Базелл Ч. Е. Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 23.

²² Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках. С. 22—25.

ся, по мнению лингвистов, единицей значащей. При этом ссылаются на то, что при склонении какая-то часть слова не изменяется. При склонении основы слова форма основного падежа считается падежом падежей, а при притяжательном — форма притяжательного падежа. Основное склонение описывается в словоизменительной морфологии, а притяжательное — в формоизменительной.

Для наглядности приведем парадигмы склонения:

	Основное склонение		Притяжательное склонение	
Осн.	кёрёк «шуба»	колхоз	колхоз	колхоз
Пр.	кёрёк-ён	колхоз-я́н	колхоз-я́н	колхоз-я́н
Дат.	кёрёк-е	колхоз-а	колхоз-я́н-е	колхоз-я́н-е
Мест.	кёрёк-ре	колхоз-ра	колхоз-я́н-че	колхоз-я́н-че
Исх.	кёрёк-рен	колхоз-ран	колхоз-я́н-чен	колхоз-я́н-чен
Тв.	кёрёк-пе	колхоз-па	колхоз-я́н-пе	колхоз-я́н-пе
Лиш.	кёрёк-сёр	колхоз-са́р	колхоз-я́н-сёр	колхоз-я́н-сёр
Прич.	кёрёк-ше́н	колхоз-ша́н	колхоз-я́н-ше́н	колхоз-я́н-ше́н

При основном типе склонения падежные аффиксы примыкают к немаркированной основе лексического слова, а при притяжательном типе склоняемой является маркированная форма притяжательного падежа с аффиксом *-я́н(-ё́н, -н)*:

Многим может показаться неубедительным притяжательный тип склонения существительных в чувашском языке. Для большей убедительности можно привести ряд примеров такого склонения местоимений:

Осн.	ку «это»	хай «он сам»	леш «тот»
Пр.	ку-н	хай-ё́н	леш-ё́н
Дат.	ка-н-а	хай-н-е	леш-н-е
Мест.	ку-н-та	хайё́н-ё́н-че	леш-ё́н-че
Исх.	ку-н-тан	хай-ё́н-чен	леш-ё́н-чен
Тв.	ку-н-па	хай-ё́н-пе	леш-ё́н-пе
Лиш.	ку-н-са́р	хай-ё́н-сёр	леш-ё́н-сёр
Прич.	ку-н-ша́н	хай-ё́н-ше́н	леш-ё́н-ше́н

Таким образом, наличие основного падежа в чувашском языке является значимым. На значениях основного падежа мы не останавливаемся лишь потому, что их много, к тому же опи-

сание значений этого падежа имело место в лингвистической литературе в довольно подробной форме²³.

Лингвисты, признающие единый тип склонения, искажают явные факты чувашского языка, они как будто не видят никакой разницы в склонении существительных и местоимений. В то же время невидимое они выдают за явное, признавая нулевую падежную форму, описывают значение этой формы.

Притяжательный падеж. Аффиксами притяжательного падежа являются *-ӓн* (*-ёӓн*, *-н*). Форма на *-ӓн* (*-нёӓн*) в современном чувашском языке почти не употребляется, не считая местоименных форм *манӓн* «мой», *санӓн* «твой», *унӓн* «его» и т. д.

По мнению Г. И. Рамстедта, первоначальным аффиксом тюркского генетива служил *-н*, как это имеет место в алтайских языках. В чувашском языке, по его мнению, сохранилось исконное окончание родительного падежа²⁴. Но многие лингвисты считают, что чувашская форма генетива типа *анне-нёӓн*, *лаша-ӓн*, *ёӓне-нёӓн* старше соответствующих форм *анне-н*, *лаша-н*, *ёӓне-н*²⁵. На наш взгляд, точка зрения Г. И. Рамстедта является более приемлемой, поскольку к форме притяжательного падежа присоединяются как падежные, так и непадежные формы имен. Если же другие падежные формы могут примкнуть к форме притяжательного падежа, то, естественно, форма этого падежа может присоединить к себе вторично свою собственную форму в видоизмененной форме: *ача-н+ӓн* > *ачанӓн*.

Основное значение притяжательного падежа — выражение принадлежности одного предмета другому, поэтому нередки случаи, когда в составе изафетной конструкции (изафет III) первый член конструкции оформляется аффиксом притяжательного падежа, а второй — аффиксом принадлежности 3 лица: *колхозӓн сачё* «колхозный сад», *кӓршӓн пахчи* «соседский сад» и т. д.

Из частных значений А. И. Иванов выделяет следующие:

1. Обладание чем-либо (название обладателя): *Пирёӓн колхозӓн шыв арманё пур* «У нашего колхоза есть водяная мельница».

2. Логический субъект действия: *Шалтайкина ун пек чух*

²³ См.: Павлов И. П. Хальхи чӓваш литература чӓлхи: Морфологи. Шупашкар 1965; Андреев В. А. Категория склонения в чувашском языке. М., 1987. С. 8—9; Он же. Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в ВУЗе. Чебоксары, 1986. С. 97.

²⁴ См.: Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 33—34.

²⁵ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1983. Ч. 2. С. 30.

пыху пуслăхён астутарма лекет (Арт.) «В таких случаях председателю собрания приходится напоминать Шалтайкину (регламент)».

3. Подобие: *Кунё сұлталакăн туйăнать* «День кажется годом».

4. Количество, мера: *Хăсан тырра пёрчён лартни пур*. «Когда это хлеба сажали по зернышку».

5. Качество, способ: *Уқсан пар* «Дать деньгами».

По мнению автора, последние три значения (см. пп. 3, 4, 5) принадлежат древнему инструментальному падежу, слившемуся с притяжательным²⁶. Такое утверждение уже дает право говорить о том, что притяжательный падеж не является исключительно только приименным.

Существует мнение, что перечислить все значения даже какого-нибудь одного падежа нет возможности, как бы далеко мы ни шли по пути этого перечисления. По мнению А. Ф. Лосева, значений родительного падежа столько же, сколько всех контекстов, в которых данное слово употребляется²⁷. Окончательное мнение автора таково, что всякий падеж имеет бесконечное количество значений и что даже само количество падежей в окончательной форме не перечислимо.

Дательный падеж. В именах, оканчивающихся на согласные и гласные [у, ў, ă, ё], аффиксом датива считается -а (-е); *юлташ-а* «товарищу», *сұрта* «дому», *пӱлӱме* «в комнату», *кӱлле* «озеру». Имена, оканчивающиеся на [а, е], по Н. И. Ашмарину, принимают аффикс -на(-не)²⁸: *ёнене*, «корове», «лашана» «лошади», *пахчана* «в сад», «ааду», и т. д. Мнение Н. И. Ашмарина разделяет А. И. Иванов; но И. П. Павлов -(н)- в словах *лаша* -(н)-а, *ёне*-(н)-е считает интерфонемой.

Вопрос этот на первый взгляд, кажется не столь принципиальным, поэтому -н- в словах *лашана*, *ёнене* можно считать и падежным, и интерфонемой. Но появление -н- в дативе этим не ограничивается; ср. *тусна* «твоему другу» и *тусне* «его другу», *юлташна* «твоему товарищу» и *юлташне* «его товарищу». Примеры такого рода говорят о том, что в словах *тусне* и *юлташне* -н- является падежным и в то же время показателем типа склонения.

А. И. Иванов, занимавшийся долгое время вопросами па-

²⁶ См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. ЧНИИ. Филология. Чебоксары, 1968. Вып. 39. С. 115.

²⁷ См.: Лосев А. Ф. Знак: Символ: Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 63.

²⁸ См.: Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык (Тр. ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 66). С. 28.

дежных форм и склонения в чувашском языке, уже на начальном этапе исследования допускал, что имеется два дательных падежа: дательный первичный, образующийся путем присоединения к начальной форме существительного аффикса *-а(-е)*, *-на(-не)*: *колхоз+а*, *лаша+на*, и дательный вторичный, образующийся от притяжательного падежа путем прибавления аффикса *-не*: *колхозын-не*, *колхоз-сен-не*²⁹.

В последующем мало кто обратил внимание на высказывание А. И. Иванова. Однако этот вопрос имеет принципиальный характер. Между формами датива *юлташ-а*, *юлташ-айн-е*, *юлташ-на*, *юлташ-не* кроется специфика чувашского склонения, которая должна быть раскрыта в двух разделах морфологии: в словоизменении и формоизменении. Поскольку здесь речь идет только о словоизменении, то мы должны описать случаи типа *юлташа*, *туса*, *пурте*, *сурта* и т. д. В разделе «Морфология формоизменения» нами подробно будет описано изменение самой формы генетива в чувашском языке. Словоизменение и формоизменение до сих пор не разграничивались, поэтому подобные вопросы рассматривались в единой цепи повествования.

Дательный падеж в чувашском, как и в других тюркских языках, выражает косвенный объект.

Значение приближения в лингвистике понимается чрезвычайно широко: от пространственного и временного до самых абстрактных его форм (уподобления и сходства, цели и причины) и т. д.³⁰.

Вопросами датива (кроме *кама? мёне?*) являются: 1) *а́ста* — куда? *Шупашкара кайнă* «Поехал в Чебоксары»; 2) *хăсана* — до какого времени? *Каҫа юлнă* «Задержался допоздна»; 3) *мёншён* — зачем? *Еҫе пула* «Из-за работы»; 4) *мён чухлĕ* — сколько? *Уйăха яхн пурăнчĕ вăл килте* «Дома он жил около месяца».

Из частных значений самыми распространенными являются следующие: 1) конечный пункт в пространстве: *хулана кайрĕ* «поехал в город»; 2) предел во времени: *эрнелĕхе* «на неделю», *уйăхлăха* «на месяц»; 3) цель: *кампана кайрăмăр* «ходили за грибами» и т. д.

Местный падеж. Аффиксами местного падежа обычно считают следующую вереницу алломорфов: *-та(-те)*, *-ра(-ре)*, *-че*. Но при этом мало кто задумался над тем, что аффикс *-че* яв-

²⁹ См.: Иванов А. И. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. 8. С. 182—183.

³⁰ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 239.

ляется только объектом описания в формоизменяющей морфологии, ибо он не может присоединиться к основе слова, а располагается обычно за аффиксом генетива *-н-*, чему предшествует аффикс 3 лица единственного числа категории принадлежности: *кил-ё-н-че* «в его (ее) доме», *пўрт-ё-н-че* «в его (ее) избе» и т. д.

Аффикс локатива *-че* появляется также за генетивной формой аффикса множественного числа *-сен*: *хир-сен-че* «на полях», *ял-сен-че* «в деревнях».

Основы, оканчивающиеся на [р, л, н], обычно принимают алломорфу *-та(-те)*: *ял-та* «на селе», *арман-та* «на мельнице», *хурал-та* «на дозоре», а основы на гласные и согласные принимают *-ра(-ре)*: *сырма-ра* «в овраге», *пёве-ре* «в пруду», *Мускавра* «в Москве» и т. д. В некоторых случаях употребительны оба варианта: *Лондонра* ~ *Лондонта* «в Лондоне», *сётелте* ~ *сётелре* «в столе», *хёвелте* ~ *хёвелре* «на солнце», т. е. «на солнцепеке».

Следует заметить, что вариант аффикса локатива *-та(-те)* также может быть объектом рассмотрения в формоизменении, поскольку он может следовать за аффиксом 2 лица единственного и множественного числа категории принадлежности и аффикса генетива *-н-*: *тус-у-н-т-а* «у твоего друга», *тус-år-та* «у вашего друга», *сурт-у-н-т-а* или *сурт-å-н-та* (где *у* ~ *å*): Нарспи *пулмё сурт åнта* (К. Ив.) «Нарспи не будет в доме твоём». Между тем алломорфа *-ра(-ре)* может стоять только после формы 1 лица единственного числа категории принадлежности: *тус-å-м-ра* «у моего друга», *сурт-å-м-ра* «в доме моем», *пёвёмре* «на теле моем», но *сурт-å-м-år-та*, «в доме нашем».

Местный падеж выражает следующие значения:

а) местонахождения: *ялта* «в деревне», *вårманта* «в лесу», *хирте* «на поле», *урамра* «на улице», *хулара* «в городе»;

б) возраста: *султалåкра* «годовалый (ребенок)»;

в) состояния, положения: *вырмара* «на жатве»; *ыйхåра* «во сне» и т. д.

Исходный падеж. Исходный падеж (вернее: аффиксы исходного падежа) отличается от местного наличием конечного *-н-*: *-ран(-рен)*, *-тан(-тен)*; здесь, как и в местном падеже, алломорфа *-чен* является объектом формоизменения, а вариативные формы *-ран(-рен)*, *-тан(-тен)* употребительны и в слово-, и формоизменении.

Основное значение исходного падежа — выражение объектных отношений, он обозначает исходный момент, исходную точку, источник.

Частные значения: а) сравнение: *Лашаран сўллё*, *курåкран*

лутра «Выше лошади, ниже травы» (загадка: седелка); б) материал: *Тимёртен тунӑ* «Сделано из железа»; в) время: *Эрнерен килет* «Приедет через неделю»; г) посредство: *Павӑлтан парса яр* «Передай через Павла»; д) образ действия: *Алран алла пар* «Передай из рук в руки» и т. д.

Аффикс исходного падежа *-чен*, являющийся объектом формоизменяемой морфологии, не следует путать аффиксом *-чен(-ччен)* с временным значением. Последний является объектом исследования в словоизменяемой морфологии. Н. И. Ашмарин рассматривал его наряду с аффиксами *-шӑн(-шӗн)*, *-сӑр(-сӗр)* и предупреждал, что «эти аффиксы по значению приближаются к послелогам и поэтому нет основания образовать из-за них падежи и увеличить число их»³¹.

Между тем аффиксы *-сӑр(-сӗр)* и *-шӑн(-шӗн)* уже признаны аффиксами лишительного и причинно-целевого падежей соответственно. Вопрос о месте и функции аффикса *-чен(-ччен)* до сих пор остается неясной.

Если быть до конца принципиальным, то, в действительности, *-ччен(-чен)* не является ни послелогом, как это предполагал Н. И. Ашмарин, ни словообразовательным аффиксом, как это допускает И. П. Павлов³². Словообразовательным не является потому, что он употребляется почти со всеми существительными, выражая при этом значение предела во времени и пространстве. Значит, остается причислить его только к словоизменяемым или формоизменяемым. Попытки такого рода уже были. И. Буденц в «Очерках по чувашскому языку» (на венгерском языке) писал о наличии предельного падежа (терминалиса) на *-чен*: *пӳртчен* «до дома», *витеччен* «до конюшни». И. Бенцинг число падежей в чувашском доводит до десяти и в их число включается терминалис с соответствующим вопросом *до каких пор*³³.

Естественно, терминалис отвечает и на вопросы: *камччен?* *мӗнччен?* *Петӑрччен (камччен?) магазинта Якку ёсленӗ* «До Петра в магазине работал Яков»; *Лашаччен (мӗнччен?) малтан йытӑ тӗл пултӑмӑр* «До лошади нам попалась на глаза собака». Единственным недостатком этого аффикса является то, что он не подчиняется закону сингармонизма, не является парным по палатальности, т. е. имеет только один вариант с

³¹ Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык: Тр. ЧНИИ. Вып. 66. Чебоксары, 1976. С. 30.

³² См.: Павлов И. П. Хальхи чӑваш литература чӗлхи: Морфологи. 304 с.

³³ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1983. Ч. 2. С. 26—27.

переднерядной огласовкой. Этот недостаток восполняется наличием алломорфы *-ччен*.

Таким образом, есть все основания считать *-чен(-ччен)* падежным аффиксом.

Творительный падеж. Аффиксами творительного падежа являются *-па(-не)*, *-пала(-пеле)*, *-палан(-пелен)*. Все эти варианты единого происхождения. Возможно, первоначально полнозначное слово *бирлан* > *билан* превратилось в послелог, а затем — в аффикс творительного падежа.

Основным значением творительного падежа считается совместность: *аишĕне ывăлĕ* «отец с сыном», или «отец и сын». Из других значений можно отметить следующие: а) орудие: *сĕсĕне касать* «режет ножом»; б) время: *ирпе ситрĕмĕр* «прибыли утром»; в) причина: *сивĕне чĕтрет* «дрожит от холода»; г) место: *вăрманпа пырать* «идет по лесу»; д) средство: *уксана илнĕ* «купил на деньги».

Как и остальные косвенные падежи, творительный падеж является достоянием не только словоизменительной, но и формоизменительной морфологии. Особый интерес представляют формы *ялĕне* «всей деревней» (т. е. все жители деревни совместно), *класĕне* «всем классом», где за аффиксом 3 лица притяжательной категории следует аффикс комитатива. Некоторые исследователи слова *ялĕне*, *класĕне*, *районĕне*, *республикене*, *сĕршывĕне*, *тĕнчине* и др. незаконно переводят в разряд наречий на том основании, якобы аффикс 3 лица здесь десемантировался. Согласиться с таким мнением трудно.

В современном чувашском языке аффикс творительного падежа может присоединиться не только к форме притяжательного падежа с притяжательными аффиксами 2 и 3 лица: *аç-ун-не*, *анн-ĕ-н-не*, *кин-ĕ-н-не*, но и к форме притяжательного падежа без аффиксов 2 и 3 лица. *Петĕрĕнне Иванĕн кĕнекисем сĕтел сунче* «Книги Петра и Ивана на столе». *Ман шинеле аяла сартăмăр, Петĕрĕнне витĕнтĕмĕр* (Арт.). «Мою шинель постигли, а шинелью Петра укрылись».

Лишительный падеж. Данный падеж образуется с помощью аффикса *-сăр(-сĕр)*, которому в других тюркских языках соответствует *-сыз(-сиз)*, фигурирующий в качестве деривационного аффикса.

Некоторые исследователи считают чувашский лишительный падеж не настоящим падежом. М. Р. Федотов, хотя и не возражает против введения в категорию падежей абессива, но тем не менее склонен думать, что чувашский *-сăр(-сĕр)* остается в сфере словообразования адъективного характера, нежели

словоизменения³⁴, о том, что аффикс *-сӑр (-сӗр)* является не подлинным падежным аффиксом. Ни в чувашском, ни в других тюркских языках падежная форма словообразовательной базой служить не может, тогда как чувашские имена прилагательные на *-сӑр(-сӗр)* могут образовать новые слова: *вӑйсӑрлан* «становиться бессильным, слабым», *вӑйсӑрлӑх* «бессилие, слабость».

Введением лишительного падежа в падежную систему нарушился принцип тотальности, характерный для всех падежных форм, поскольку аффикс *-сӑр(-сӗр)* может быть деривационным и реляционным на одной синхронной плоскости.

Если до сих пор все падежные аффиксы «без оглядки» могли приниматься за падежные, то при определении аффикса лишительного падежа и ученик, и учитель, и исследователь-языковед должны знать определенные правила. Форму прилагательного на *-сӑр(-сӗр)* предлагают отличить от существительного по следующим признакам:

1) прилагательное на *-сӑр(-сӗр)* противопоставляется прилагательному на *-лӑ(-лӗ)*: *вӑйлӑ сын* «сильный человек» — *вӑйсӑр сын* «бессильный, слабый человек», а существительное с аффиксом *-сӑр(-сӗр)* противопоставляется существительному в творительном падеже на *-па(-пе)*: *тракторпа сухала* «пахать трактором» — *тракторсӑр сухалама сук* «без трактора невозможно пахать»; 2) прилагательное на *-сӑр(-сӗр)* не образуется от имен существительных, имеющих притяжательный аффикс и аффикс множественного числа *-сем*, а падежная форма может сочетаться с именами существительными, имеющими таковые аффиксы.

В дальнейшем эти главные принципы дополнялись разного рода «уточнениями»: что падежная форма на *-сӑр(-сӗр)* отличается от словообразовательного аффикса *-сӑр(-сӗр)* тем, что существительное в падежной форме сочетается только с глаголами. Получается, одно и то же слово *вӑйсӑр* в предложении типа *Вӑйсӑр сӑл вӑйсӑр вӗрет* «Слабый ветер слабо дует» в первом случае прилагательное, а во втором — существительное в лишительном падеже. Порочной практике такого рода при определении частей речи дали решительный бой уже во время дискуссии в 1953—54 гг. Например, в предложении *Лайӑх ача лайӑх вӗренет* «Хороший мальчик хорошо учится» слово *лайӑх* выступает в двух синтаксических функциях: является определением и обстоятельством образа действия, но слово

³⁴ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1983. Ч. 2. С. 39—40.

лайӑх в обоих случаях считается прилагательным, а не наречием, когда оно стоит перед глаголом. Это говорит о том, что при определении статуса частей речи синтаксические функции слов не являются решающими, ибо существительные и прилагательные в чувашском языке обладают весьма широкими синтаксическими функциями.

Стремление видеть прилагательное и в существительном с аффиксом *-сӑр(-сӗр)* в притяжательной форме, выступающем в роли определения, привело в дальнейшем к нарушению изложенного выше, т. е. слова *амӑшӗсӗр* и *пиччӗшӗсӗр* (ача), имеющие притяжательный аффикс 3 лица, стали причислять к прилагательным³⁵, не учитывая при этом отличительный признак прилагательных в чувашском языке — то, что они непременно должны принимать аффикс категории сравнения *-рах(-рех)*. Таким образом, слова *амӑшӗсӗр*, *пиччӗшӗсӗр*, имеющие в своем составе аффикс принадлежности 3 лица, не могут быть прилагательными. Сказанное подтверждается и тем, что в языке нет форм *амӑшӗсӗртерех ача* и *пиччӗшӗсӗртерех ача*. Итак, тезис о том, что употребление формы на *-сӑр(-сӗр)* перед именем ни под каким видом невозможно рассматривать как падежное, — нарушается.

Казалось бы, все сказанное выше относится и к словоформам на *-лӑ(-лӗ)*. Если мы признали в аффиксе *-сӑр(-сӗр)* двуфункциональность, то и аффикс *-лӑ(-лӗ)* должен быть также двуфункциональным, деривационным, образующим имя прилагательное, и реляционным, т. е. падежным. Но по воле лингвистов аффикс на *-лӑ(-лӗ)*, *-ллӑ(-ллӗ)* причислен только к деривационным. Теперь к именам прилагательным безоговорочно относят все применные и прилагательные формы на *-лӑ(-лӗ)*. К тому же словоформы, содержащие в своем составе аффикс 3 лица *-ӗ*, *-и*, а также аффикс множественного числа *-сем* без разбора причислены к именам прилагательным: *тӑри юррилӗ ир*; *шӑпчӑк сассилӗ каç*; *шурӑ суртсемлӗ хула*.³⁶ и т. д.

Как мы видим, все эти вопросы требуют безотлагательного решения. Если мы признали наличие лишительного падежа, несмотря на нарушение принципа тотальности, то мы должны признать и статус наличного падежа с аффиксом *-лӑ(-лӗ)*, *-ллӑ(-ллӗ)*. Считать деривационными аффиксами *-сӑр(-сӗр)* и *-лӑ(-лӗ)* лишь в том случае, если словоформы с этими аффиксами принимают аффиксы категории сравнения *-рах(-рех)*, т. е.

³⁵ См.: Павлов И. П. V—VI классенче чӑваш чӗлхин морфологине вӗрентессе. Шупашкар, 1985. 29 с.

³⁶ См.: Павлов И. П. Хальхи чӑваш литература чӗлхи: Морфологи. 156, 163 с.

определителем того, к какой части речи относятся слова с этими аффиксами, является именно категориальный оформитель прилагательных. Другого выхода из создавшегося положения нет.

Основное значение лишительного падежа — лишение или исключение чего-нибудь: *кёнекесёр* «без книги», *ачасёр* «бездетный».

Из частных значений можно указать на следующие: а) отсутствие чего-либо: *сынсёр вырэн* «безлюдное место»; б) обозначение предельного времени: *уявсёр килмест* «до праздника не придет» и т. д.

Форма лишительного падежа является объектом исследования не только словоизменительной, но и формоизменительной морфологии. Аффикс *-сёр(-сёр)* широко употребляется после показателя множественного числа *-сем*: *кёнекесемсёр* «без книг», *туссемсёр* «без друзей», после всех аффиксов принадлежности: *ывăлăмсёр*, *ывăлусёр*, *ывăлĕсёр*, *ывăлăмăрсёр*, *ывăлăрсёр*; он может следовать за аффиксом притяжательного падежа: *Петёр-ён-сёр пусне урăх ёне таврашĕ курăнмарĕ унта* «Кроме коровы Петра там больше коров не было видно».

Причинно-целевой падеж. Слова с аффиксом причинно-целевого падежа *-шăн(-шĕн)* выражают следующие значения:

а) цель и назначение: *миришĕн* «за мир», *укçашăн* «из-за денег», *юратушăн* «за любовь»; б) причину или повод: *сивĕшĕн* ср.: *сивĕрен* «из-за холода»; *ăшăшăн* (~*ăшăран*) «из-за тепла»; в) отношение: *сывлăхшăн* «за здоровье», «для здоровья» и т. д.

Внепадежные формы

Уподобительная форма в чувашском языке оформляется аффиксом *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*, который до сих пор причисляли к деривационным, т. е. наречиеобразующим и, таким образом, неразвитую часть речи раздували искусственно ложными языковыми единицами. При этом явно не учли реляционный (словоизменительный) характер аффикса *-ла(-ле)*, *-лла(-лле)*. Тщательное исследование сущности этого аффикса показало, что он присоединяется к большей части существительных, а форму этого падежа можно видеть также в словах различных частей речи, что явно противоречит тому, чтобы его именовать деривационным.

Как ни странно, в число наречий включались слова, в составе которых были аффиксы принадлежности и множествен-

ного числа, т. е. целые конструкции типа *Уртемейсен качакилле* «как коза Уртемеев», *чён амйшле* «подобно наседке» превращались в наречия. Более того, в число наречий включались собственные имена и фамилии с аффиксом *-ла(-ле)*, но тем не менее последние писались с заглавной буквы: *Ленинла* «подобно Ленину», *Унтер Пришибеевла* «как унтер Пришибеев», *Валерий Чкаловла* «как Валерий Чкалов».

Если учесть то, что от чувашских местоимений очень редко образуются слова других частей речи, то формы *пирёнле* «по-нашему», *хйсемле* «по-собственному», «по-свойски», *санла* «по-твоему» следует считать местоимениями в уподобительной форме.

Таким образом, слова *хусалла* «по-хозяйски», *уралла*, *шуралла*, *таватталла*, *волейболла*, *сулхайнла*, *грузинла*, *хантасла*, *пырасла*, *хамарла*, *хальчченле*, несмотря на их принадлежность к разным частям речи, следует считать стоящим в уподобительной форме.

Частенько значение словоформы с аффиксом *-ла(-ле)* можно передать посредством послелогов *пек*, *евёр* «подобно», «как», «словно»; *кашкарла* — *кашкар пек* «словно волк»; *Петёрле* — *Петёр пек* «как Петр». Но в названиях игр: *футболла*, *хоккейла*, *волейболла* и при обозначении языка общения: *чавашла* «по-чувашски», *вырасла* «по-русски», *венгрла*, *узбекла*, *грузинла* * подмена аффикса *-ла(-ле)* послелогоми *пек*, *евёр* невозможна.

Главное значение этой формы — уподобление: *куккукла* «словно кукушка», *автанла* «подобно петуху», *кашкарла* «как волк». Посредством аффикса *-ла(-ле)* можно выразить определенное временное значение: *ачалла* «будучи ребенком», *хёрле* «будучи девушкой», *самрайкла* «в молодости».

Среди прочих значений уподобительной формы можно указать также следующие:

а) способ: *уксалла ил* «купить на деньги», *сйнахла улайштар* «менять на муку»;

б) сравнение: *поэтла этем* «человек как поэт», *арсынла хёрарам* «женщина с манерами мужчины»;

в) общение на каком-либо языке: *яппунла* «по-японски», *марилле* «по-марийски»; *нухайла* «по-ногайски»;

г) игра(ть) во что-либо: *футболла* «в футбол», *чушкарла* «в чижики», *чипikle* «в жмурки».

* Аффикс уподобительности чувашского языка *-ла(-ле)*; *-лла(-лле)* соответствует общетюркскому аффиксу сравнительного падежа *-ча*: *вырасла* — *русча* «по-русски».

Предельная форма. Аффикс предельно-достигательной (короче: предельной) формы или терминалиса в чувашском языке — *-чен(-ччен)*. По И. Бенцингу, его можно сравнить с послелогами *чэн* (азерб.) и *чэнли* (туркм.) «до»³⁷. А. И. Иванов, указывая на то, что формы с *-чен(-ччен)* сохраняют предметное значение, отказался тем не менее признать его падежным аффиксом, квалифицируя свой отказ тем, что он присоединяется только к части существительных. Такая мотивировка отказа не соответствует действительному положению вещей. В чувашском языке много слов и словоформ, с которыми аффикс *-чен* (или *-ччен*) употребляется свободно. В этом легко убеждают нас примеры из «Обратного словаря чувашского языка» под редакцией Л. П. Сергеева и др. (Чебоксары, 1985. С. 89—90): *талăкчен, сұлталакчен, симёкчен, прасникчен, срокчен, касчен, вăхăтчен, сехетчен, вăрахчен, пайтахчен, уйăхчен, пăрлăхчен, суллаччен, саманаччен, реформăччен, вăрçăччен, суйлавччен, раштавччен, уявччен, хĕллекчен, сĕрлекчен, ирхинеччен, кĕркунеччен, суркунеччен, эрнеччен, тепреччен, пĕрреччен, миçеччен, темиçеччен, ситиччен, чылайччен, самайччен, нумайччен, йĕмччен, тĕттĕмччен, таранччен, ыранччен, хăсанччен, тахсанччен, автанччен, çавăнччен, яхăнччен, мĕнччен, темĕнччен, унччен, кунччен, ёнерччен, паянччен, пĕрреччен, сĕрччен, ирччен, хальччен*. Перечисленные части речи (существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, послелоги), в которых фигурирует аффикс *-чен(-ччен)*, свидетельствуют о том, что данный аффикс не может быть деривационным.

Довольно широко используются подобные слова и словоформы в произведениях художественной литературы. Вот примеры, взятые из повести А. Артёмьева «Салампи»:

1. *Григорий Петрович Борисов вăрçăччен ялта чи ёсчен колхозник шутланатчĕ «До войны Григорий Петрович Борисов считался самым трудолюбивым колхозником».* 2. *Водопровод сукки хуплать, кĕрччен тăвас тенĕччĕ...* «Все дело в водопроводе, до осени хотели пустить в ход...» 3. *Паян вĕрентмеççĕ, анне, сивĕ хĕрĕх градуса ситет, теççĕ, çавăнна кăнтăрлаччен таврăнтăм,— хаваслăн пĕлтерчĕ вăл (Коля).* «Сегодня нет занятий в школе, мама, говорят, холода доходят до сорока градусов, поэтому вернулся домой до обеда». 4. *Салампи, тул сутăличчен тăрса, витери кăмакасене хутса ячĕ.* «Салампи, поднявшись до рассвета, затопила печи в телятнике». 5. *Ленăпа Маруç килеймеççĕ, киноччен ёс пуçтарас теççĕ.* «Лена и Ма-

³⁷ См.: Benzing J. Tschuwashische Forschungen (IV). Die Kasus //DMG. 1942. 96,3. S. 468.

русся не могут прийти, до кино они хотят закончить дела». 6. *Върсйччен эпё трактористчё*. «До войны я был трактористом».

Терминалис выражает разные значения, но основным считается обозначение предела действия во времени: *Уявччен ёслерёмёр* «Работали до праздника». Здесь, в зависимости от глагольной формы *уявччен* означает предел времени, который простирается в прошлом. Если же мы скажем *Уявччен ёслемелле* «Нужно работать до праздника», то время совершения действия распространяется на плоскость будущего.

Аффикс терминалиса также означает предел, до которого простирается известное нам действие, или время, раньше которого или до которого произошло то или иное действие. Если мы даже возьмем изолированно словоформу *Иванччен*, то мы сразу догадаемся о том, что до Ивана произошло какое-то событие, дело.

Терминалис может означать также последовательность предметов, представленную на временной плоскости: *Върманччен икё сырма урлй касмалла пулчё* «До леса нам пришлось перейти два оврага».

В числительных *-чен(-ччен)* выражает конкретный предел времени, до которого простирается действие: *иккёччен* «до двух», *виссёччен* «до трех».

Прилагательные *нумайччен, чылайччен, самайччен* выражают неограниченный предел во времени. В переносном смысле понимается *автанччен* «до петухов», т. е. «до рассвета».

Отдельно взятое *апатчен* может быть понято двояко: «до обеда (в прошлом) и до обеда (в будущем)», однако выражение *апатран апатчен* «от обеда до обеда» или «от одного приема пищи до другого приема» выражает более определенный период времени.

Значение предела времени, действия выражается также словоформами *паянччен* «до сегодняшнего дня», *ыранччен* «до завтра». Слова *ыранччен, тепреччен* в разговорной речи употребляются также в смысле «до свидания», *ыранччен* «до свидания завтра», *тепреччен* «до свидания в скором будущем».

Неопределенный промежуток во времени выражается словом *йлёмччен*. Если основа слова *йлём* означает «будущее», то словоформа *йлёмччен* может выражать временной отрезок в прошлом: *Улёмччен вай унта каймарё* «больше он туда не ходил». Если хотят выразить действие, совершаемое в будущем, употребляют *йлёмрен*: *Кам пулё-ши вай йлёмрен?* «Кем он станет в будущем?».

До сих пор мы, в основном, рассмотрели категориальные

формы, которые в большинстве случаев были предметом описания в грамматиках чувашского языка. В дальнейшем нам предстоит обосновать менее известные категориальные формы имени существительного: категория времени и категория усиления.

Категория времени

Многим может показаться странным утверждение о том, что в чувашском языке у имени существительного есть категория времени. Скептики обязательно зададут вопрос: «А разве время не грамматическая категория глагола?». В таких случаях уместно напомнить одну простую истину: не только действия совершаются во времени, но и предметы существуют и находятся в пространстве и во времени.

При определении грамматической категории времени у существительных мы отталкиваемся от наличия грамматического показателя *-чĕ* (*-чĕ*).

Возьмем следующие строки из повести А. Артемьева «Салампи»:

— *Лайăх салтакчĕ-и Валерий?* «Хорошим был солдатом Валерий?».

— *Паттăр салтакчĕ. Тĕлĕнмелле ыра сынчĕ. Çывăх тусăмчĕ манăн* «Бравый был солдат. Душевым был человеком. Был моим близким другом».

Словоформы *салтакчĕ* (букв. солдат был), *ыра сынчĕ* «душевым был человеком», *тусăмчĕ* «другом моим был» передают значение прошедшего времени. Это понятно читателю, ибо разговор между Леной и Алмазовым происходит после того, когда Валерий Семенов погиб смертью храбрых в Маньчжурии.

Вот еще строки, взятые из рассказа И. Тукташа «Чĕре калашат»:

«*Пурчĕ пирĕн отделенире самрак сестра — Таня. Уçă кăмăллă та çемсе чĕреллĕ хĕрчĕ. Сăнран-пусран пăхма ун синче нимĕнле ытлаши илемех те сукчĕ, кăлкан пек сарă сÿсĕ яланах арпашанса сÿретчĕ... Çавăн пек хĕрчĕ пирĕн сестра Таня*».

В данной ситуации рассказчик вспоминает прошлые дни из фронтовой жизни, поэтому в его повествовании то и дело появляются слова с аффиксом *-чĕ*: *хĕрчĕ* «девушка была», *пурчĕ* «была», *сукчĕ* «не было». Но здесь нужно провести четкую границу между морфемами *-чĕ* и *-ч+-ĕ*. В глагольных формах для выражения действий в прошедшем времени используется показатель *-ч* + показатель 3 лица *-ĕ*. Но в существительных *хĕрчĕ*, *салтакчĕ* мы такую членимость показать не можем по-

тому, что -ё употребителен не только по отношению 3 лица, но и 1 и 2 лица соответственно; *Энё салтакчĕ* «я был солдатом», *эсĕ салтакчĕ* «ты был солдатом». Во множественном числе употребительны два варианта: *Эпир салтакчĕ* — *эпир салтаксемчĕ* «мы были тогда солдатами»; *эсир салтакчĕ* — *эсир салтаксемчĕ* «вы были тогда солдатами», *вĕсем салтакчĕ* — *вĕсем салтаксемчĕ* «они были тогда солдатами».

Эти примеры показывают, что в чувашском языке имеется специальный аффикс, показывающий временную плоскость предмета в прошлом: *хĕрчĕ*, *ачачĕ*, *салтакчĕ* — маркированная форма предметного времени имени существительного в прошлом.

Если даже признать то, что построение многих грамматических категорий зиждется на оппозиции, то слово *салтак* в предложении *Энё — салтак* «Я — солдат» мыслится в настоящем времени. Он и будет считаться немаркированной (нулевой) формой.

Таким образом, в предложениях: *Вăл вĕрентÿсĕ* «Он учитель»; *Вăл вĕрентет* «Он учит» выражается настоящее время. В первом случае в слове *вĕрентÿсĕ* значение настоящего времени существительного выражено имплицитно, а в глаголе *вĕрентет* «учит» — эксплицитно, путем аффикса настоящего времени.

А в предложениях *Вăл вĕрентÿсĕчĕ* «Он был учителем», *Вăл вĕрентетчĕ* «Он учил» в обоих случаях значение прошедшего времени выражено эксплицитно.

В русистике призывают не путать морфологическое время с синтаксическим, считая синтаксическое время категорией уровня предложения, а морфологическое время — одним из значений формы слова³⁸. Поскольку в русском языке нет средств для выражения предметного времени, то категория времени описывается только при изучении глагола.

В чувашском языкознании синтаксическое настоящее время в предложениях типа *Вăл учитель* «Он учитель», *Çанталăк уяр* «Ясная погода» описано И. А. Андреевым³⁹. Установливая парадигму предложений *Çанталăк уяр*, *Çанталăк уяр пулчĕ*, *Çанталăк уяр пулĕ*, *Çанталăк уяр пулсаччĕ*, автор говорит о том, что значение настоящего времени в первом предложении (*Çанталăк уяр*) выражено имплицитно, а в других случаях грамматические значения выражены эксплицитно. И. А. Андреев, ес-

³⁸ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 543.

³⁹ См.: Андреев И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. Шупашкар, 1975. 2 пай. 5—6 с.

тественно, мог здесь показать характерную для чувашского языка особенность эксплицитного выражения прошедшего времени путем аффикса *-чĕ*: *Санталăк уярчĕ* «Погода была ясной», но, к сожалению, он ограничился примерами *Санталăк уяр пулчĕ* «Погода была ясной» и *Санталăк уяр пулсачĕ* «Погода была ясной».

Первое упоминание об аффиксе *-чĕ(-чĕ)* мы находим у Н. И. Ашмарина, которое он связывает с тюркским глаголом «идим» и называет «недостаточным глаголом»⁴⁰. Ф. Т. Тимофеев также назвал его «недостаточным глаголом» (*çителĕксĕр ёсхĕл*) и глаголом без основы, ибо здесь нет самой основы слова, а есть только окончание⁴¹. И. П. Павлов, следуя за предыдущими исследователями, аффикс *-чĕ(-чĕ)* назвал также «недостаточным глаголом»⁴². Затем, не согласившись тем, что В. Г. Егоров назвал *-чĕ(-чĕ)* частицей, автор критически подошел и к термину «аффикс» и необоснованно назвал *-чĕ(-чĕ)* постфиксом, выражающим сказуемость⁴³.

В этой работе И. П. Павлов правильно наметил значение аффикса *-чĕ(-чĕ)*, что посредством его в большинстве случаев выражается прошедшее время. Здесь же он указывает, что область распространения аффикса *-чĕ(-чĕ)* не замыкается причастиями, но широко распространен и в именах.

Таким образом, выражаемое грамматическое значение прошедшего времени маркированной формы на *-чĕ(-чĕ)* налицо, намаркированная форма при этом выражает значение настоящего времени. По степени активности *-чĕ(-чĕ)* не может быть деривационным, его можно считать только словоизменительной морфемой. Это не говорит о том, что он не может быть объектом описания в формоизменительной морфологии. Хотя у аффикса *-чĕ(-чĕ)* есть строго фиксированное положение — замыкать словоформу, но он примыкает не только к основе слова, но и ко всем категориальным формам имени существительного: *ывăлчĕ* — *ывăлсемчĕ*; *ывăлăмчĕ*, *ывăлăмăрчĕ*.

Прит.	ывăл-ăн-чĕ	хĕр-ĕн-чĕ	Петĕрĕнчĕ
Дат.	ывăл-а-чĕ	хĕр-е-чĕ	Петĕречĕ
Мест.	ывăл-та-чĕ	хĕр-те-чĕ	Петĕртечĕ
Исх.	ывăл-тан-чĕ	хĕр-тен-чĕ	Петĕртенчĕ

⁴⁰ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. 307.

⁴¹ См.: Тимухха Хĕветĕрĕ. Чăваш чĕлхин грамматика: Фонетика. Морфологи. Шупашкар, 1924. 78 с.

⁴² Павлов И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи. 244—245 с.

⁴³ См.: Павлов И. П. V—VI классенче чăваш чĕлхин морфологине вĕрентесси. 76 с.

Тв.	ыва́л-па-ччэ	хёр-пе-ччэ	Петёрпеччэ
Лиш.	ыва́л-са́р-ччэ	хёр-се́р-ччэ	Петёрсе́рччэ
Прич.	ыва́л-ша́н-ччэ	хёр-ше́н-ччэ	Петёрше́нччэ

Широкое употребление со всеми формами существительных, а также потенциально стопроцентная возможность употребления его со всеми словами и формами знаменательных частей речи дают полную гарантию объявить *-ччэ(-чэ)* словоизменительной морфемой.

Для убедительности возьмем слова разных частей речи:

а) прилагательные: *хитре—хитреччэ, хаяр—хаярччэ, усал—усалччэ, хёрли—хёрличчэ, сарри—сарриччэ, сўллёскер—сўллёскерччэ, усалтарах—усалтарахчэ; шап-шурá — шап-шурáччэ;*

б) числительные: *ви́ссэ—ви́ссэччэ, вунна́—вунна́ччэ, ви́ссэ-мёш—ви́ссэ-мёшчэ, вунна́-мёш—вунна́-мёшчэ, ви́шсер—ви́шсерччэ, вуншар—вуншарччэ, ви́шсерён—ви́шсерёнччэ, вуншарáн—вуншарáнччэ;*

в) местоимения: *эпё—эпёччэ, ва́л—ва́лччэ, хай́—хай́ччэ, пирён—пирёнччэ, лешсен—лешсенччэ, кунашка́л—кунашка́лччэ, мёни́шён—мёни́шёнччэ, мёнле—мёнлеччэ;*

г) причастия: *ларакан—лараканччэ; вула́нá — вула́нáччэ, вуламаллаччэ.*

Примечание. В причастиях будущего времени *-чэ* не выражает значения прошедшего времени: *вуласчэ, каясчэ, пёлесчэ*. То же самое наблюдается в формах глагола сослагательного наклонения: *вула́ттáмччэ, кайáттáмччэ*. Во всех этих случаях выражено желательное-предполагаемое действие, или мечта, которую нужно претворить в жизнь. Поскольку мечта — мысленно представляемое, созданное воображение, цель, которую нужно достичь в будущем, то, естественно, значение прошедшего времени в таких случаях ни к чему. То же самое мы наблюдаем и в восторженных восклицаниях, когда человек страстно желает чего-то: *Сáкáрччэ халь пёр татáк!* «Хлеба бы хоть один кусок!», *Мунчаччэ халь!* «Баню бы сейчас!»

Аффикс *-чэ(-ччэ)* принимают также деепричастия: *кайсаччэ, кўллесччэ, пёлсеччэ*; наречия: *анчахчэ, пайтахчэ, аранччэ, та́рукчэ, юриччэ, ка́ла́хахчэ*; д) послелог: *пекчэ, витёрччэ, таранччэ, валличчэ*, ж) частицы: *марччэ, сукчэ, се́счэ, араччэ*; з) подражания: *ша́тáр-ша́тáрччэ, ва́ша́л-ва́ша́лччэ, че́вёл-че́вёлччэ* и т. д.

Таким образом, прошедшее время имен существительных (да и других частей речи) противопоставлено немаркированной основе, выражающей значение морфологического настоящего времени: *ача—ачаччэ, ке́неке—ке́некеччэ, шывша́н—шывша́нччэ* и т. д.

Категория усиления

Категория усиления существительных образуется в чувашском языке противопоставлением маркированной или немаркированной основы, выражающей обычное утверждение (в виде номинативной единицы или любой словоформы), маркированной основе с аффиксом *-ax(-ex, -x)*, выражающей значение усиления (подчеркнутого утверждения): *сын сынах* «человек все же есть человек», *ёс ёсех* «дело есть дело», *ачи ачах* «ребенок, конечно, ребенок».

До сих пор аффикс *-ax(-ex, -x)* считался усилительной частицей, что не соответствует истине, ибо этот аффикс имеет сингармоничный вариант в виде *-ax(-ex)*, а после основ с гласными <а, е> он имеет алломорфу *-x*: *ача—ачах, кёне—кёпех, суна—сунах*. К тому же частицы орфографически оформляются раздельно или полуслитно (т. е. через дефис), а аффикс *-ax(-ex, -x)* всегда пишется слитно (как и все аффиксы), т. е. агглютинируется.

Частицы в большинстве случаев однозначны, а аффикс *-ax(-ex, -x)* полизначен. Н. И. Ашмарин указывает на наличие следующих значений словоформ с аффиксом *-ax(-ex, -x)*: усиление; уточнение, тождество; утверждение, выделение; ограничение; отчаяние (А II 181—184), в третьем томе Словаря *-ex* назван аффиксом (заметьте: во II томе *-ax* назван частицей же) ограничения, усиления или отождествления (А III 39—41).

Категория усиления относится одинаково как к словоизменяющей, так и формоизменяющей морфологии. Вот примеры, взятые из Словаря Н. И. Ашмарина:

Çак чирех «именно эта болезнь»;

нимён ёсех те сук «никакой особенной работы нет»;

çав сынах илсе кайрё «взял тот же самый человек»;

тарçа тарçах вӑл «слуга же он есть слуга»;

кунёпех «целыми днями»;

вӑл этемренех суралнӑ-ши?
«он человеческого же происхождения?»

урӑх сырмасемех сук «других особых оврагов нет» и т. д.

Нужно заметить универсальный характер аффикса категории усиления; он может присоединиться почти ко всем частям речи (причем ко всем их формам):

а) к прилагательным: *хитри хитрех-ха вӑл* «красив-то он красив»; *хитререхех* «красивее»;

б) к местоимениям: *вӑльне вӑлах та* «он-то положительно он»; *унтанах пулмасть* «не выйдет из него»;

в) к числительным: *хӗрӗхех сук пулӗ* «не может быть со-рока», *хӗрӗхсенчех* «точно ему под сорок»;

г) к наречиям: *паӗра* «давно уже»; *кӗсех* «уже скоро»;

д) к частицам: *татах* «еще и еще», *вӑл марах* «не он же»;

е) к подражательным словам: *сумӑр чапӑлах сӑвать* «идет очень сильный дождь»;

ж) к послелогам: *ун валлиех* «прямо для него» и т. д.

Таким образом, категория усиления выделяется при противопоставлении по линии «усиление—неусиление»; немаркированная основа существительного в нулевой форме выражает номинативное утверждение, а имя с аффиксом *-ах* (*-ех*, *-х*) — усиление утверждения, уточнения и выделения:

сын — номинативное утверждение (без усиления);

сынах — уточнение с оттенком усиления: *Сынах пулмалла сав* «Должно быть, это человек»; *Сынах пулӑн-ши эсӗ?* «Выйдет ли из тебя человек?»;

ир «утро» или «рано» — утверждение без усиления;

ирех «совсем рано»: *Ирех килчӗ* «Пришел совсем рано»; *Ир-ирех* (или *ирех*) *тӑрать* «Поднимается очень рано»; *Ирӗ ирех* «Утро, конечно же, утро»; «Рано, разумеется, рано».

Категории усиления присущ принцип тотальности, ибо эта категория распространяется на все слова той или другой части речи.

Аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) может выступать в удвоенном виде: *Чӑнахах та питӗ хӑраса йӗрӗм* (Трубина) «И в самом деле я сильно испугался».

§ 3. ФОРМОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ

От словоизменения к формоизменению

В предыдущем разделе мы преднамеренно рассматривали лишь простейшие случаи морфологического строения слова в связи с изучением категорий числа, падежа, принадлежности, времени, усиления существительных чувашского языка. Нами были проанализированы следующие разновидности морфологических форм слова:

- 1) аффикс множественного числа: *ача-сем*;
- 2) падежные аффиксы: *ача-н*, *ача-на*, *ача-сӑр* и т. д.;
- 3) аффиксы принадлежности: *ача-м*, *ача-у*, *ач-и* и т. д.;
- 4) аффикс прошедшего времени: *ача-ччӗ*;
- 5) аффикс усиления: *ача-х* (*сын-ах*, *сӗтел-ех*).

Но чувашский язык, как и все другие тюркские языки, относится к агглютинирующим языкам, и ему присуща агглютинативная, или формоизменяющая, морфология, где выражение грамматических категорий осуществляется посредством соположения морфем. Морфологическое строение слова должно изучаться в следующем плане:

1) именная основа + аффикс множественного числа *-сем* + падежные аффиксы: *сын-сем-пе, сын-сен-че, сын-сем-сёр...*;

2) именная основа + падежные аффиксы + падежные аффиксы: *ача-нн-е, ача-н-пе, ача-ран-па; ача-сър-шӑн* (*Эсӗ ача-сършӑн кам айӑплӑ. «Кто виноват в том, что у тебя нет ребенка»*);

3) именная основа + аффиксы принадлежности + падежные аффиксы: *ача-м-а, ач-у-н-а, ач-и-пе*;

4) именная основа + аффиксы принадлежности + аффикс мн. числа: *ач-ам-сем, ача-м-ӑр-сем*;

5) именная основа + аффикс мн. числа + аффиксы принадлежности: *ача-сем-сёр, ач-сем-ёр*;

6) именная основа + аффиксы принадлежности + аффиксы мн. числа + падежные аффиксы: *ача-м-сем-пе, ач-у-сем-шӑн, ач-и-сем-сёр*;

7) именная основа + аффикс мн. числа + аффикс прошедшего времени *-чӗ (-чӛ)*: *ачасем-чӗ*;

8) именная основа + аффикс мн. числа + аффиксы падежей + аффикс прошедшего времени *-чӗ*: *ача-сем-пе-чӗ, ачасем-сёр-чӗ, ача-сем-шӑн-чӗ*;

9) именная основа + аффиксы принадлежности + аффикс мн. числа + *-чӗ*: *ача-м-ӑр-чӗ, ач-и-сем-чӗ*;

10) именная основа + аффиксы принадлежности + аффикс мн. числа + падежные аффиксы + аффикс прошедшего времени *-чӗ*: *ача-м-ӑр-сем-пе-чӗ, ач-у-сем-сёр-чӗ, ач-и-сем-шӑн-чӗ*.

Во многих случаях в постпозиции может оказаться аффикс категории усиления *-ах (-ех, -х)*.

Аффиксальные морфемы при этом строго контекстуальны, они расположены в определенной последовательности. Отклонение от нормы наблюдается лишь в отношении аффикса множественного числа *-сем* и аффиксов принадлежности:

ач-ӑр-сем «дети ваши»;

ач-сем-ёр «дети мои» или «дети наши».

Форма *ач-сем-ёр*, видимо, получилась под влиянием аналогичных форм других тюркских языков: *бала-лар-ым* «дети мои». По мнению Э. В. Севортыяна, исторически размещение аф-

фиксов принадлежности и множественного числа *-лар(-лер)* в тюркских языках было сходно с тем, что мы имеем в чувашском языке: *ача-м-сем* (т. е. *бала-м-лар*), сначала шел аффикс принадлежности, а затем множественности⁴⁴.

Таким образом, в чувашском языке последовательность аффиксальных морфем — явление объективное, исторически обусловленное, поэтому оно может быть (и должно быть) объектом специального лингвистического исследования в формоизменяющей морфологии. Формоизменяющей мы назвали ее потому, что здесь изменяется не сама немаркированная основа, а подвергается изменению та или иная маркированная основа (т. е. основоформа), становясь при этом как бы изменяемой основой.

Необходимость исследования последовательности аффиксальных морфем была отмечена рядом ученых. В. И. Цинциус считала, например, что изучение порядка расположения аффиксальных морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но, в особенности, для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий»⁴⁵.

Нисколько не умаляя значения изучения вопроса последовательности аффиксальных морфем в этимологических и исторических штудиях, мы все же подчеркнем важность такого исследования в целях выяснения задач синхронного порядка: в целях установления категориальных и некатегориальных форм на основе изучения формоизменения. Принципиальное значение имеет при этом вопрос о плеоназмах — сочетаниях в пределах одного грамматического ряда одинаковых или однозначных морфологических элементов: падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа⁴⁶.

Двойное склонение и категории склонения в чувашском языке

Вопрос о двойном склонении в алтаистике впервые поднял Н. Поппе: «Двойное склонение заключается в образовании па-

⁴⁴ См.: Севортян Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 137.

⁴⁵ Цинциус В. И. Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 149.

⁴⁶ См.: Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 25.

дежных форм не от основы, но от какой-нибудь падежной формы. Падежная форма как бы становится склоняемой дальше основой»⁴⁷, т. е. по нашей терминологии — основоформой.

Как бы скептически мы ни относились к так называемым «склоняемым падежным основам», мотивируя это тем, что такое определение находится в явном противоречии с общепринятым определением понятия основы, но факт остается фактом: двойные падежи существуют не только в монгольских языках, но и в чувашском.

Впервые в чувашском языке двойное склонение отмечено прекрасным знатоком вопросов чувашского склонения А. И. Ивановым. Он писал: «В современном чувашском языке склонение некоторых местоимений почти целиком построено на притяжательном падеже. Притяжательный падеж является основой склонения указательных местоимений и личных местоимений 1-го и 2-го лиц во множественном числе»⁴⁸:

Осн. п.	çакă «этот»	эпир «мы»
Прит. п.	çакă-н	пир-ён
Дат-вин. п.	çак(ă)-н-а	пир-е
Мест. п.	çакăн-та	пирён-те
Исх. п.	çакăн-тан	пирён-тен
Тв. п.	çакăн-па	пирён-пе
Лиш. п.	çакăн-сăр	пирён-сёр
Прич-цел. п.	çакăн-шăн	пирён-шён.

Далее автор указывает, что по образцу местоимения *çакă* склоняются *çавă* «тот», *лешё* «тот, что подальше», *пурё* «все», *пёрри* «один из них», *тепри* «другой», что склонение местоимения *кашни* также построено на притяжательном падеже. Он подметил и то, что у существительных, обозначающих предметы, которые могут обладать чем-то, от притяжательного падежа образуется второй дательно-винительный падеж с аффиксом *-не*: *колхоз-ăн-не* (от формы *колхозăнё* «то, что принадлежит колхозу»). И в итоге, вслед за И. А. Батмановым, А. И. Иванов притяжательный падеж объявляет формообразовательной категорией⁴⁹.

А. И. Иванов, правильно анализируя многие факты двойного склонения, все же не заметил существенных моментов при таком необычном склонении, как-то: неправильная трактовка аф-

⁴⁷ Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938. С. 150.

⁴⁸ Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. ЧИИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 34. С. 81—82.

⁴⁹ См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. С. 82.

фикса дательного-винительного падежа *-на(-не)*, вместо *-а(-е)*; при склонении местоимения эфир «мы» в дат.-вин. падеже автор приводит лишь форму *пир-е*, в то время как в языке существует форма *пирённые*: *Пирённые ёнер такамсем ёнене анкартине кяларса янй* «Вчера кто-то нашу корову пустил в огород».

Недостаточно внимателен был автор и к существительным, обозначающим предметы, которые в реальной жизни могут обладать каким-либо имуществом, вещью. Все они, по образцу вышеуказанных местоимений, могут участвовать в двойном склонении, и при этом необязательно приводить наличие аффикса 3 лица *-ё* (или *-и*) в основном падеже. Приведем выше-названное слово *колхоз* в трех типах склонения, обозначая соответственно образцы I, II и III склонений:

Осн.	колхоз	колхоз	колхоз-ё
Прит.	колхоз-яң	колхозяң	колхоз-ё-н
Дат.	колхоз-а	колхозяңн-е	колхоз-ё-нн-е
Мест.	колхоз-ра	колхозяң-че	колхоз-ё-н-че
Исх.	колхоз-ран	колхозяң-чен	колхоз-ё-н-чен
Тв.	колхоз-па	колхозяң-пе	колхоз-ё-н-пе
Лиш.	колхоз-саҗ	колхозяң-сеҗ	колхоз-ё-н-сеҗ

При этом некоторые исследователи во втором типе склонения склонны видеть наличие «скрытого» аффикса выделения *-и*. Мы считаем это простым иллюзорным впечатлением, ибо склонение той и другой формы можно представить для сравнения в таком виде:

Осн.	колхоз	колхоз-яңн-и
Прит.	колхоз-яң	колхоз-яңн-и-н
Дат.	колхоз-яңн-е	колхоз-яңн-и-н-е
Мест.	колхоз-яң-че	колхоз-яңн-и-н-че
Исх.	колхоз-яң-чен	колхоз-яңн-и-н-чен
Тв.	колхоз-яң-пе	колхоз-яңн-и-н-пе
Лиш.	колхоз-яң-сеҗ	колхоз-яңн-и-н-сеҗ
Прич.	колхоз-яң-шең	колхоз-яңн-и-н-шең

При таком понимании типов склонения изменение по падежам существительных, имеющих показатели принадлежности I, 2, 3 лица, будет также «двоичным»:

	I	II
Осн.	тус-яң	—
Прит.	тус-яң-яң	тус-ямаң
Дат.	тус-яң-а	тус-ямаңн-е

Мест.	тус-әм-ра	тусәмән-че
Исх.	тус-әм-ран	тусәмән-чен
Тв.	тус-әм-па	тусәмән-пе
Лиш.	тус-әм-сәр	тусәмән-сёр
Прич.	тус-әм-шән	тусәмән-шён

Примеры со словоформами второго типа склонения:

1. *Тусәмәнне кёнекине тавърса памалла* «Книгу моего друга нужно вернуть». 2. *Кам сумкине хутәм-ха кёнекене? Петёр тусәмёнче мар-и-ха въл?* «В чью же сумку положил я свой учебник? Неужели она в сумке моего друга Петра?» 3. *Ман сёлёк тусәмёнчен сёнёрех* «Моя шапка новее чем у моего друга». 4. *Хам кёнекене эпё тусәмәнне пёрле хутәм* «Свою книгу я положил рядом с книгой моего друга». 5. *Тусәмәнсёр пусне сётел синче урэх кёнеке куранмарё* «На столе, кроме книги моего друга, других книг не было видно». 6. *Хамән ёнене эпё часах тупрәм, тусәмәншиён икё сехет вәрман тәрэх сўреме лекрё* «Свою корову я нашел сразу, из-за коровы моего друга пришлось ходить по лесу в течение двух часов». Ср.: 7. *Тусәмәнле* (уподоб. форма) *хитре кёрёк хәсан сёлетсе парёс-ши мана?* «Когда же мне сошьют такую красивую, как у моего друга, шубу?» 8. *Тусәмәнччен* (предельн. форма) *малтан ман пўлёме тирней-илем кўртрёмёр*. «Прежде чем приводить в порядок комнату друга, навели порядок в моей». Сопоставим в таком же порядке парадигму склонения с аффиксами 2 и 3 лица:

	I	II	I	II
Осн.	тусу	тусу	тусё	тусё
Прит.	тусун	тусун	тусён	тусён
Дат.	тусна	тусунне	тусённе	тусне
Мест.	тусунта	тусунче	тусёнче	тусёнче
Исх.	тусунтан	тусунчен	тусёнчен	тусёнчен
Тв.	тусупа	тусунпе	тусёнпе	тусёпе
Лиш.	тусусәр	тусунсёр	тусёнсёр	тусёсёр
Прич.	тусушән	тусуншиён	тусёншиён	тусёшиён

Приведенные выше типы можно назвать смешанным (I) и притяжательным (II) склонениями существительных.

Смешанный и притяжательный типы склонения характерны для существительных в форме множественного числа:

	I	II	I	II
Осн.	сынсем «люди»	кўршёсем	сынсем	кўршёсем, «соседи»
Прит.	сынсен	кўршёсен	сынсен	кўршёсен

Дат. сынсене	кўршёсене	сынсенне	кўршёсенне
Мест. сынсенче	кўршёсенче	сынсенче	кўршёсенче
Исх. сынсенчен	кўршёсенчен	сынсенчен	кўршёсенчен
Тв. сынсемпе	кўршёсемпе	сынсемпе	кўршёсенпе
Лиш. сынсемсёр	кўршёсемсёр	сынсемсёр	кўршёсенсёр
Прич. сынсемшён	кўршёсемшён	сынсеншён	кўршёсеншён

Как видно из парадигмы склонения I, в тв., лиш., прич. падежах склоняемой является основа слова во множественном числе с аффиксом *-сем*: а в других — форма притяжательного падежа — *сынсен*. До сих пор в школьных и вузовских учебниках, а также в научных грамматиках фигурировал только I тип склонения, между тем чувашскому языку характерен не только основной и смешанный типы склонения, но и притяжательный тип склонения. Напоминаем, притяжательным мы его назвали потому, что склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Такая формулировка отличается от той, что обычно предлагают в тюркологии: простое (безотносительно к обладателю) и лично-притяжательное (посессивное) склонения (с указанием обладателя)⁵⁰, когда имеется в виду склонение существительных с аффиксами личной принадлежности.

Поскольку такие типы склонения не чужды для многих существительных и характеризуются регулярностью сопоставляемых форм с соответствующим содержанием, то перед нами не что иное, как категориальная форма склонения существительных. Это говорит о том, что пора разграничить термины «категория падежа» и «категория склонения». Хотя они взаимосвязаны, но трактовать их под одним определением невозможно. В категории падежа представлены падежи с их соответствующими маркерами, а в категории склонения следует признать оппозицию склоняемых основ (или основоформ). В склонении, названном основным, склоняемой является немаркированная основа, а в притяжательном склонении — маркированная основа притяжательного падежа, т. е. склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Никакая другая падежная форма не может быть полностью склоняемой формой, т. е. основоформой.

Притяжательный падеж в чувашском языке находится в особом положении, поскольку образующий его аффикс функционирует не сам по себе, а как один из элементов двустороннего выражения связи: он связывается сам с основой слова

⁵⁰ См.: Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 29—35.

и соединяет эту основу с другими аффиксами, как бы пропускающая через себя.

Аффикс притяжательного падежа может присоединиться не только к основе слова, но часто встречается в иной позиции в многоступенчатой системе формоизменения: *çак-ăй-та-лл-и-скер-ён* «у того, кто из здешних мест». В первом случае *-ăй* примыкает к основе местоимения *çак*; а во втором случае *-ён* является аффиксом притяжательного падежа формы выделения на *-скер*.

В свете вышеизложенного становится ясным, что утверждение о едином типе склонения в чувашском языке требует пересмотра. Устанавливая типы склонения, мы не должны соизмерять их с типами склонения в русском и немецком языках. Русский, немецкий и чувашский языки разносистемны, поэтому для анализа фактов должны быть использованы разные мерилы языковедческого порядка.

Для тех, кто в притяжательном склонении предполагает склонение основоформы на *-и*, укажем, что это не соответствует истине. Доказательством тому служат образцы склонения имен в формах 1, 2 и 3 лица категории принадлежности:

Осн. *юлташ-у* «твой товарищ», *тус-ё* «его, ее друг», *тус-ăм* «мой друг».

Прит. юлташ-у-и	тус-ё-н	тус-ăм-ăн
Дат. юлташ-(у)-и-а	тус-(ё)-н-е	тус-ăм-ăнн-е
Мест. юлташ-у-н-та	тус-ё-н-че	тус-ăм-ăн-че
Исх. юлташ-у-н-тан	тус-ё-н-чен	тус-ăм-ăн-чен
Тв. юлташ-у-н-пе	тус-ё-н-пе	тус-ăм-ăн-пе и т. д.

в которых нет и не может быть аффикса *-и*; во множественном числе:

Осн. <i>кършĕ-сем</i> «соседи»	<i>çын-сем</i> «люди»	<i>çын-сенн-и</i>
Прит. <i>кършĕ-сен</i>	<i>çын-сен</i>	<i>çын-сенн-и-н</i>
Дат. <i>кършĕ-сен-е</i>	<i>çын-сен-е</i>	<i>çын-сенн-и-н-е</i>
Мест. <i>кършĕ-сен-че</i>	<i>çын-сен-че</i>	<i>çын-сенн-и-н-че</i>
Исх. <i>кършĕ-сен-чен</i>	<i>çын-сен-чен</i>	<i>çынсенн-и-н-чен</i>
Тв. <i>кършĕ-сен-пе</i>	<i>çын-сен-пе</i>	<i>çын-сенн-и-пе</i> и т. д.

Теперь перейдем к вопросу о потенциальном изменении основоформы притяжательного падежа.

Многоступенчатую систему производных форм от притяжательного падежа впервые описал А. И. Иванов и представил схему образования форм⁵¹.

⁵¹ См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. С. 83.

В качестве примеров А. И. Иванов взял указательные местоимения *сакá* «этот», *савá* «тот», *ку* «этот», хотя в перечне примеров фигурируют и существительные (*шкул, колхоз, совхоз, сáмах, ял, арман*), числительные (*вицсё, саккár, тáххár*).

Обратим внимание на вторую ступень, которую мы обозначали индексом II. В этой графе представлены все падежи, о которых мы говорили выше, но формы *-ччен* и *-ла(-ле)* не названы соответствующими терминами «предельный и уподобительный падежи». Видимо, автор догадывался, что эти формы являются близкими к падежным, но об этом у него нет четкого высказывания, неслучайно они поставлены в один ряд с падежами.

Считая, что исходный падеж образовался от местного, автор в одних примерах постпозиционный *-н* в аффиксе *-ран(-рен), -тан(-тен), -чен* выделяет (*сáмахён-че-н* «из его слова»), в других оставляет в слитной форме (*ялён-чен* «из его деревни»).

Естественно, схема, составленная с целью описания формоизменения указательных местоимений *сакá; савá, ку*, с привлечением некоторых форм числительных, порою не подходит для представления «производных» от притяжательного падежа форм существительных, поэтому она должна быть модифицирована.

Например, возьмем следующие строки из поэмы К. Иванова «Нарспи»:

Лаши сикрё, ыткáнчё,
Вёссе кайрё килнелле
«Конь отпрянул и стрелю полетел домой» (букв. в сторону дома).

Морфемный состав слова *килнелле* здесь может быть представлен в таком виде: *кил-н-елле* (<килён-елле), *кил-н-елл-е* (или *кил-н-е-лле*), в зависимости от того, в каком виде будет представлен аффикс направительной формы, но во всех случаях мы должны указывать наличие формы притяжательного падежа *-н* и направительной формы.

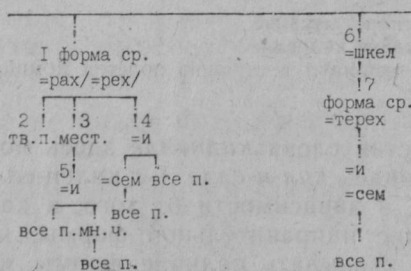
Мы здесь не представили также широкоупотребляемые формы прошедшего времени на *-чё(-ччё)*: *ялёнчеччё, ялёнченччё, Петёрённеччё* и т. д., а также формы усиления на *-ах(-ех, -х)*: *ялёнчех, килёнчех, айёнчех, Петёрённех, килнеллех, ялёнчисемех, ялёнченнисемех* и т. д. Без нумерации мы оставили формы типа: *варр-и-н-е-рехх-и-сем* + все п., поскольку в число таких форм можно отнести лишь словоформы *тáрринереххисем* и *хёрринереххисем*.

Примеры: 1) ачан(-áн), лашан(-áн), ёнен(-ён);

- 2) ачанн-е, шула́нн-е, колхоза́нн-е, совхоза́нн-е;
- 3) ялён-че, колхозё́н-че, хирё́н-че, килё́н-че, уйё́н-че;
- 4) ялён-чен, колхоза́н-чен, хирё́н-чен, килё́н-чен, уйё́н-чен;
- 5) колхоза́н-пе, Петёре́н-пе, совхоза́н-пе, кўрше́н-пе;
- 6) колхоза́н-ше́н, Петёре́н-ше́н, совхоза́н-ше́н, кўрше́н-ше́н;
- 7) колхоза́н-се́р, Петёре́н-се́р, совхоза́н-се́р, кўрше́н-се́р;
- 8) колхоза́н-ччен, Петёре́н-ччен, кўрше́н-ччен;
- 9) колхоза́н-ле, Петёре́н-ле, кўрше́н-ле;
- 10) колхоза́нн-и, кўрше́нн-и, Петёре́ннн-и;
- 11) ачанайнн-и, колхоза́нн-и;
- 12) амашё́н-е-шкел, ашше́н-е-шкел, пичче́ше́н-е-шкел;
амаш-н-е-шкел пичче́ш-н-е-шкел;
- 13) ялён-ч-и, килё́н-ч-и, колхозё́н-ч-и, уйё́н-ч-и;
- 14) хулин-ченн-и, класё́н-ченн-и, ялён-ченн-и;
- 15) кўрше́н-пе -скер, юлташа́н-пе-скер;
- 16) колхоза́н-ше́нн-и, сынна́н-ше́нн-и;
- 17) колхоза́н-ша́нн-е, кўрше́н-ше́нн-е, та́вансен-ше́нн-е (пур-те пёлессе́);
- 18) ялён-ч-и-сем, килё́н-ч-и-сем, шуле́н-ч-и-сем;
- 19) ялён-ченн-и-сем, колхозё́н-ченн-и-сем и т. д.

Изменение формосновы дательного падежа можно представить в следующем виде:

Дательный падеж

Примеры: 1) *хёле-рех кёрсен* «при наступлении зимы»; 2) *хёле-рехпе* «к зиме»; 3) *ва́рманна-рах-ра* «ближе к лесу»; 4) *тултараххи* «то, что выступает наружу»; 5) *ва́рманна-рах-р-и* «то, что находится ближе к лесу»; 6) *амашне-шкел* «подобно матери»; 7) *амашнешкел-терех* «примерно походит на мать» и т. д.

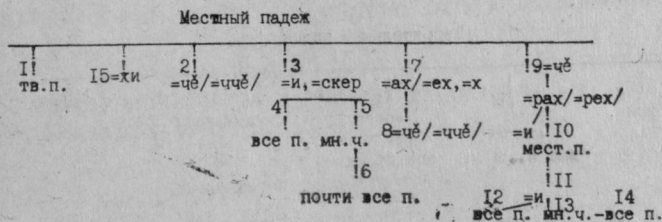
А. И. Иванов в число производных форм от дательного падежа включил направительную форму на *-лла* (*-лле*), считая, что этот аффикс присоединяется к форме да-

тельного падежа: *сехет-е-лле*. В действительности здесь представлена направительная форма *-алл(-елл)* + афф. дат. падежа *-а(-е)*.

Аффикс *-алл(-елл)* восходит к самостоятельному слову тюркского происхождения *ал* «перед, сторона, направление»; оно сохранилось в чувашском языке в композитах *тёпел* «передняя часть избы», *хысал* «задняя сторона», *мал* <ум+ал «передняя сторона», *шал* <йш+ал «внутренняя сторона» *сиел* «поверхность».

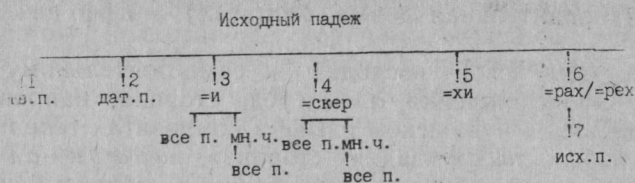
В силу вышензложенных причин допускаем, что аффикс дательного падежа примыкает постпозиционно к форме *-ал(-ел)* и <л> подвергается геминации.

Изменение формоосновы местного падежа можно представить в виде следующей схемы (при этом аффиксы *-ти*, *-ри*, *-чи* мы не считаем деривационными, а допускаем, что *-и* здесь — аффикс выделения, а *-т-*, *-р-*, *-ч-* являются алломорфами аффикса местного падежа *-та(-те)*, *-ра(-ре)*, *-че*:

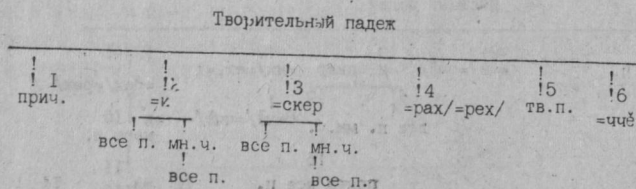
Примеры: 1) *килте-не пѣрех* «почти что дома»; 2) *килте-чѣ* «был дома», *ёсре-чѣ* «был на работе»; 3) *хулар-и* «тот, который в городе», *хулара-скер* «поскольку он в городе»; 4) *ялт-и-не* «с тем, который в деревне»; 5) *ялт-и-сем*, *хулара-скер-сем* «те, которые в деревне, в городе»; 6) *ялт-и-сем-не*, *ялт-и-скер-сем-шён*; 7) *вәрманта-х* «прямо в лесу», *садра-х* «прямо в саду»; 8) *хуларах-чѣ* «в действительности был в городе»; 9) *варринче-рех* «ближе к середине», *хѣрринче-рех* «ближе к краю»; 10) *хѣрринчерех-ре*, *тӳрринчерех-ре* «ближе к краю, к верхушке»; 11) *тӳрринче-рех-р-и* «то, что находится ближе к макушке»; 12) *тӳр-ринче-рех-р-и-не* «с тем, кто (что) ближе к верхушке»; 13) *варринче-рех-р-и-сем* «те, которые находятся ближе к середине»; 14) *ӳшёнче-рех-р-и-сем-шён* «для тех, кто находится внутри». Во многих случаях к ним можно присоединить аффиксы прошедшего времени *-чѣ(-ччѣ)*: *ялта-ччѣ* «был, находился в деревне», *варринчерехчѣ* «был ближе-к середине» и т. д.

Исходный падеж также является формоосновой:

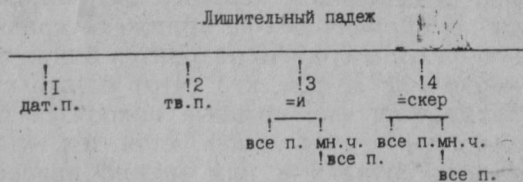
Примеры: 1) *Иртен-не* «с утра»; 2) *килтенн-е килтенех пулӧ те-ха* «из дома-то он, наверное, из дома»; 3) *хуларанн-и* «тот, который из города»; *хулараннин* «у того, который из города», *хуларанн-и-сем-шён* «для тех, кто из города»; 4) *шкултан-скер* «тот, который из школы»; *шкултанскер-ён* «у того, который из школы»; *шкултан-скер-сем* «те, которые из школы»; 5) *ёмёртенхи ёмёт* «извечная мечта»; 6) *хёрринчен-рех* «ближе к краю»; 7) *тӳрринчен-рех-рен* «с того места, которые ближе к верхушке».

Творительный падеж является формоосновой для следующих преобразований:

Примеры: 1) *Эпӧ лашапа-ске* «Я же с лошадыю» или «Я же лошадный», *Эсӧ лашапа-шӧн кам айӧплӧ?* «Кто же виноват в том, что ты с лошадыю?», 2) *сунапали* «тот, который на саях», 3) *кӧрӧкпескер* «тот, который в шубе», 4) *сӧмсапа-рах* «более гнусаво», *вӧйна-рах* «с большей силой», 5) *каспа-рах-на* «ближе к вечеру»; 6) *Эсир тем сӧмахпаччӧ ёнтӧ?* (Арт. Сал.) «Вы пришли, наверное, по делу?».

Формоизменение на базе лишительного падежа можно представить в следующем виде:

Примеры: 1) — *Вӧл кӧрӧксӧр сӧрет.* — *Кӧрӧксӧр-не пӧлӧтӧн.* «Он ходит без шубы». «То, что он ходит без шубы, я

Таким образом, в чувашском языке все падежи представляют собой формоосновы для дальнейших морфологических изменений. Порою один и тот же аффикс в процессе формоизменения может присоединиться по нескольку раз. В особенности это характерно для притяжательного падежа. Аффикс *-ӑн* (*-ён, -н*) может следовать за основной слова, а затем может присоединиться после выделительных аффиксов *-и, -хи, -скер*.

Притяжательный падеж отличается от других падежей тем, что допускает присоединение всех аффиксов других падежей и тем самым является формоосновой для притяжательного склонения в чувашском языке.

Чувашское формоизменение в силу своей агглютинативной природы может иметь достаточно стройную линейную протяженность, при которой позволительно видеть в единой реализации как бы несколько словоформ. В этом смысле понятие «формоизменение» должно иметь более точные критерии, определяемые морфологическим статусом. Для формоизменения (точнее: словоформоизменения) важно, из каких морфем состоит словоформа и в какой последовательности они расположены. Так, из приведенных выше схем видно, что те падежные формоосновы, которые могут присоединить к себе аффиксы *-и, -скер*, как правило, могут склоняться и принимать аффикс множественного числа *-сем*. Формооснова с аффиксом *-сем* склоняется и может вторично принимать аффиксы *-и, -скер*. При дистрибутивном анализе выявление формулы стабильности следования морфем в словоформе является решающим фактором описания формоизменения.

В большинстве случаев мы наблюдаем то, что никакое изменение порядка следования морфем невозможно: существует строгий порядок следования морфем. Это и есть классическая схема агглютинативного формоизменения.

Механизм относительно свободного порядка следования морфем мы наблюдаем лишь в некоторых словоформах, где 1) аффикс множественного числа, аффикс категории притяжательности, а также звательная форма могут поменяться местами:

тӑван-сем-ӗр «родные наши»,
тӑван-ӗр-сем «ваши родные»;

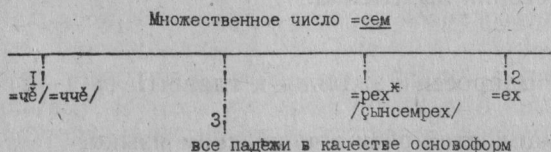
2) в поэтизмах, где за аффиксом принадлежности 1 лица сразу следует аффикс 3 лица:

Ыратать анне чӗри
Хӑй ачамӗшӗн (Хус.)

«Болит сердце матери За дитя свое». В слове *ачамёшён* (*ача-м-ё-шён*) мы встречаемся с явлением, нехарактерным для чувашского языка. Другое дело, когда нанизывание однозначных аффиксов выстраивается в цепочку в словоформе: *ача-м-йм(ç)-йм* «дитяtko мoе», *пепке-м-ём(ç)-ём* «крошечка моя» (ласковое обращение матери к ребенку).

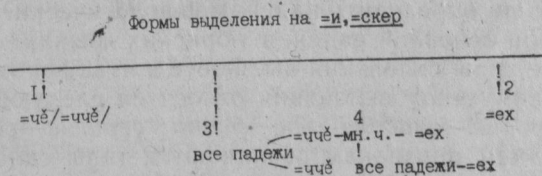
Экспонент морфемы, характеризующийся различными позициями в словоформе при формoизменении и при словоизменении, репрезентирует различные морфемы. Например, *-и* при словоизменении — аффикс 3 лица притяжательной категории: *ач-и* «ее, его ребенок», *лаш-и* «его, ее лошадь», *-и* при формoизменении — аффикс выделения: *вйрманти* (*вйрман-т-и*) «тот, который в лесу».

Строгий порядок следования морфем наблюдается и при формoоснове с аффиксом множественного числа *-сем*:

Примеры: 1) *вёсем элксемчё* «они были аликовские»; 2) *çав çынсемрех* «все те же люди». Нет смысла перечислять примеры, поскольку это относится к склонению существительных во множественном числе. Далее, формoосновы тех падежей, которые могут присоединить аффиксы выделения *-и*, *-скер*, могут склоняться вторично и вторично могут принимать аффикс множественного числа *-сем*; формoосновы с аффиксом *-сем* могут демонстрировать вторичное (а также третичное) склонение. В этом и заключается формoизменение агглютинативной словоформы.

В таком же порядке мы можем показать структуру дистрибутивного анализа с формoосновами на *-и*, *-скер*, т. е. форм выделения.

* *çынсемрех*: Унти çынсем хайсене уйрăм çынсемрех «Тамoшные люди — несколько особые» (Ашм. Синт. I. С. 387—388.).

Примеры: 1) *ялтиччĕ* «тот, который был в деревне»; *тихаскерчĕ* «лошадь, которая была более похожа на жеребенка»; 2) *килтиех* «как раз то, что дома»; *ачаскерех* «хотя и ребенок»; 3) выражение «все падежи» означает то, что формосновы на *-и, -скер* склоняются, демонстрируя далее вторичное и третичное склонение; 4) формосновы типа *хуларисем* «городские» (т. е. те, которые находятся в городе) также склоняются и могут принимать аффиксы прошедшего времени *-чĕ* и усиления *-ех*.

Особенности строения агглютинативных словоформ с аффиксами выделения *-и, -скер* должны быть освещены в особом разделе, поскольку вопрос состоит в том, являются ли они показателями категориальных форм или нет. Вернее, нужно решить вопрос: имеются ли основания для выделения форм на *-и, -хи, -скер* в отдельную грамматическую категорию под названием категория выделения.

Вопросы и задания к главе II (§ 1—2)

1. Сколько частей речи в чувашском языке?
2. Объясните категорию числа в следующих словах: *ача, ача-а-а, ачасем; ывăлсем* «деверь», *хёрсем* «золовка»; *ял-ял, хир-хир; халăх, халăхсем; юнсем*.
3. Есть ли в чувашском языке категория принадлежности или имеется только категория лица?
4. Какие особенности имеются в употреблении аффиксов принадлежности в терминах родства?
5. Приведите примеры употребления форм косвенной принадлежности. Например: *хёвелĕ хёртет те хёртет* «солнце все палит да палит».
6. Какие имена не принимают показателей (аффиксов) принадлежности?
7. Сколько падежей в чувашском языке?
8. Какие способы определения падежа вы знаете?
9. Можно ли определить падеж морфологически?
10. Есть ли основной падеж в тюркских языках?
11. Какие типы склонения вы знаете в чувашском языке?
12. К какому типу склонения относятся следующие слова и словоформы: *ача—ачасем; сын—сынни; çĕршив—çĕршивăмăр?*
13. По каким признакам различаются типы склонения имен существительных в чувашском языке?
14. Просклоняйте слова *атте* «отец» и *аçu* «твой отец» и объясните различия в склонении?

§ 4. ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ

Формообразование существительных

В нашем понимании словоизменение включает в себя все категориальные формы без исключения и при этом мы не впускаем сюда вопросы синтаксического толка (как выражение синтаксических отношений слов между собой, членов предложения и т. д.) Тем самым словоизменение противопоставляется формообразованию, поскольку последнее считается некатегориальной формой любого морфологического класса слов. Категориальные формы определяются тотальностью употребления, а некатегориальные формы — избирательностью. В этом отношении формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а накладывающимися друг на друга понятиями.

Между словообразованием и формообразованием никогда не стирается функциональное различие в направленности на создание либо новых слов, либо новых форм: это может осуществляться одними и теми же средствами, что свидетельствует о явлении полифункциональности языковых средств. Например, всем известно, что аффикс *-лӑх(-лӗх)* является высокопродуктивным словообразовательным аффиксом, но в то же время посредством этого аффикса образуется форма достаточности, когда она указывает на назначение или предел во времени: *сехетлӑх* «достаточный на час», *эрнелӑх* «достаточный на неделю», *пӗртлӑх* «предназначенный для дома», но невозможно говорить *мучилӑх*, *пиччелӑх* в тех же значениях.

Таким образом, словообразовательные и формообразовательные аффиксы могут материально совпадать, т. е. один и тот же аффикс может выступить в двух функциях: в функции словообразования и формообразования. Но при деривации образуется новое слово, и оно является основным средством обогащения словарного состава языка, а при формообразовании словарная единица не образуется, мы имеем дело лишь формой слова. При этом основа слова сохраняет свои категориальные, смысловые признаки и валентностные свойства, присущие той части речи, к которой принадлежит основа.

Как словообразовательные, так и формообразующие аффиксы в чувашском языке имеют ограниченное употребление. Это говорит о том, что возможность образования слова как словарной единицы и образования формы слова как грамматической единицы ограничена определенной сферой значений основ, служащих базой для их образования.

Между формообразованием одной части речи и словоизменением (категориальной формой) другой части речи также никогда не стирается функциональное различие. Например, в именах прилагательных аффикс *-рах(-рех)* является аффиксом категории сравнения, тем самым мы имеем дело со словоизменением: *хитре*—*хитререх* «красивый — краше»; *сӳллӗ*—*сӳллӗрех* «высоко — выше»; *пӗчӗк*—*пӗчӗкрех* «маленький — меньше» и т. д., а в существительных, в силу его выборочного употребления, перед нами чистое формообразование: *ача*—*ачарах* «ребенок еще»; *тиха*—*тихарах* «жеребенок еще» и несколько примеров тому подобных, не превышающих численностью и десяти слов, т. е. перед нами некатегориальная форма.

Итак, формообразование условно можно назвать «некатегориальным словоизменением».

Формообразование имеет отношение и к формоизменению, ибо в линейной последовательности аффиксальных морфем аффиксы формообразования могут стоять после словоизменяемых аффиксов, и наоборот.

По степени материальной близости (при этом имеется в виду лишь одинаковое звучание) формообразовательные аффиксы чувашского языка можно рассматривать в следующих разделах: 1) формообразование на базе словоизменения; 2) формообразование на базе словообразования.

Формообразование имен существительных на базе словоизменения

Сравнительная форма на *-рах (-рех)*. У имен прилагательных в чувашском языке есть категориальная форма сравнения *-рах (-рех)*, *-тарах(-терех)*. Это доказывается универсальным характером этих аффиксов, они не выбирают производящих основ прилагательных с теми или иными лексическими значениями, а присоединяются ко всем подряд:

хитре—*хитререх* «красивый—краше»;
илемлӗ—*илемлӗрех* «красивый — краше»;
пылак—*пылакрах* «сладкий — слаще» и т. д.

Когда вопросы чувашской грамматики рассматривались с точки зрения русской грамматики, эти вопросы были связаны со степенью, т. е. сравнительной степенью прилагательных. Но чувашский и русский языки разносистемны; вопросы чувашского языка невозможно увязывать с вопросами русского языка, поэтому, вслед за Н. К. Дмитриевым, мы говорим о сравнении.

как о грамматической категории имен прилагательных⁵².

Если в именах прилагательных аффикс *-рах(-рех)* относится к аффиксам категориального словоизменения, то в именах к такому невозможно отнести в силу его выборочного присоединения. Известны лишь следующие формы: *ачарах: вӑл ачарах-ха халӑ* «он еще зеленый» (букв. «он еще ребенок»); *куракрах: куракрах тырӑ* «хлеб незрелый» (т. е. более похожий на траву); *тихарах: тихарах лаша* «не вполне оформившаяся лошадь» (т. е. лошадь, более похожая на жеребенка).

Н. И. Ашмарин к числу таких примеров относит также следующие словоформы: *силтерех: Паян санталӑк силтерех* «сегодня несколько ветрено»; *сӑртрах: Лӑс хурӑнӑн вырӑнӑ — сӑртрах вырӑн* «Развесистая береза растет на холмистом месте». По мнению автора, «имена существительные в прямой своей форме принимают аффикс сравнительной степени..., когда они получают значение прилагательного и в некоторых синтаксических конструкциях»⁵³.

Выйдя за пределы чувашского языка, приведем ряд любопытных примеров, иллюстрирующих употребление аффикса *-рах(-рех)* (~ тюрк. *-рак*) при существительных в туркменском языке. Первым подобное употребление замечено А. П. Поцелуевским⁵⁴, это же подтвердил впоследствии Е. А. Поцелуевский⁵⁵: *Гыширак-даха йыгнанындык* «Да ведь собрались еще в конце зимы» (*гыширак*—от слова *гыш* «зима», *гыширак* «ближе к концу зимы»). Ср. аналогичное в чувашском: *хӗлерех кӗрсен* «при наступлении зимы». *Сона гырааракда дчишнӑярди* «Сона купалась у самого берега» (*гыра* ~ чув. *хӗрри*; *гырааракда* ~ чув. *хӗрринчеререхре*). *Четрӑкде бак* «Паси в сторонке» (*четрӑкде* ~ *аяккарахра*).

Двойное формообразование наблюдается в том случае, когда аффикс *-рах(-рех)* присоединяется к форме, именуемой направительной формой на *-алла(-елле)* или, по мнению некоторых языковедов, *-лла(-лле)*: *вӑрманалларах* «дальше в сторону (в глубь) леса», *аялалларах* «чуть дальше вниз», *сӑлеллерех* «чуть дальше вверх». Но в действительности, морфемная членность здесь такова: *ял-алл-а-рах*.

Сравнительная форма может быть и у некоторых дееприча-

⁵² См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Л., 1948. С. 83.

⁵³ Ашмарин Н. И. Заметки... С. 16.

⁵⁴ См.: Поцелуевский А. П. Руководство для изучения туркменского языка. Ашхабад, 1929. С. 230, 233.

⁵⁵ См.: Поцелуевский Е. А. Сравнительная степень и аффикс *-рах* // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 193.

ствий на *-а(-е)*: *пăхарах ут* «шагай присматриваясь», не говоря уже о некоторых наречиях.

Разделительная форма на *-шар (-шер)*. В чувашском языкознании аффиксы числительных *-шар(-шер)*, *-мёш*, *-ăн(-ён)* возвели в ранг реляционных, поскольку они обладают тотальностью употребления в рамках конкретной части речи, т. е. числительного⁵⁶.

Раньше, вслед за русистами, чувашские исследователи в чувашских числительных на *-шар(-шер)*, *-ăн(-ён)*, *-мёш* видели лексико-грамматические разряды и вышеназванные аффиксы считали деривационными, а формы *икшер* «по два», *улттăн* «вместером», *иккёмёш* «второй» включались в словарные статьи в качестве реестровых, т. е. признавались за словарные единицы. Если бы они были деривационными аффиксами, то характеризовались бы избирательными свойствами. По мнению И. П. Павлова, «указанные суффиксы все вместе образуют парадигму форм числительных, актуализирующую категориальное значение числа»...⁵⁷

И. А. Андреев, считающий аффиксы *-ăн(-ён)*, *-мёш*, *-шар(-шер)* синтаксическими по своему назначению, является инициатором идеи о словоизменительном характере этих форматов⁵⁸.

Будем считать, что аффикс *-шар(-шер)* является реляционным, образующим категориальную форму разделительных числительных. Вопрос можно было бы считать исчерпанным, если бы мы не имели именных форм с аффиксом *-шар(-шер)*: *султалăкшар* «по (одному) году», *сехетшер* «по (одному) часу», *минутшар* «по (одной) минуте»; *метршар* «по (одному) метру», *пăтшар* «по (одному) пуду», *улмашар* «по (одному) яблоку» и т. д.

В этом случае формообразовательная модель изоморфна структуре словосочетания: *сехетшер-пёрер сехет* «по одному часу», *уйăхшар-пёрер уйăх* «по одному месяцу», *тоннайшар-пёрер тонна* «по одной тонне», *турамшар-пёрер турам* «по одному куску» и т. д.

Н. И. Ашмарин, приводя примеры *тавлăкшар* «по одни сут-

⁵⁶ См.: Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары, 1977. Вып. 74. С. 3—4.

⁵⁷ Павлов И. П. О двух тенденциях развития суффиксальных морфем в чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1983. С. 87.

⁵⁸ См.: Андреев И. А. Указ. рец. С. 194.

ки», *эрнешер* «по одной неделе», пишет, что «здесь существительные *тавлăк* «сутки» и *эрне* «неделя» употреблены в смысле счетных слов, т. е. по значению они приближаются к числительным»⁵⁹.

В число таких форм попадают те существительные, которые поддаются линейному счету и разделению на единицы.

В художественной литературе и в разговорной речи мы встречаемся с примерами подобного типа:

1. *Нӱхрепрен илсе кӗнӗ сивӗ уйран та хамӑр умра куркашар* (Илп. Тимӑр, 9) «Холодный айран, только что взятый из погреба, перед нами по одному ковшу на каждого». 2. *Кашинне тенкӗшер лекрӗ* (Агак.) «Каждому досталось по рублю». 3. *Пусшар шутласа ан лар* «Не считай по копейке». 4. *Султалăкшар ларса тухрӗс* (калаш.) «Они отсидели по году».

Некатегориальная разделительная форма на *-шар(-шер)* может быть не только у существительных, но и у других частей речи:

а) у прилагательных: *Сав тери лайӑх-сӗке картла вылянӑ хушӑра пӗчӗкшер черккен эрех сыпса лармашкӑн* (Тӑван Атӑл. 1970. № 2. 21 с.) «До чего же хорошо, играя в карты, попивать вино из маленькой рюмки»;

б) у наречий: *Пӑртакшар хурса пар уттине ӗнисене* «Коровам дай сена понемногу»;

в) у местоимений: *Миҫешер улма лекрӗ сире?* «Сколько вам досталось яблок?»; *Атя, ӗсер тепӑршер черкке Садков сывлӑхӗшӗн* (Г. Кр.-Кӗҫ. Юрдан) «Давайте выпьем еще по рюмке за здоровью Садкова».

Выделительная форма на *-скер*. Аффикс *-скер* до последнего времени фигурировал в чувашском языке без категориального сана и его называли просто: выделительный аффикс *-скер*. И. П. Павлов объединил в одну группу эти формы и назвал *-и (-хи)*, *-скер* категорией выделения, обслуживающей несколько частей речи. В то же время автор ставит конкретные вопросы: 1. Какие основания имеются для отнесения форм на *-и(-хи)* и на *-скер* в отдельную грамматическую категорию? 2. Каким частям речи присуща категория выделения⁶⁰ и т. д.

Второй вопрос автор фактически оставил без ответа, лишь в конце статьи говорится о желательности описания данной категории, увязывая с отдельными частями речи и тем самым выявляя специфику категории в каждом отдельном случае. Но,

⁵⁹ Ашмарин Н. И. Заметки... С. 16.

⁶⁰ См.: Павлов И. П. Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 4.

как видно из содержания статьи, И. П. Павлов аффиксы *-и(-хи)*, *-скер* считает специальными выразителями общего категориального значения предметности при повторной номинации.

Считая формы на *-скер* категориальными формами имен существительных, автор противоречит сам себе. С одной стороны, он утверждает, что «грамматическая категория, обслуживающая одну часть речи, обязательно должна присутствовать при слове в любом случае» (с. 5), а с другой стороны, отмечает, что «формы на *-и* употребляются продуктивнее, чем формы на *-скер*» (с. 11).

Выходит, формы на *-скер* в именах существительных встречаются не так часто. Поэтому говорить о категории выделения на *-скер* в именах существительных не приходится. Другое дело в прилагательных: здесь аффиксы *-и*, *-скер* носят универсальный характер, поэтому и считаются категориальной формой выделения. Это верно замечено В. Г. Егоровым: «Частица *-скер* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете. Он присоединяется по преимуществу к прилагательным и причастиям, а иногда и к существительным (разрядка наша.— В. С.), придавая им аппозитивный характер»⁶¹.

А в случаях *тихарахскер* (*тиха-рах-скер*), *ачарахскер** мы имеем дело с двойным формообразованием, ибо аффикс *-рах* (*-рех*) образует форму сравнения имен существительных, а аффикс *-скер*— форму выделения.

Выделительная форма на *-хи*. Существует мнение, что аффиксы выделения *-и*, *-хи* являются алломорфами⁶². Но при этом нужно учесть морфологические особенности этих аффиксов: если при образовании выделительной формы на *-и* в качестве исходной основы обычно употребляются только маркированные основы, то при образовании выделительной формы на *-хи*—и маркированные, и немаркированные основы; ср.;

вӑрман-т-и
юлташ-ӓнн-и
шыв-шӓнн-и
сӳрт-сӓрр-и
хула-ранн-и

ир-хи «утренний»
кас-хи «вечерний»
ёмёр-хи «вечный»
мал-тан-хи «первый»
малаш-н-е-хи «предстоящий»

Из приведенных примеров видно, что выделительная форма

⁶¹ В. Г. Егоров. Частица //Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 342.

⁶² Павлов И. П. К изучению продуктивных деривационных суффиксов... //Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1981. С. 5.

на *-хи* образуется от основы слов с временным значением, а аффикс *-и* следует за аффиксами некоторых падежей, основы слов при этом не выражают временного значения.

Следует отметить, что в школьных учебниках до сих пор аффикс *-хи* относят к числу деривационных аффиксов, образующих имена прилагательные. Формы на *-хи* невозможно считать прилагательными по той простой причине, что они не могут принимать категориальный аффикс сравнения *-рах(-рех)*. Отдельно взятый аффикс выделения *-и* никогда и никем за деривационный аффикс не принимался. В словах *ирхинехи*, *касхинехи* аффикс *-и* употреблен дважды: в первый раз он присоединяется к основам слов *ир* и *кас*, а во втором случае *-хи* следует за аффиксом дательного падежа. Ср.: аффикс *-и* ни при каких обстоятельствах не может следовать за аффиксом дательного падежа.

От основ *мал* «перед» и *кай* «зад» аффиксы *-и*, *-хи* образуют выделительную форму двояко:

1) *мал-т-и* «передний» — *мал-тан-хи* «первый», «передний», «первоначальный»;

кай-р-и «последний» — *кай-ран-хи* «последний», «последующий».

Здесь мы имеем дело с формоизменятельным формообразованием: 1) *-и* следует за формативом местного падежа; 2) *-хи* — за аффиксом исходного падежа*.

Если *-и* может присоединиться к форме местного падежа при любых желательных или необходимых случаях, то *-хи* не обладает такой способностью присоединения к формативу исходного падежа.

Потенциально аффикс *-хи* может следовать за аффиксом предельной формы *-чен(-ччен)* в любом случае: *вӳрӳӳччен* «до войны» — *вӳрӳӳчченхи* «двоенный», *революччченхи* «дореволюционный», *Петӳрчченхи* «допетровский», *Яковлевчченхи* «дояковлевский», а аффикс *-и* только выборочно и весьма редко.

Не следует путать формы *умӳнчченхи* «бывший раньше его, перед ним» (А III 235) и *умӳнчи* «то, что перед ним». В первом случае *-хи* следует за аффиксом притяжательного падежа *-ӳн+ччен* аффикс предельной формы и равен по смыслу словоформе *умӳнчченни* «тот, который раньше его (ее)», а во втором случае морфемная членимость не совпадает с первой: *ум-ӳ-н-ч-и*:

ум — основа (корень) слова; *-ӳ* — афф. 3 лица категории

* В других тюркских языках такое присоединение считается обычным: тат. *орман-да-гы* ~ чув. *вӳрман-т-и*, где *-гы* ~ чув. *-и*, аффикс местного падежа *-да* ~ *-т*.

принадлежности; *-н* — афф. притяжательного падежа; *-ч* — афф. местного падежа; *-и* — афф. выделения.

Таким образом, как по фонетической структуре, так и по валентностным свойствам *-и* и *-хи* расходятся, хотя и выполняют общую грамматическую функцию — функцию выделения. Следует отметить, что в диалектах чувашского языка аффикс *-хи* встречается в формах *-хё*: *ир хё не хи сывлӓмпа чечек сё-нелет* (А III 145) «утренней росой цветок обновляется, (освежается)»; *-ри*: *ир хинери тётре* «утренний туман» (А III 135); *-ши*: *ёлӓкши кун* «вчера, накануне» (А IV 101)*.

Форма выделения на *-и*. Если в именах прилагательных категория выделения на *-и* является категорией последовательно коррелятивной, т. е. данная категориальная форма образуется не только от всех лексических основ прилагательных, но и от всех категориальных форм: *аслӓ* «старший» — *асли* «тот, который старше», *пысӓк-пысӓккки* «тот, который больше», *лайӓхрах* — *лайӓхраххи* «тот, который лучше», *начартарых* — *начартарыххи* «тот, который тоще», *тачкаскер* — *тачкаскерри* «тот, который потолще, пожирнее», то в именах существительных форма выделения является непоследовательно коррелятивной, ибо данная форма не образуется от лексических основ существительных, а представлена в виде словоизменительного формообразования. Это значит, что аффикс выделения *-и* непосредственно выступает после некоторых падежных аффиксов:

ачан «ребенка» (прит. п.) — *ачанн-и* «то, что принадлежит ребенку»;

ялта «в деревне» (мест. п.) — *ялт-и* «тот, который в деревне»;

хулара «в городе» (мест. п.) — *хулар-и* «тот, который в городе»;

пӓртрен «из дома» (исх. п.) — *пӓртренн-и* «тот, который из дома»; *пӓртишӓн* (прич-цел. п.) — *пӓртишӓнн-и* «тот, который радуется за дом»; ср. *пӓрт-сӓрр-и* «бездомный»;

ёсӓне «по делам» (тв. п.) — *ёсӓнине ёсӓнех та-ха...* «по делам-то по делам...»

Самой распространенной является модель выделения: основа существительного + местный падеж + *-и*: *килт(е)* + *-и* > *килти* «тот, который дома», «домашний»; *ялта* + *-и* > *ялти* «тот, который в деревне», «деревенский»; *сырмара* + *-и* > *сырмари* «тот, который в овраге», «овражный», *урамра* + *-и* > *урамри* «тот, который на улице», «уличный», *килӓнче* + *-и* > *килӓнчи*

* Диалектные различия отмечены впервые Н. А. Андреевым в статье «Имя прилагательное» (Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 81).

«тот, что у него (нее) в доме» и т. д., притом каждая такая форма может быть дополнительно оформлена аффиксом выделения *-скер*: *килтискер* «находящийся дома», «тот, который находится дома», *ялтискер* «находящийся в деревне» и т. д.

Имеется двойное объяснение происхождения аффикса *-и*, стоящего после местнопадежной формы:

а) аффикс выделения *-и* этимологически восходит к общетюркскому суффиксу *-гы(-ге)* и чувашское *вӑрманти* ~ тюрк. *ормандагы* «лесной», «тот, который в лесу», где *-да* ~ чув. *-т*⁶³;

б) в аффиксе *-ти* конечное *-и* представляет собой какой-то аффикс; древнейшей формой аффикса местного падежа было *-ты, -ти*⁶⁴. При второй постановке вопроса проблема выделительного аффикса *-и* сводится к аффиксу местного падежа, т. е. еще в эпоху пратюркского языка аффикс местного падежа *-ты (-ти)* имел аблаутную форму *-та*.

Чувашский аффикс *-и* вернее возводить к общетюркскому *-гы(-ги), -кы(-ки)*: тат. яз. *-гы* «весенний», *кӧз-ге* (~ *куз-ги*) «осенний», который в чувашском отражается в двух вариантах:

а) *-хи*: *кӧрхи* «осенний», *сӱрхи* «весенний»; б) *-и* (после падежных аффиксов): *ялти, хирти, ачари, кинӗнчи, сийӗнчи, умӗнчи* и т. д.

Формообразование имен существительных на базе словообразования

Форма достаточности и предназначения на *-лӑх(-лӗх)*. Аффикс *-лӑх(-лӗх)* в чувашском, как и во всех тюркских языках, является высокопродуктивным деривационным аффиксом. Посредством него образуются имена с разными значениями. Мы не будем останавливаться на всех значениях производных на *-лӑх(-лӗх)*. Нас интересуют случаи, когда *-лӑх(-лӗх)* указывают на назначение или предел во времени: *кӗпелӗх* «материя на рубашку», *сехетлӗх* «достаточный на час».

При трактовке производных на *-лӑх(-лӗх)* среди лингвистов нет единого мнения. Н. А. Андреев считал, что аффикс *-лӑх(-лӗх)* в соединении с некоторыми именами существительными образует имена существительные со значением: «предназначенный для...», «годный на...», «достаточный для...» и т. д.⁶⁵ По

⁶³ Павлов И. П. К изучению продуктивных деривационных суффиксов... С. 5.

⁶⁴ Серебренников Б. А. О чем свидетельствует форматив *-ти* в чувашском языке // Сов. тюркология: 1982. № 4. С. 7—8.

⁶⁵ Андреев Н. А. Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 51—52.

мнению И. П. Павлова, в таком случае получаются не имена существительные, а относительные прилагательные⁶⁶: *вӑрлӑх-лӑх тырӑ* «семенное зерно», «зерно, предназначенное на семена», *силослӑх кукуруза* «кукуруза, предназначенная для силосования».

И. А. Андреев считает мнения И. П. Павлова и Н. А. Андреева неверными, ибо аффикс *-лӑх(-лӑх)*, когда он указывает на назначение или предел во времени, употребляется в синтаксическом значении⁶⁷, т. е. выражает синтаксические отношения между словами и эта форма по своей природе является словоизменяемой.

И. А. Андреев прав в том отношении, когда говорит, что слова с аффиксом *-лӑх(-лӑх)*, указывающие на назначение предмета или предел во времени, не успели приобрести особое лексическое значение, что они сходны с падежными аффиксами имен. Автор относит аффикс *-лӑх(-лӑх)* в вышеуказанном значении к словоизменяемым.

Что касается форм на *-лӑх(-лӑх)* в названных значениях, мы никакого ряда грамматических форм не наблюдаем, здесь главенствует принцип избирательности. Поэтому слова типа *кӗпелӑх*, *сехетлӑх* мы относим к некатегориальным формам и считаем, что они имена существительные в форме достаточности и предназначения.

Такие слова, как *силослӑх*, *хапхалӑх*, *капанлӑх*, *пӑртлӑх* нельзя считать прилагательными по той простой причине, что они стоят вне категории сравнения, таким образом, *-лӑх(-лӑх)* никогда не был и не может быть словообразовательным аффиксом прилагательных.

Форма обладания на *-лӑ(-лӑ)*.

Традиционно аффикс *-лӑ(-лӑ)* считают только деривационным.

Но И. А. Андреев отмечает двойную функцию аффикса *-лӑ(-лӑ)*: функцию лексическую (когда с его помощью образуются новые слова с качественным значением) и функцию синтаксическую (когда он указывает на синтаксическую роль имени существительного)⁶⁸.

⁶⁶ См.: Павлов И. П. Хальхи чӑваш литература чӑлхи: Морфологи. 164—165 с.

⁶⁷ См.: Андреев И. А. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32. С. 100—102, 199.

⁶⁸ См.: Андреев И. А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных... С. 90—103.

Прав автор в том отношении, что считает форму на *-лă(-лĕ)* словообразовательной (т. е. деривационным аффиксом имен прилагательных) только в том случае, если она может изменяться по степеням сравнения. Некоторые исследователи считают этот критерий несущественным⁶⁹.

Значит, в тех случаях, когда слова с аффиксом *-лă(-лĕ)* не принимают аффикса категории сравнения *-рах(-рех)*, их следует считать некатегориальной формой обладания. К таковым относятся: *çĕлĕклĕ, кĕпеллĕ, сăмсахлă, пуçлă, куçлă, ураллă, кĕперлĕ* и т. д. При этом лексическое значение имени существительного не изменяется.

Имя существительное иногда сохраняет и грамматические атрибуты, например: аффикс множественного числа *-сем*: *Пĕчĕк пĕртсемлĕ ялсем* (Çеçпĕл) «Деревни с маленькими избушками» и аффикс принадлежности 3 лица *-и*: *Куккук сассиллĕ вăрман* «Лес с голосом кукушки».

Особо следует остановиться на выражении *...вăрăм йĕпĕсемлĕ чăлхине чиксе хучĕ*, взятого из произведения Марфы Трубиной. По мнению И. П. Павлова, словосочетание *вăрăм йĕпĕсемлĕ чăлхине* является аномалией в языке по двум причинам: а) они нарушают правило словообразования; б) не подчиняются правилам образования словоформ; в) вышеприведенном примере достаточно было бы сказать *вăрăм йĕплĕ чăлхине*⁷⁰.

Для И. П. Павлова, считающего аффикс *-лă(-лĕ)* только деривационным, конечно, здесь излишними являются и аффикс 3 лица, и аффикс мн. числа *-сем*. Если бы автор был внимателен к слову *йĕпĕсемлĕ*, то непременно заметил бы незаурядную способность писательницы картинно живописать ситуацию: *-сем* здесь выразитель истинно верного положения вещей, ибо вяжут не одной спицей, а несколькими вязальными спицами, поэтому выражение *вăрăм йĕплĕ чăлхине* здесь не соответствует истине. Аффикс 3 лица *-ĕ* является здесь выразителем формы косвенной принадлежности. Под прямой принадлежностью понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его органической частью (ср. чув. *ача кĕпи* «рубашка ребенка», *çын кăмăлĕ* «характер человека», *шăл туни* «десны зубов» и т. д.), а косвенная принадлежность предполагает такие отно-

⁶⁹ См.: Петров Н. П. Образование прилагательных на *-лă(-лĕ)* и некоторые тенденции его развития // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 364—405; Павлов И. П. К изучению продуктивных деривационных суффиксов... С. 3—21.

⁷⁰ См.: Павлов И. П. О двух тенденциях развития суффиксальных морфем в чувашском языке. С. 93.

шения, при которых принадлежность одного предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью⁷¹.

Таким образом, аффикс *-ё* в слове *йёпёсемлё* является выразителем косвенной принадлежности, да к тому же здесь проявляется и значение выделительности. Для того чтобы понять значение аффикса *-ё*, нужно взять предложение полностью, где есть словоформа *сáмхине* с аффиксом принадлежности 3 лица *-и*. В контексте выясняется, что и *сáмаха* «клубок ниток», и *йёпёсем* «спицы» принадлежат одному и тому же человеку.

Косвенная принадлежность, выраженная аффиксом 3 лица, наблюдается, на наш взгляд, в следующих примерах: *Салтакё вёрм тата* «К тому же солдат тот высокий». *Суни сунах-ха вёл, анчах...* «Сани-то они сани, но...» В приведенных выше примерах аффикс *-ё (-и)* выражает также значение выделительности. Ср.: *Вёрманё сёлте, хирё аялта* (сўспе пит) «Лес наверху, поле внизу» (волосы и лицо); *Унта—саранё, кунта—шурё, лере — вёрманё, кўлли* (Г. Т. Тимофеев. Тэхарьял. 125 с.) «Там — луг, здесь — болото, дальше — лес, озеро».

Форма косвенной принадлежности имен проявляется также в словах *кунёпе* «весь день», *хёлёпе* «всю зиму», *сáвёпе* «все лето», *ялёпе* «всей деревней», *тёнчипе* «всем миром» и т. д. Последние считались наречиями.

Форму обладания на *-лэ(-лё)* мы не можем включить в парадигму склонения по той причине, что этот аффикс подчиняется принципу избирательности и не присоединяется к основам собственных имен. Тем самым нарушается парность местоименных вопросов: *камлэ?* (нет в языке), *мёнлэ?* (*кирёклё, атáллэ*).

Форма частотности (регулярной частотности) на *-серен*. Аффикс *-серен*, считавшийся до недавнего времени послелогом-аффиксом*, ныне относят к деривационным. Между тем даже те, кто *-серен* считает деривационным аффиксом, не уверены в том, что он действительно наречиеобразующий аффикс⁷². Например, И. П. Павлов до 1960-х годов *-серен* считал послелогом-аффиксом⁷³. *Левен кунсерен пёр сáвэ сырнэ, эрнерен вёсене журнал редакцине ярса панэ* (Арт.) «Левен ежедневно писал

⁷¹ См.: Болдырев Б. В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976. С. 11—12.

* Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров считали *-серен* послелогом-аффиксом.

⁷² См.: Павлов И. П. Хальхи чаваш литература чёлхи: Морфологи. 304 с.; Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1983. Ч. 2. С. 115.

⁷³ См.: Павлов И. П. Послелог и служебные имена // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 316.

по одному стихотворению, еженедельно посылая их в редакцию журнала».

В вышедшей в 1965 году монографии «Хальхи чăваш литература чĕлхи: Морфологи» *-серен* признан деривационным и причислен к числу аффиксов, образующих наречия.

Но автор не категоричен в своих суждениях. Приведя примеры *кассерен*, *ирсерен*, он пишет, что их можно считать наречиями; но в то же время, по его мнению, некоторые имена существительные с аффиксом *-серен* не теряют ни лексического, ни грамматического значения, поэтому их трудно считать наречиями (с. 325). При этом приводится такой пример:

Юписерен йĕс ункă
Ункисерен чĕн йĕвен. (фольк.)

«На каждом столбе по медному кольцу, на каждом кольце уздечко».

Автор прав, когда он говорит о том, что формы с аффиксом *-серен* остаются в той же части речи, что и выражаемая их основа: *килсерен* «в каждом доме» — форма частотности имени существительного. Словоформы *юписерен*, *ункисерен* нельзя считать наречиями по той причине, что у наречий не бывает аффикса 3 лица *-и*, а здесь явно 3 лицо косвенной принадлежности.

И. А. Андреев рекомендует исключить из числа производных наречий формы на *-серен*, а также *-ла(-ле)*, *-чен*⁷⁴, считая их словоизменительными. Поскольку *-серен* не подчиняется принципу тотальности употребления, постольку мы считаем формы существительных на *-серен* некатегориальными.

В школьных и вузовских учебниках *-серен* причислен к числу аффиксов, образующих наречия, но в тех же пособиях формы на *-серен* не включаются ни в какие семантические разряды наречий. Это говорит, видимо, о том, что даже те исследователи, которые безоговорочно признают за аффиксом *-серен* наречиеобразующий формант, затрудняются причислить формы на *-серен* к какой-либо группе наречий. М. Р. Федотов, например, приводя примеры *сулсерен* «ежегодно, каждый год», *уйăхсерен* «ежемесячно, каждый месяц», образованные с послелогом *-серен*, считает их наречиями времени⁷⁵, забывая о том, что *-серен* может присоединиться не только к основам слов с временным, но и предметным значением: *килсерен* «в каждом доме», *пъртсерен* «в каждой избе», *сынсерен* «у каждого человека».

⁷⁴ См.: Андреев И. А. Указ. рец. С. 199.

⁷⁵ Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 115.

Атӑлсерен * юпписем,
Юпписерен кукрисем,
Кукрисерен хӑвисем,
Хӑвисерен йӑвисем,
Йӑвисерен чӑпписем (фольк.)

«На каждой Волге притоки, На каждом притоке излучины (изгибы),
На каждой излучине ивы, На каждой иве гнезда, В каждом гнезде пенцы».

Вопросы и задания к главе II (§ 4)

1. Что такое формообразование существительных? Можно ли формообразование условно называть некатегориальным словоизменением?

2. Какие некатегориальные формы можно отнести к формообразованию существительных?

3. В чем вы видите разницу в словоформах: **хитререх** «краше» и **ачарах** «все еще ребенок».

4. Можно ли образовать разделительную форму из следующих существительных: **улма**, **кёнеке**, **юрату**, **хёвел**, **çӑлтӑр**, **уйӑх**, **çулталӑк**?

5. Какие формы выделительности имеются в чувашском языке?

6. Что можно говорить о функциях аффикса **-лӑх** (**-лӑх**)?

7. Являются ли слова **пӑртлӑх**, **силослӑх**, **кӑпелӑх** существительными или прилагательными?

8. Какова функция аффикса **-лӑ/лӑ**, **-ллӑ/ -ллӑ** в словах: **пӑртсемлӑ**, **чӑречесемлӑ**, **шӑршиллӑ**, **сассиллӑ**?

9. Является ли аффикс **-серен** деривационным?

10. Каков морфемный состав следующих словоформ: **килсерен**, **ялсерен**, **йӑвисерен**, **ункисерен**, **Атӑлсерен**?

11. Что понимается под прямой и косвенной принадлежностью?

12. Склоняются ли словоформы на **-серен**: **ялсерен**, **кунсерен**, **çулсерен**?

* У чувашей несколько Атӑл «Волга»: *Шурӑ Атӑл* «Кама», *Хура Атӑл* «Черная Волга», *Нухрат Атӑл* «Вятка» и др.

ГЛАВА III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исторически сложилось так, что разработка грамматики чувашского языка находилась (и находится) под действенным влиянием русистики. Не умаляя положительного влияния русского языкознания, нужно указать и негативные стороны. Например, некоторые содержательные формы русского языка, без какого-либо на то основания, приписывались и строю чувашского языка. Это касается прежде всего степеней сравнения прилагательных. Считая, что степени сравнения прилагательных складываются на основе положительной степени, указывали на наличие сравнительной и превосходной степеней, путая при этом аналитическую (синтаксическую) форму с синтетической (морфологической, аффиксальной). К тому же никто из чувашских языковедов не указывал и не указывает на наличие каких-либо категориальных и некатегориальных форм имен прилагательных. Между тем в русистике степени сравнения прилагательных считаются грамматической категорией.

Стало традиционным утверждение, что в чувашском языке существительное имеет категорию падежа, принадлежности и числа, а прилагательное их не имеет, что прилагательные вообще не имеют категориальных форм. Умаление роли категориальных форм прилагательных особенно четко отражается в определениях прилагательного, когда основным критерием считается лишь признак предмета (т. е. лексико-семантический критерий). Если имя прилагательное считается частью речи, то у него должны быть какие-либо морфологические признаки. Но ни в одной грамматике чувашского языка в определении имени прилагательного не указываются морфологические признаки оного.

Стало обиходным определение: имя прилагательное такая часть речи, которая обозначает признак предмета — и только. Неправомерно отнесение значения качества или свойства к грамматическому.

Имя прилагательное в чувашском языке должно иметь следующее определение: имя прилагательное — часть речи, обозначающая признаки: а) предмета: *лайӑх ача* «хороший ребенок»; б) действия: *лайӑх ёçлет* «хорошо работает»; в) признака: *тёксём симёс* «темно-зеленый» и выражающая эти значения в грамматических категориях сравнения, выделения и образа действия. Все это основано лишь на словоизменении. При таком

определении четко разграничиваются лексическое и грамматическое значения.

Определение, данное выше, неполное, ибо здесь еще ничего не сказано о формоизменении и о появляющихся при этом категориях числа и падежа на основоформе категории выделения на *-и, -скер*.

Под влиянием русской лингвистики в тюркских языках имена прилагательные делятся на два разряда — качественные и относительные. То же самое было и в чувашском языкознании.

Традиционное представление о тюркских прилагательных было основано на учете их семантики, формы и функции, но не наличия тех или иных категориальных форм. Считая, что по своей семантике прилагательные обозначают признак, по функции предназначены к употреблению в роли определения (что фактически не всегда верно), допускали ошибку в том, что с формальной стороны они неизменяемы (при этом ссылались на существительные, которые изменяются по числам, падежам и лицам). Вопрос о качественных и относительных прилагательных в чувашском языке — это вопрос о границах между существительными и прилагательными, который можно решить с двух точек зрения: 1) с позиции синтаксической связи различных классов слов в определительной функции (учитывая синтаксическое назначение аффиксов связи) и 2) с позиции выделения категориальных форм имени прилагательного.

В обоих случаях результат получается одинаковым: чувашский язык не имеет категории относительных прилагательных. Как справедливо замечает И. А. Андреев, вместо последних (относительных прилагательных.—В. С.) в чувашском языке выступают имена существительные, а также некоторые другие разряды слов с особыми функциональными аффиксами, оформляющими их в качестве определения¹.

В нашей работе все эти вопросы освещаются не с точки зрения морфосинтаксиса, т. е. в основном не учитываются значения аффиксов в синтаксической функции (когда аффиксы указывают на способ связи слов), а с точки зрения морфологических категорий имени прилагательного, т. е. нами учитывается чисто морфологическая сторона вопроса.

С точки зрения морфологических категорий, в чувашском языке нет относительных прилагательных. Таким образом, все прилагательные характеризуются термином **качественные**.

¹ См.: Андреев И. А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных... С. 90—103.

§ 2. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Категория сравнения

Термин «категория сравнения» нов как для чувашского языкознания, так и для тюркологии в целом и вводится в научный оборот впервые. Но сама идея о том, что в тюркских языках должна быть грамматическая категория прилагательных под таким названием, живет со времен Н. К. Дмитриева, который так и писал: «Если говорить о морфологическом оформлении прилагательного, то здесь можно отметить две категории из области словоизменения: степени сравнения и так называемую интенсивную форму прилагательных (*кап-кара*)»². Категорию степеней сравнения В. И. Рассадин также считает особой грамматической категорией, присущей качественным прилагательным в тофаларском языке³.

Аналогичного мнения придерживается чувашевед М. Р. Федотов, который считает, что рассмотрение грамматических категорий имени прилагательного в виде степеней сравнения является обязательным условием, поскольку они являются наиболее специфическими чертами имени прилагательного⁴.

Как видно из вышеизложенного, Н. К. Дмитриев, В. И. Рассадин и М. Р. Федотов рекомендуют выделить у имен прилагательных категорию степеней сравнения. Но система степеней сравнения прилагательных в тюркских языках, как полагали, состоит из положительной, сравнительной и превосходной степеней. Указывая, что сравнительная степень образуется при помощи аффикса *-рак* (~ чув. *-рах*, *-рех*), к превосходной степени относили неморфологические по своей природе сочетания слов: с препозитивной частицей *ин* ~ *эн* в тюркских языках и *чи*, *чӑн* в чувашском: башк. *ин якшы* ~ чув. *чӑн* или *чи лайӑх* «самый хороший». Как видно из примеров, сочетание слов с препозитивными частицами — это не морфологический способ образования превосходной степени, а синтаксический, изучением которого должен заниматься морфосинтаксист, а не морфолог.

Н. К. Дмитриев и М. Р. Федотов форму интенсива предлагают также включить в категорию степеней сравнения. Но формы типа *хун-хура*, *кӑн-кӑвак*, *сип-симӗс*, *ем-ешӗл*, *тап-такӑр*, *тип-тикӗс* как в чувашском языке, так и в других тюркских

² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 79.

³ См.: Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 83.

⁴ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 124—127.

языках наблюдаются у ограниченного числа прилагательных с определенной семантикой. Это противоречит тому положению категориальных форм, что они должны подчиняться принципу тотальности употребления, поэтому формы интенсива следует считать лишь некатегориальной формой.

Выделив категорию сравнения у имен прилагательных в чувашском языке, мы исходим из следующих положений: а) все прилагательные чувашского языка принимают аффикс *-рах* (*-рех*), *-тарак(-терех)*, образуя сравнительную (категориальную) форму по принципу тотальности употребления; б) основную форму прилагательных можно назвать положительной формой — по принципу противопоставленности форм.

Таким образом, имеются все условия для выделения категориальной формы под названием «категория сравнения, или «компаративности» имен прилагательных в чувашском языке:

Положительная форма	Сравнительная форма
илемлё «красивый»	илемлёрех «краше»
хитре «красивый»	хитререх «краше»
хура «черный»	хурарах «чернее»
сӹллё «высокий»	сӹллёрех «выше»
кёске «короткий»	кёскерех «короче»
нумай «много»	нумайрах «побольше», «больше»
илемсёр «некрасивый»	илемсёртерех «уродливее»
начар «тощий»	начартарах «тоще»
сахал «мало»	сахалтарах «меньше»
ухмах «тупой», «глупый»	ухмахрах «глупее»

Приведенный выше тип сравнения представляет собой абстрактный вид, где сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при помощи теоретически подразумеваемой идеальной нормы⁵. При этом за исходную точку отсчета условно принимается некая нормативная форма, называемая положительной формой.

Второй тип сравнения может быть назван конкретным, где сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов, которые обладают сравниваемым качеством: *Иван Петӹртен вӹрӹмрах* «Иван выше Петра». *Ку ещӹк лешӹнчен пысӹкрах* «Этот ящик больше того».

Но, как справедливо замечает М. Р. Федотов, чувашский язык в числе других тюркских языков для сравнения качества (свойства) двух предметов, когда качество одного превышает

⁵ См.: Дмитриев Н. К. Указ. раб. С. 83.

качество другого, обходится и без аффикса *-рах(-рех)*. В этом случае название мерила ставится в аблативе: *хёвел уйăхран суртă* «солнце светлее луны»⁶.

В загадках один из сравниваемых предметов не называется, так как это имя нужно отгадывать: *Лашаран сўллёрех, курăкран лутрарах* «выше лошади, ниже травы» (отгадка: седелка). М. Р. Федотов употреблении аффикса *-рах(-рех)* в таких случаях считает избыточным, за норму принимает изречение *лашаран сўллё, курăкран лутра*.

Категорию сравнения следует считать главной и определяющей категорией имен прилагательных. При этом следует ориентироваться на следующее положение: все имена прилагательные принимают категориальный аффикс сравнения *-рах(-рех)*, т. е. неприлагательные этого аффикса не принимают. Приведем для сравнения два словосочетания: *йывăс сурт* «деревянный дом», *сўллё сурт* «высокий дом». Теперь проверим истинность вышесказанного, облачив первые элементы сочетаний аффиксом *-рах(-рех)*: мы не можем говорить *йывăсрах сурт* «деревянное дом», значит, слово «йывăс» — не имя прилагательное, к тому же здесь явно проявляется значение предметности слова *йывăс* «дерево», а не качество. Но в то же время мы говорим *сўллёрех сурт* «дом, который повыше».

Таким же путем мы можем проверить все те слова с аффиксами *-лăх(-лэх)*, *-лă(-лё)*, *-сăр(-сёр)*, *-ла(-ле)*, которые некоторыми лингвистами принимаются за прилагательные:

пўртлэх йывăс «лес на строительство дома», но нет формы *пўртлэхрех йывăс*, значит, слово *пўртлэх* — не прилагательное;

санăллă кёне «рубашка с рукавом» — *санăллăрах кёне?*

санăсăр кёне «безрукавка» — *санăсăртаррах кёне?*

Петёрле калаçать «говорит на манер Петра» — *Петёрлерех калаçать?*

Отсутствие категориальной формы сравнения говорит о том, что данные слова являются существительными.

Необходимо исключить из числа деривационных аффиксы *-ри (-ти, -чи)*, образующих, как считают, имена прилагательные. Такое практикуется в школьных учебниках.

Приняв аффикс *-рах (-рех)* за формант категориальной формы сравнения, мы можем говорить о словоизменении прилагательных. Таким образом, если до сих пор говорили, что как определение прилагательные не изменяются, то сейчас мы уверены в обратном (*пысăк ял — пысăкрах ял* «деревня, которая

⁶ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 125.

побольше; *сўллэ тусем—сўллёрех тусем* «горы, которые повыше» и т. д.), в том, что изменяются не по падежам, числам и лицам, как существительные, а по категориальным формам, присущим прилагательным.

Категория времени

Мы привыкли к тому, что в нашем сознании прилагательное отображается словом, называющим признак постоянный, находящийся вне границ времени⁷, и порою не замечаем, что положительная форма прилагательных содержит значение настоящего времени. Если мы говорим *хитре хёр* «красивая девушка», то мы называем признак в момент речи, т. е. в настоящем времени. Если же мы говорим: *Вёл хёр хитреччё* «Она была красивой девушкой», то мы называем признак предмета в прошедшем времени.

Если сравнить глагольное настоящее время с настоящим временем прилагательных, то видно следующее: глагольное настоящее время тоже бывает постоянным, выражающим процесс безотносительно к моменту речи⁸. *Сёр хёвел тавра саврәнать* «Земля вращается вокруг солнца». Таким образом, и глагольное, и прилагательное (равно и существительное) время могут выражать как постоянный, так и временный признак. Для примера возьмем строки из рассказа «Миршён» А. Артемьева: *Илле пурччё. Мәйтарән, ытла та хәюсәрччё* «Был Илья. Бедняга, слишком уж был стеснительным». В этих предложениях прошедшее время выражено аффиксом *-ччё*, который и переводится на русский язык глаголом прошедшего времени «был». Если же мы отстраним этот аффикс, то значение прошедшего времени улетучивается, и мы воспринимаем это как настоящее время: *Илле пур.* «Есть Илья». *Мәйтарән, ытла та хәюсәр* «Бедняга, очень уж стеснителен».

Доказательством тому, что слова *пурччё* и *хәюсәрччё* выражают значение прошедшего времени, служит последующий контекст, где глаголы также даны в формах прошедшего времени и прошедшего причастия на *-нә(-нё)*: *...улахра пёр хёр сүмне те ларса кураймарё... Сталинградра паттәрла вилнё* «На посиделках ни с кем из девчат рядом не смог посидеть... Погиб смертью храбрых при защите Сталинграда».

Возьмем еще несколько примеров из того же рассказа.

⁷ См.: Рассадин В. И. Указ. раб. С. 83.

⁸ См.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 154.

Пурнисем Петёрён çинçe те вярмччĕ «Пальцы у Петра были тонкими и длинными».

Çыравĕсем сахалччĕ «Письма-то от них были редко-стью».

А. Артемьев широко использует аффикс *-чĕ(-ччĕ)* для выражения прошедшего времени не только с именами прилагательными, но и с другими словами. Возьмем только один отрывок из того же рассказа, где почти в каждом предложении есть какая-либо словоформа с аффиксом *-чĕ(-ччĕ)*.

— *Вярçа пусланнарпа улахсем пулман вĕт: хĕрсем каçан-ирĕн ёçреччĕ, пушă вăхăт çукчĕ те... Хĕрсемпе пĕрле вăл та укăлчана пынăччĕ.*

— *Укăлчана пынăччĕ-и? — ыйтрĕ Петĕр.*

— *Укăлчана пынăччĕ.*

— *Мёнлерех тумланнăччĕ?*

— *Шупăр тăханнă... Ура сырнăччĕ-и çав, атăпаччĕ-и...*

— *Мар, мёнле тутăр çыхнăччĕ?*

— *Мёнле тутăр çыхнăччĕ çав — аставаймастăп.*

— *...Мана асатнă чух шура тутăрпаччĕ... Шан-шура тутăр... хыçалти кĕтессине хĕп-хĕрлĕ çырла тĕрленĕ. Çĕр çыр-личчĕ-ши е хăмла çырличчĕ?*

В произведении чувашских писателей и поэтов аффикс *-чĕ(-ччĕ)* часто используется для выражения прошедшего времени прилагательных:

1. *Енерхи каç тўне хураччĕ* (П. Эйзин) «Вчера ночью небо было темным». 2. *Хамăр пекех чуханччĕ — лаши, ёни, пулман* (Ю. Николаева) «Были бедными, как и мы — лошади, коровы не было». 3. *Пăхма питĕ илемлĕччĕ* (Ю. Николаева) «На вид был очень красивым». 4. *Пирвай тĕрмери пурнăçа ханăхма йывăрччĕ* (Н. Максимов) «Сперва трудно было привыкать к тюремной жизни». 5. *Кĕреш юманччĕ те — йăв ашчĕ Упи çавашĕ—Мăн Иван* (П. Яковлев). «Был крепышом, но кротким Убеевский чуваш Большой Иван».

Приведенные выше примеры говорят о том, что прилагательное в чувашском языке называет не только постоянный признак, связанный в большинстве случаев с настоящим временем, но и имеет специальный формант, выражающий прошедшее время.

Категория выделения (или выделительности) прилагательных

Категория выделения прилагательных образуется посредством аффиксов *-и, -скер*. По сравнению с существительными, здесь замечаем следующие различия: а) у прилагательных нет

алломорфа *-хи*: в словоформах *лайӑххи*, *лайӑхраххи* мы отличаем геминацию ауслатного <х>. посредством аффиксов *-и*, *-скер* у прилагательных образуется категориальная форма выделительности; б) если аффиксы *-и*, *-хи* *-скер* у существительных выражают выделение предмета из общей среды, то *-и*, *-скер* в прилагательных указывают на выделение признака предмета.

Категория выделения прилагательных в чувашском языкознании не получила ясного и полного освещения. И. Н. Ашмарин формы на *-и* назвал второй формой прилагательных, которая означает, «что данное прилагательное или обнимает все предметы, имеющие известное качество, выражаемое этим прилагательным, или же один предмет, обладающий этим качеством, в отличие от предметов, этим качеством не обладающих. Напр. *асӑ* — «большой», 2 ф. *асли* — «всякий, кто большой среди известной группы лиц, старший»⁹. Третья самостоятельная форма прилагательного с аффиксом *-скер* «выражает качество предмета, не принимая во внимание выделения этого предмета из среды других, этим качеством не обладающих; скорее она только утверждает принадлежность предмета к какой-нибудь группе, совершенно упуская из виду другие группы, противоположные ему по качеству. *Эсӑ сав усалскерне пӗле тӑра ырӑ тумашухӑшласа тӑратӑн* «Ты, зная этого негодного, хочешь сделать ему добро»¹⁰.

Н. А. Андреев отмечает наличие в чувашском языке формы самостоятельных обособленных прилагательных на *-и(-ӗ)*, *-скер* и отчасти *-ӑш(-ӗш)*, употребляемых для выделения при указании на качество, для подчеркивания качества предмета. Такие прилагательные, по мнению автора, ставятся после определяемых слов и склоняются подобно именам существительным, согласуясь с ними в числе и падеже¹¹.

И. П. Павлов категорию выделения включил в число грамматических категорий, обслуживающих несколько частей речи, поэтому основательно не остановился на вопросе категории выделения прилагательных. Отмечая, что выделительные формы служат номинативным целям, автор говорит об опосредованном отношении этих форм к суффиксальному словообразованию, т. е. наименования, образованные при помощи аффиксов *-и*, *-скер*, целиком и полностью относятся к речевой номинации и создаются в процессе речи. Но в то же время суффиксы *-и*

⁹ Ашмарин И. И. Материалы для исследования... С. 169.

¹⁰ Там же. С. 176.

¹¹ См.: Андреев Н. А. Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 102.

(-хи), -скер автором названы суффиксами формообразования¹². Таким образом, получается, что аффиксы -и, -скер служат одновременно двум целям: формообразованию (т. е. словоизменению в понимании автора) и речевой (повторной) номинации.

М. Р. Федотов аффикс -и в слове *лайӑххи* считает формантом принадлежности¹³, что весьма сомнительно, ибо в словосочетании *пуринчен те лайӑххи* «лучше всех», или «тот, который лучше всех», словоформа *лайӑххи* не выражает идею принадлежности. К тому же аффикс -и(-ё), когда присоединяется к основам существительных, считается аффиксом принадлежности, а при формоизменении (т. е. тогда, когда -и примыкает к другим аффиксам) считается показателем выделительности. Таким образом, категория принадлежности присуща только именам существительным, поэтому употребляемый при словах любой другой части речи аффикс -и выполняет функцию только выделительную.

По нашим наблюдениям, грамматическая категория выделения на -и, -скер обслуживает не только прилагательные, но и категориальные формы причастий. Как показывает материал чувашского языка, аффиксы -и, -скер могут присутствовать при прилагательном в любом случае, т. е. если слово квалифицируется как прилагательное, то оно может принимать аффиксы выделительности. При этом первая форма прилагательного (по Н. И. Ашмарину) не оформляется маркером; оставаясь в нулевой форме, она составляет оппозицию типа «выделение→ невыделение»: *лайӑх—лайӑххи—лайӑхскер* «тот, который хороший».

Выступая в роли определения, прилагательные способны принимать лишь аффикс категории сравнения: *пысӑк пӗрт* «большой дом» — *пысӑкрах пӗрт* «дом, который побольше». Но мы не можем сказать *пысӑкки пӗрт* или *пысӑкскер пӗрт*. Это противоречит языковым нормам. Но в роли сказуемого прилагательные могут оформляться аффиксами категории сравнения, а также и выделения: *эпӗ сӑмрӑк* «я молод», *эпӗ сӑмрӑкрах* «я моложе», *эпӗ, сӑмрӑкскер* «я, будучи молодым»; *эпӗ сӑмрӑкки* «я моложе всех».

Формы выделительности широко используются в произведениях художественной литературы и народной словесности.

1. Каччи те унӑн хӑй пек *чиперскер* (Элек.)
«И жених у ней пригожий, как она сама».

¹² См.: Павлов И. П. Категория выделения в современном чувашском языке. С. 12—13.

¹³ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 126.

2. Анчах сáпай Вадим Романыч — сáпла чéнеççé аслине (Аф.)
«...Вадим Романыч — так зовут старшего».
3. Пёчэкскер, хитрескер... «Маленький, удаленький...» (загадка о грибе).

Категория образа (способа) действия

В чувашском языкознании укоренилось представление, что аффикс *-án* (*-ён, -н*) является наречиеобразующим¹⁴, когда он присоединяется к прилагательным. Но он может присоединяться также к существительным, местоимениям, причастиям, числительным.

Если учесть то положение, что деривационные аффиксы подчиняются принципу избирательности, т. е. обладают способностью присоединяться только к определенным основам, а реляционные выделяются полностью употреблению, что словоформы типа «имя прилагательное + *-án* (*-ён, -н*)» никак не могут быть отнесены к наречиям, а аффикс *-án* (*-ён, -н*) к деривационным; справедливо будет считать его только словоизменительным потому, что он обладает способностью примыкать почти ко всем прилагательным. Приведем ряд примеров из «Обратного словаря чувашского языка», где *-án* (*-ён, -н*) также указан в качестве деривационного аффикса: сиввён, ваккán-тёвеккён, сивлеккён, тўлеккён, йўнеккён, сўрёккён, пёчёккён, тирпейлён, ирёклён, именчёклён, йёрёнчёклён, хирёнчёклён, йёркеллён, меллён, хёрхенўллён, хёрўллён, илемлён, кичеммён, тўсёмлён, тимлён, канлён, хисеплён, тёплён, вирлён, тивёслён, тўремён, кичеммён, тёксёммён, тёттёммён, мёскённён, сирёппён, типпён, лёпсёррён, тискеррён, чиперрён, лўпперрён, илемсёррён, чёмсёррён, кансёррён, ирсёррён, чёррён, тўррён, пёчёксён, сепёссён, варттán-кёрттён, сивёччён (90—92 с.); ваккán, кáваккán, пысáккán, вашáккán, васкавлán, янравлán, алчáравлán, юлхавлán, сáпайлán, сулмаклán, татáклán, вáтанчáклán, шанчáклán, усаллán, кáмáллán, сáмáллán, хуйхáллán, хумхануллán, асáрхануллán, áнáсуллán, салхуллán, хáюллán, чáтáмлán, хастарлán, ытарлán, хаваслán, хáтлán, хурлáхлán, вáтаммán, уйрáммán, лáпкán, сáнсáррán, васкаваррán, капмаррán, чáпаррán, япшаррán, йывáррán, паттáррán, ыррán, хаяррán, выссán, шáпáрттán (83—85 с.) и т. д. и т. п.

Ряд чувашских лингвистов уже отрекся от мнения, что окаменелая форма орудийного (инструментального) падежа *-án* (*-ён, -н*) образует наречия от существительных. Так, по мнению

¹⁴ См.: Егоров В. Г. Наречие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 278; Павлов И. П. Хальхи чáваш литературы чёлхи: Морфологи. 302—304 с.

А. И. Иванова, древний инструментальный падеж давно слился с притяжательным падежом¹⁵.

Если В. Г. Егоров считал, что наречия на *-ӓн(-ӓн)* образуются и от числительных: *иккӓн* «вдвоем», *виççӓн* «втроем», *улттӓн* «вшестером», *вунӓн* «вдесятером» и т. д., то И. А. Андреев, усомнившись в целесообразности включения форм числительных на *-ӓн(-ӓн)* в разряд собирательных, считает, что *-ӓн(-ӓн)* здесь выполняет синтаксическую роль и является обыкновенной словоизменительной морфемой¹⁶. И. П. Павлов, считавший формы числительных на *-ӓн(-ӓн)* собирательными, впоследствии отказался от своего мнения и, исходя из принципа тотальности употребления *-ӓн(-ӓн)* в рамках конкретной части речи, указал, что форманты числительных *-шар (-шер)*, *-мӓш*, *-ӓн(-ӓн)* не могут быть отнесены к числу деривационных аффиксов, справедливо будет рассматривать их только в качестве реляционных¹⁷. Значит, существующее деление числительных на лексические группы не отражает действительного положения вещей.

Как мы видим, ни И. А. Андреев, ни И. П. Павлов аффикс *-ӓн(-ӓн)* в числительных, называя его словоизменительным (реляционным), не причисляли его ни к каким категориальным формам. Между тем уже в начале нашего века Н. И. Ашмарин формы *иккӓн*, *икшерӓн*, *виççӓн*, *виçшерӓн*, *тӓваттӓн*, *тӓватшарӓн* считал формами родительного падежа¹⁸. Он же указал, что «родительный падеж имен существительных, прилагательных, числительных и наречий также может употребляться для обозначения образа действия»¹⁹: *Çӓленӓн чашкарса çӓрет* «Ходит и шипит, как змея». *Уӓн выльӓх-чӓрлӓхӓ те, тырри-пулли те ирӓккӓн пулӓн, укси те нумай пулӓн* «У него скота и хлеба было вволю, и денег было много». *Хӓйра вуншарӓн (теçеткенӓн), çӓршерӓн, пиншерӓн сутаççӓ, çӓмартана вуншарӓн сутаççӓ* «Огурцы продают десятками, сотнями и тысячами, а яйца — десятками». Родительный падеж для выражения значения образа действия употреблен, по автору, и в оборотах *хӓлӓн-çӓвӓн*, *кунӓн-çӓрӓн*, *ирлӓн-каçлӓн* и т. д. В § 115 автором указаны на-

¹⁵ См.: *Иванов А. И.* К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1953. С. 182; *Иванов А. И.* Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 34. Филология. Чебоксары, 1968. С. 115.

¹⁶ См.: *Андреев И. А.* Указ. рец. С. 199.

¹⁷ См.: *Павлов И. П.* О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары, 1977. С. 3—4.

¹⁸ См.: *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования... С. 130—131.

¹⁹ Там же. С. 133—137.

речные выражения, образуемые родительным падежом. К числу их отнесены *пăтăн* (*пăтăн-пăтăн*) «пудами», *курканăн* «ковшами», *кĕлтенĕн* «снопами», *витренĕн-вĕтрĕнĕн* «ведрами»²⁰. Но в предыдущем же параграфе (§ 114.7) словоформы типа *кашăкăн*, *улманăн* не отнесены к наречным выражениям, здесь конкретно говорится, что «род. падеж имен также может ставиться для означения количества предмета (или предметов), истрачиваемого каждый раз при совершении того или другого повторяющегося действия»²¹. Но в «Примечании» говорится, что «если род. падеж употреблен в смысле наречия, то он почти никогда не принимает прит. суффиксов. Кроме того, иногда в подобном род. падеже конечная согласная удваивается помимо общих морфологических оснований» (с. 137). Но это далеко не окончательное мнение Н. И. Ашмарина. В § 117.8. он прямо пишет: «Однако существует весьма обширный класс прилагательных, которые, чтобы обратиться в наречия, нуждаются в приставке аффикса род. падежа. В последнем случае аффикс род. пад. в наречиях указывает на то обстоятельство, что образ действия, свойственный тому или другому предмету, является или чем-то кажущимся... Впрочем, бывают случаи, когда причины употребления генитивной формы наречий недостаточно ясны и определены» (с. 143—144). Но далее, начиная с § 118.9, речь идет опять о родительном падеже, а не о наречиях. В примерах *уксанăн пар* «платить деньгами», *тыррăн пар* «платить хлебом» Н. И. Ашмарин *уксанăн*, *тыррăн* считает формами родительного падежа. Здесь же приводит примеры, когда вместо родительного падежа употребляется творительный падеж: *уксапа тўлерĕм* «заплатил деньгами», *сĕнĕ тырăпа илĕр* «получите новым хлебом» (с. 146).

Таким образом, у Н. И. Ашмарина мы не находим конкретного высказывания, что *-ăн* (*-ĕн*, *-н*) является деривационным аффиксом. Как в «Синтаксисе», так и в «Материалах...» всегда на первом месте стоит термин «родительный падеж». Ср.:

1. «Русские наречные выражения *вдвоем*, *втроем*, *вчетвером*... если эти обороты относятся к одушевленным предметам, передаются по-чувашски родительным падежом»²².

2. «Родительный падеж имен существительных, прилагательных и числительных также употребляется иногда в смысле наречия»: *вырăнăн* «местами», *сиввĕн пăхать* «смотрит зло», *иккĕн* «вдвоем»²³.

²⁰ Там же. С. 139.

²¹ Там же. С. 137—138.

²² Ашмарин Н. И. Там же. С. 130.

²³ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования... С. 228.

Обратите внимание: автор говорит только о том, «что родительный падеж употребляется иногда в смысле наречия», но не говорит, что аффикс *-ән(-ён)* превращается в деривационный, образующий наречия.

Но те, кто защищает точку зрения о том, что *-ән(-ён)* является наречиеобразующим аффиксом, приводят примеры из других тюркских языков, в которых этот аффикс выполняет словообразовательную функцию.

Они не учитывают обстоятельство, что от формы древнего орудийного (инструментального) падежа в других тюркских языках образуется лишь небольшое количество наречий, означающих главным образом времена года: *кышың* «зимой» (ср. чув. *хёлён-саван*), *йэй-ен* «летом», *көз-өн* «осенью»²⁴. Аффикс *-ын(-ен)* Н. К. Дмитриев возводит к древнему творительному падежу.

А. Н. Кононов пишет, что инструментальный падеж на *-н, -ын, -ин, -ун, -ўн* как наречиеобразующий формант представлен ограниченным числом примеров со значением²⁵:

1) наречия времени: *jaz-ın* «весною», *jaj-ın* «летом», *küz-ün* «осенью», *qis-ın* «зимою»;

2) наречия образа действия: *jadaγ-ın* «пешком» (ср.: чув. *сурран* «пешком»).—В. С.)

В чувашском же языке, будь то числительное или прилагательное, речь не может идти об ограниченном количестве примеров, употребляемых с аффиксом *-ән (-ён, -н)*. Поэтому правомерен вопрос о том, считать ли те формы, которые образованы от формы древнего орудийного (инструментального) падежа формами притяжательного падежа прилагательных (числительных) или же допустить мысль о наличии категориальной формы образа действия у прилагательных (и числительных).

Вторая точка зрения кажется перспективнее потому, что основы прилагательных не склонны к изменению по числам и падежам. Лишь субстантивируясь (т. е. в предметном значении), они изменяются как существительные. Но слова *сивён* «холодно, неприветливо», *йавашайн* «смирно, тихо» как по форме, так и по содержанию отличаются от форм субстантивированных прилагательных в притяжательном падеже; ср.: *сивён ури ху-сәлнә* «мороз ослаб» (букв. у мороза нога сломана) и *сивён ан пәх* «не смотри грозно». *Йавашайн яланах йәваш пулмалла*

²⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 115.

²⁵ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников V—IX вв. Л., 1980. С. 140.

мар «Тихоня не должен быть всегда смиренным»; *йавашшан калас* «разговаривай ласково».

Как видим, прилагательные в категориальной форме образа действия удлиняют конечный согласный звук: *ачашшан* «ласково», *уссан* «открыто», *вэрэмман* «протяжно» и т. д. Исключение составляют прилагательные на *-лӓ(-лӛ)*: *илемлӛ*—*илемлӓн* «красиво», *тӓплӛ*—*тӓплӓн* «основательно», где удлинение не наблюдается; ср. также: *семсе*—*семсен* «мягко», *хура*—*хуран курӓнать* «кажется темным».

Формы с аффиксом *-ӓн (-ӓн, -н)* имеют значения: а) способ: *уксан пар* «дай деньгами», *тырран тӓле* «плати хлебом»; б) подобие: *сӓханӓн пӓхать* «смотрит вороном», которые не присущи всем существительным.

Форма притяжательного падежа

Форма образа действия

пит «лицо» — *питӓн* «у лица»
пӓрчӛ «зерно» — *пӓрчӓн*
«у зернышка»

кун «день» — *кунӓн* «у дня»
сӓр «ночь» — *сӓрӓн* «у ночи»
уйӓх «месяц» — *уйӓхан*

«у луны»
алӓ «рука» — *алӓн* «у руки»
мӓшӓр «пара» — *мӓшӓрӓн*
«у пары»

хусах «холостяк» — *хусахӓн*
«у холостяка»

пиччӓн «лицевой стороной»
пӓрчӓн «по зернышку»
кунӓн-сӓрӓн «и днем и ночью»

кунӓн «поденно»
уйӓхан «помесечно»
алла-аллӓн «дружно»
мӓшӓрӓн (или *мӓшӓррӓн*)
«попарно»
хусахӓн (или *хусаххӓн*)
«по-холостячки»

Приведем примеры, взятые из трудов Н. И. Ашмарина: *тӓрнанӓн*: *Сук сынӓн укси тӓрнанӓн кӓшкӓрать* «Деньги бедняка журавлем кричат»; *сӓленӓн*: *Сӓленӓн чашкӓрса сӓурет* «Ходит и шипит, как змея»; *вутӓн-хӓмӓн*: *Вӓресӓлен вутӓн-хӓмӓн тӓкӓнса вӓссе сӓурет, тет* «Говорят, что огненный змей летает, рассыпаясь огнем и искрами»; *ачан*: *Турӓ ачан суралчӓ* «Бог родился младенцем»; *кутӓн*: *Аптӓранӓ кӓвакал кутӓн чӓмнӓ, тет* «Растерявшаяся утка ныряет задом»; *алӓкӓн-тӓпелӓн*: *Алӓкӓн-тӓпелӓн сӓурет* «Ходит взад-вперед по избе».

Практически почти все конкретные нарицательные имена существительные могут стоять с аффиксом *-ӓн(-ӓн)* в форме образа действия, но у антропонимов в большинстве случаев проявляется лишь значение притяжательного падежа, т. е. *Петӓрӓн, Иванӓн, Васильевӓн, Сергеевӓн, Михалковӓн* и т. д. выражают только значение принадлежности.

Следует отметить, что категориальная форма образа действия на *-а́н* (*-ё́н*, *-н*) имеется и у причастий прошедшего и будущего времени: *килнё́н* «будто пришел», *килессё́н* «будто придет»; *пё́лнё́н*, *пё́лессё́н* от *пё́л* «знать»; *тухна́н*, *тухасса́н* от *тух* «выходить»; *пáхна́н*, *пáхасса́н* от *пáх* «смотреть» и т. д.

Категория усиления

Как и у имен существительных, категория усиления у имен прилагательных образуется посредством аффикса *-ах* (*-ех*, *-х*):

1. *Хáш чухне хытах юхатъ* «Иногда течет совсем сильно» (А II 181). 2. *Нума́ях илмерё́м* «Не очень много взял» (А II 182). 3. *Сан каччу аванах иккен* «Твой жених, действительно, хорош» (А II 183). 4. *Ѕáл хёррипе тана́х* «Прямо вровень с краем колодца» (А II 181).

Практически для усиления значения качественности к любой основе прилагательного можно «приклеить» аффикс категории усиления *-ах* (*-ех*, *-х*): *хитре* «красивый», *хитри хитрех ё́нтё* «красив-то красив, конечно»; *вёри* «горячий», *вёриех мар* «не очень-то горячий», *таса* «чистый, здоровый», *тасах пурáнат-пáр* «живем хорошо» (т. е. все живы-здоровы); *чипер* «красивый», «благополучный», *чиперех ситрё́мёр* «добрались благополучно»; *чирлё* «больной», *чирлех пу́лмалла* «кажется, он действительно болен»; *тикёс* «ровный, гладкий»: *ун сийё́ тикё́сех пу́лмалла* «поверхность должна быть ровной» и т. д.

§ 3. ФОРМОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Категории числа и падежа формоосновы категории выделения на *-и*, *-скер*

Мы уже говорили, что при словоизменении (т. е. когда основа прилагательного не маркирована) прилагательные как определение не изменяются по числам и падежам, а выступая в роли сказуемого, они не согласуются с подлежащим в числе и падеже.

Совсем иную картину мы видим тогда, когда склоняемой основой (т. е. формоосновой) становится категория выделения на *-и*, *-скер*. При этом мы можем говорить о наличии категорий числа и падежа имен прилагательных, поскольку как формоосновы на *-и*, так и формоосновы на *-скер* изменяются по числам и падежам без единого исключения (принцип тотальности): *кё́сён* «младший», *кё́сённи*—*кё́сёнскер* «тот, который моложе»; *вай́ллá*

«сильный», *вайли*—*вайләскер* «тот, который сильный», *вайлисем*—*вайләскерсем* «те, которые сильные».

Образец смешанного склонения

Осн.	кёсёни	кёсёнисем
Прит.	кёсёнин	кёсёнисен
Дат.	кёсёнинне	кёсёнисенне
Мест.	кёсёнинче	кёсёнисенче
Исх.	кёсёнинчен	кёсёнисенчен
Тв.	кёсёнинпе	кёсёнисенпе
Лиш.	кёсёнисёр	кёсёнисемсёр
Прич.	кёсёнишён	кёсёнисемшён

Примеры: 1. *Кёсёни килте* «Младший дома». 2. *Кёсёнин кёрёкё* «Шуба младшего». 3. *Кёсёнинне кала* «Скажи младшему»; 4. *Кёсёнинче ман 10 тенкё пур* «У младшего есть мои 10 рублей»; 5. *Кёсёнинчен ыйт* «Спроси у младшего». 6. *Кёсёнинпе хулана кайрёмар* «С младшим мы поехали в город»; 7. *Кёсёнисёрех ёслерёмёр* «Работали без младшего». 8. *Кёсёнишён тәрәшатъ* «Старается за младшего». Ср.: *Ку та кёсёнилле каласатъ* «И этот говорит на манер младшего». 10. *Кёсёнинчен асли хулана кайса килчё* «Раньше младшего старший съездил в город».

Те же формы могут быть и в притяжательном склонении:

Осн.	кёсёни	кёсёнисем
Прит.	кёсёнин	кёсёнисен
Дат.	кёсёнинне	кёсёнисенне
Мест.	кёсёнинче	кёсёнисенче
Исх.	кёсёнинчен	кёсёнисенчен
Тв.	кёсёнинпе	кёсёнисенпе
Лиш.	кёсёнисёр	кёсёнисенсёр
Прич.	кёсёнишён	кёсёнисеншён

Примеры: 1. *Кёсёни хулара пурәнать* «Младший живет в городе». 2. *Кёсёнин хваттер пур* «У младшего есть квартира». 3. *Кёсёнинне салтака илчёс* «Младшего взяли в солдаты». Ср.: *Кёсёнинне аттине тёплемен* «У младшего сапоги не подбиты». 4. *Унён япалисем кёсёнинче пулнә* «Вещи его были у младшего». 5. *Кёсёнинчен ыйтса пёл* «Спроси у младшего». 6. *Аслин сурчё кёсёнинпе юнашарах* «Дом старшего рядом же с домом младшего». 7. *Мана сәмәтәсем илсе килме хушрёс. Кёсёнинсёр пусне урәх сәмәтә кәмака сичне сукчё* «Мне велели

принести валенки. На печке не было других валенок кроме младшего». 8. *Аслин сёлёкне улам айшёнче часах тупрёмар*. Кёсённиниён икё сехет улам салатмалла пулчё «Шапку старшего (брата) мы нашли в соломе сразу же. Ради шапки младшего пришлось рыться в соломе 2 часа». Ср.: *Аслин кёрёкне те кайрантарах кёсённинле пэсса юсаттарна* «И шубу старшего через некоторое время перешли на манер младшего»; *Кёсённинчен малтан аслин кэмакине пэсса юсамалла-ха* «Прежде чем ремонтировать печку младшего, нужно переделать печь старшего».

Образцы такого склонения показывают, что прилагательные при этом употребляются в предметном значении, поэтому и изменяются как существительные. Если мы говорим *асли* «старший», то мы имеем в виду человека, который старше, но иногда *асли* бытует в значении «начальник»; *кёсённи* чаще всего означает младшего брата или сестру. Но считать формы *асли* и *кёсённи* подлинными существительными невозможно потому, что они не могут принимать аффиксов категории принадлежности *-эм(-ём)*, *-у(-ў)*, *-ёр(-ёр)*. Порою некоторые прилагательные с выделительным аффиксом *-скер* принимают аффиксы лица: *пёчёкскерём* «моя крошка», демонстрируя тем самым частичную субстантивацию прилагательных.

В разговорной речи, когда прилагательное употребляется в роли существительного, мы наблюдаем присутствие аффикса I лица: *Хам умахэма каласа парам-ха сана* «Дай-ка я тебе расскажу о своей глупости». Аффикс I лица может присоединяться в таких словах и после аффикса *-скер*: *ухмахскерём*, *айванскерём* «глупышка моя». В словаре Н. И. Ашмарина приведен пример словоформой: *Самрэк пуца́м, айванца́м, усал пусса сёнтерчё пуца́ма* «Мую молодую головушку одолели худые думы» (А I 27).

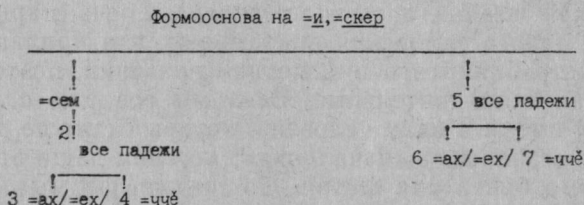
Считать аффикс *-и* в словоформе *ухмаххи* аффиксом 3 лица категории принадлежности невозможно потому, что здесь не выражается значение принадлежности, поэтому мы его принимаем за аффикс выделения: *Н. пичи, умаххи, сакя яла килмесёр, хамар ялта хёр тупман*: (А III 349).

Прилагательное, употребляясь в роли существительного, может принимать и аффикс 3 лица *-ё*: *айванё*, выражая при этом идею косвенной принадлежности: *Ача-пачана самрэкла ирёк ан пар, унан айванё хыссян ан кай* «Не давай детям воли смолоду и не потакай их неразумию» (А I 26).

Здесь же нужно отметить, что уподобительная форма уместна не только после формосновы категории выделительности: *кёсённилле* — *кёсённинле*, *аслилле* — *аслинле*, но и после основы прилагательных, когда последние употребляются в предметном

значении: 1) *кёсёнке*: *Кёсёнкех вёсене сырава вёрентес пилаь* «Грамоте надобно обучать их смолоду» (А VII 309); 2) *ухмахла*: *Эпё кум тавас сáмаха петём ятам ухмахла* «Сдуру я промолвил слово о кумовстве» (А III 349); 3) *самра́кла*: *Самра́кла вилнё* «Умер молодым» (А XII 37).

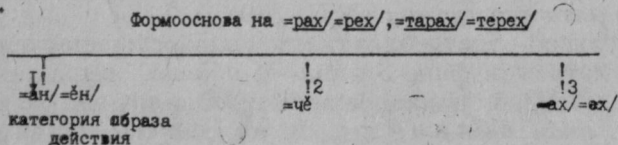
Формоизменение прилагательных на основе категории выделительности можно представить в виде схемы:

Примеры: 1) *аслисем, асла́скерсем*: *Манран асла́скерсем, вёсем пурне те а́нланатчѣс* «Будучи старше меня, они все понимали»; 2) слова *аслисем, асла́скерсем* изменяются по всем падежам; 3) *аслисемех, асла́скерсемех, аслисенех, асла́скерсенех, асла́скерсемпех, аслисемпех, асла́скерсенчех, аслисенчех* и т. д.; 4) *аслисенчѣ, аслисенечѣ, аслисемпечѣ, аслисемсѣрчѣ, аслисемлечѣ, аслисемченчѣ* и т. д.; 5) формоосновы прилагательных на *-и, -скер* изменяются по всем падежам (образцы склонения приведены выше); 6) *асла́скерёнех, асла́скернех, асла́скерпех, асла́скершѣнех* и т. д.; 7) *асличѣ, аслинечѣ, аслипечѣ, аслисѣрчѣ, аслилечѣ, асличченчѣ* и т. д. 8) *тачкаскерри* «тот, который тучный»; *хитрескерри* «тот, который красивый» и т. д.

Формоизменение на основе категории сравнения

Графически это можно представить так:

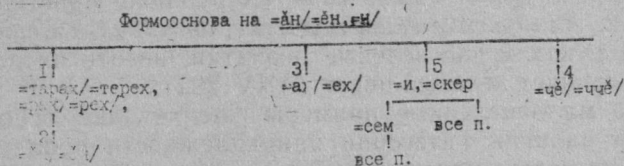

Примеры: 1) *хитререххён туйянаь* «кажется красивее»; *сахалраххён паня* «давали слишком мало» (Ашм. Синт. I. С. 141); *сахалтарыххён* «помалу» (Ашм. Синт. I. С. 140); 2) *сахалтарачѣ* «было маловато». *Аля хитререхчѣ* «Аля была более кра-

сивой»; 3) *кёскерехех* «все же короче»; *аслăрахах* «все-таки по-старше».

Формоизменение на основе категории образа (способа) действия

Оно выглядит графически так:

Примеры: 1) *хӕюллӕнрах калаҫ* «говори смелее»; *хавас-сӕнтарах юрла* «пой веселей»; 2) *лӕпкӕнтарыххӕн* (или *лӕпкӕнраххӕн*) *калаҫкала* «говори спокойнее»; *пѣчѣкккѣнтереххѣн* «более малыми дозами (порциями)», «в незначительном количестве»; 3) *хӕюллӕнах* «смело», *лӕпкӕнах* «тихо»; 4) *Вӕсем нумайӕнчѣ* (А IX 41) «Они были многочисленны», или «Они были в большом количестве»; 5) *Сахалӕннисем те нумайӕннисене сѣнтереҫсѣ* (А XI 84) «Малочисленные тоже побеждают тех, кто в большинстве», или «И меньшинство побеждает большинство».

§ 4. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Формы отдельных падежей и лиц

Категория падежа у прилагательных проявляется только при формоизменении на базе категории выделительности, когда форманты всех падежей находят применение для выражения соответствующего содержания после аффиксов *-и*, *-скер*. Как определение прилагательные вовсе не принимают падежных аффиксов. Выступая в роли сказуемого, прилагательные принимают лишь аффиксы некоторых падежей. Например, в примере *Вӕл вӕйсӕр* «Он слабый» прилагательное *вӕйсӕр* может быть в следующих падежах:

1) в исходном: *Вӕл вӕйсӕртан шӕлна сьртса туртатъ* «Так как слаб, он тянет, вцепившись зубами»;

2) в причинно-целевом: *Вӕл вӕйсӕршӕн кам айӕплӕ?* «Кто виноват в том, что он слаб?»;

3) в дательном: *Вӓл вӓйсӓра перет* «Он притворяется слабым».

Прилагательные при употреблении в предметном значении (субстантивирюясь) изменяются почти как существительные, т. е. могут принимать аффиксы: а) 1 лица: *ырӓсӓм*: *Ай, атте-сӓм, ырӓсӓм!* «Ай, батюшка, хороший мой» (А III 62); б) 3 лица: 1. *Кӓпене курӓк ешӓлӓ сӓпӓ* «К рубашке пристанет зелень травы». 2. *Аллӓрсенче ешӓл перчетке, ан пӓрахсам ешӓлӓ пӓтиччен* «На руках у вас зеленые перчатки, носите их до тех пор, пока не слиняет зеленый цвет» (А IV 292);

Такие малочисленные примеры еще не дают оснований говорить о наличии категории принадлежности прилагательных, скорее всего здесь мы видим некатегориальные формы лица.

По справедливому замечанию И. П. Павлова, прилагательные в большинстве случаев могут стоять в формах дательного, исходного, творительного, местного и причинно-целевого падежей²⁶. Но ни одно прилагательное не может принимать аффиксов этих падежей подряд. То же самое касается и непадежных форм. Например, ряд прилагательных принимает аффикс *-ла(-ле)*, образуя тем самым некатегориальную форму уподобительности:

1) *пӓчӓк—пӓчӓкле* «с младенчества», «пока маленький»; *Тихана пӓчӓкле лайӓх ситермесен, вара ситӓнсен тӓреклӓ лаша пулмасть* (А X 259) «Жеребенка нужно хорошо кормить, пока он маленький, иначе из него не выйдет хорошей лошади»;

2) *сӓмрӓк—сӓмрӓкла* «в молодые годы», «молодым»: *Сӓмрӓклах вӓййа тухман пулсан, Эпӓ те сана курас сук* (юрӓ) «Если б я в молодые годы не вышел на игрище, То тебя бы не встретил»;

3) *шурӓ—шурӓлла* «по-белому»; *хура—хуралла* «по-черному»: *Пирӓн Урамра пӓр пӓрт анчах хуралла, ытгисем пурте шурӓлла* «На нашей улице только одна изба по-черному, остальные все по-белому»;

4) *симӓс—симӓсле* «в зеленом виде», «в неспелом состоянии»: *Тырра симӓслех выртӓмӓр* (А XI 147) «Хлеба мы жали недоспелые»;

5) *сивӓ—сивле, сивӓле, сивӓлле* «в холодном состоянии»: *Вир пӓттине сивӓле сӓтне сӓме те юратасӓӓ* (А XI 128) «Пшеничную кашу любят есть в холодном состоянии с молоком»; ср.: *сивле кус* «холодные глаза» (А XI 131);

6) *ӓшӓ—ӓшӓлла, ӓшӓла* «в теплом виде»: *Пашалӓва ӓшӓлла сӓме лайӓх* «Приятно есть лепешку в теплом виде» (А IV 92).

²⁶ Павлов И. П. Хальхи чӓваш литература чӓлхи: Морфологи. 167 с.

Слова *айш* «теплый», *сиве* «холодный» в предметном значении, т. е. субстантивирясь, могут стоять и в форме предельности: *сивеччен* «до холодов», *айшччен* «до теплых дней».

Разделительная форма прилагательных

Формальный показатель числительных *-шар(-шер)* может употребляться некоторыми прилагательными:

а) *нумай*—*нумайшар* «помногу»: *Вёсене сав лайях сёр ята та нумайшар тесетин лекет* (А IX 42). «Они получают той хорошей земли на едока по несколько десятин»;

б) *сахал*—*сахалшар* «помалу, понемногу»: *Вёсене час-часах ситерес пулать, анчах пит сахалшар ситерес пулать* (А XI 84) «Их надо кормить почаще, но кормить надобно понемногу»;

в) *чылай*—*чылайшар* «помногу»: *Тыррине те чылайшар илчёс* «Урожай тоже получили помногу».

Словоформы *нумайшар*, *сахалшар*, *чылайшар* (а иногда и *пёчкешер*, *пысакшар*) употреблены в смысле счетных слов, т. е. слова *нумай*, *сахал*, *чылай* по значению близко стоят к числительным, поэтому и принимают аффикс разделительных числительных.

Форма обладания на *-лй(-лө)*, *-ллй(-ллө)*

Аффикс обладания *-лй(-лө)*, *-ллй(-ллө)* может присутствовать при всех прилагательных, обозначающих цвет:

1) *хураллй*: *хураллй-шурйллй*; *хураллй-кавакля*: *хураллй-кавакля чул* (А XVI 203) «голубовато-черный камень»;

2) *шурйллй*: *шурйллй-кавакля* «бело-синий», *шурйллй-чй-парлй* «черные крапины по-белому»; *шурйллй-хураллй* «пестрый» есть и белые, и черные места» (А XVII 237);

3) *хёрлёллө* «имеющий красное»; *хёрлёллө-шурйллй* «имеющий красное и белое» (А XVII 50).

Нужно отметить, что формообразовательные элементы, подобно словообразовательным аффиксам, способны принимать форманты категориальных форм. Например: *айш*—*айш-лла*, *айшлла-рах*: *Айшлларах-ах симелле* «Нужно есть в более теплом виде», где к форме на *-лла* (напомним: в прилагательных она считается некатегориальной формой) примыкает формант сравнительной (категориальной) формы *-рах* + категория усиления на *-ах*.

К аффиксу разделительной формы *-шар(-шер)*, может присоединиться аффикс категории образа (способа) действия *-йн(-ён)*: *нумайшар* + *-йн*, *чылайшар-йн* «помногу».

Форма усиленного качества (интенсива)

Интенсив (усиление качества) у прилагательных в чувашском языке образуется при помощи частичной редупликации основы, т. е. от полной редупликации основы получается форма интенсива: *хёрлё-хёрлё* > *хён-хёрлё* «очень красный», *симёс-симёс* > *син-симёс* «очень зеленый», *ка́вак-ка́вак* > *ка́н-ка́вак* «очень голубой», *такёр-такёр* > *тап-такёр* «очень ровный». В таком случае от основы отделяется первый слог и к нему присоединяются согласные <н, п>. Получившийся таким образом новый закрытый слог присоединяется к основе прилагательного в качестве префикса: *хуп-хура* «черный-пречерный», *сап-сарă* «желтый-прежелтый», *çап-çутă* «светлый-пресветлый». Отклонение от вышесказанного мы наблюдаем в следующих словах: *шап-шура* (диал. *шуп-шура*) «белый-пребелый», где в префиксе имеет место *y ~ a*; *çап-çарамас* и *çапна* или *çатта-çарамас* «совсем голый», где в префиксальной части имеет место наращение слога *-а* с геминацией префиксального <п>; *емешёл* «зеленый-презеленый», где вместо ожидаемых <н, п> стоит <м>.

В диалектах наблюдаются следующие формы: *таппа-тан* и *тăпă-тан* вместо литературного *тăп-тан*, где <а ~ ä>, *йăп-яка* вместо *яп-яка*. В разговорной речи в последнее время интенсив образуется и от русских прилагательных: *сён-свежи*, *хон-хороши* и т. д. В большинстве случаев усиление качества наблюдается у прилагательных цвета, которые выражают высокую степень концентрации цветного качества в предмете.

Эту разновидность прилагательных Н. И. Ашмарин и И. П. Павлов относят к превосходной степени²⁷ в качестве разновидности сравнительной степени прилагательных. Как справедливо заметил Н. А. Андреев, эта форма усиления качества совершенно не выражает сравнения путем сопоставления или выделения, а выражает субъективную оценку²⁸. С этой точки зрения формы типа *сап-сарă* «прежелтый», *çеп-çёнё* «преновый», *çăп-çăмăл* «прелегкий» и др. лучше всего именовать **интенсивом** или **формой усиления качества прилагательных**. Ф. Г. Исхаков считает, что «в тюркских языках прилагательные данного типа выражают, в зависимости от того, от какого прилагательного они образованы, различные степени полноты качества и

²⁷ См.: Ашмарин Н. И. Материалы для исследования... С. 163; Павлов И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи: Морфологи. 155 с.

²⁸ См.: Андреев Н. А. Прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. С. 99.

в большинстве случаев (особенно те из них, которые обозначают цвета) — высшую норму полноты его, но отнюдь не превышение этого его предела. Поэтому назвать данную форму прилагательного одной из форм превосходной степени, как это делают авторы многих учебников по грамматикам тюркских языков, едва ли будет правильно.

Таким образом, данную форму интенсива можно назвать формой полноты качества, чему она и соответствует в абсолютном большинстве случаев почти во всех тюркских языках²⁹.

Интенсив прилагательных может выражаться путем полной редупликации прилагательных:

1. *Тёрлэ-тёрлэ* чечексен
Ырă шăрши сарăлать (К. Ив.)
«Ароматом нежным, сладким
Внешний воздух напоен» (букв. *тёрлэ-тёрлэ* «разные-разные»).
2. *Шурă-шурă* çăмарта
Шуратрăмăр сирёмёр (фольк.)
«Белое-пребелое яичко,
Почистили, поели».

Что касается формы *шурă-шурă* и *шан-шурă* «пребелый» и др., то обыкновенно считают, что это старый (морфологический) тип превосходной степени. Если разобраться всерьез, то в чувашском (да и в других тюркских языках) нет и не было превосходной степени морфологического толка. То, что принимают за превосходную степень прилагательных в тюркских языках, образованных аналитическим путем при помощи усилительных частиц *эн ~ ин ~ эн*, характерно для большинства тюркских языков, за исключением чувашского и якутского языков, в которых вместо *эн* употребляются частицы *чи*, *чйн* (чув.) и *самой* (якут.).

Аналитические формы *эн биче ~ чи пёчэк* «самый маленький» не являются объектом исследования в морфологии, ибо морфология призвана изучать слова со стороны их внутренней структуры (морфемного состава), а отнюдь не словосочетания.

С этой точки зрения, сочетания типа *пит аван* «очень хороший», *имсёр пысăк* «чрезвычайно большой», *сём суккăр* «совершенно слепой», *чăлт шурă* «совершенно белый» являются скорее всего объектом изучения морфосинтаксиса. Контуры такой науки уже давно намечены, но конкретно еще никем не описаны.

Интенсив в тюркских языках не может считаться категори-

²⁹ Исхаков Ф. Г. Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. М., 1956. Ч. 2. С. 166.

альной формой, ибо усиление качества происходит выборочно, а не от всех прилагательных подряд. Эта избирательность и вынуждает нас считать интенсив некатегориальной по своей сути.

Вопросы для самопроверки к главе III

1. Чем отличается прилагательное от имени существительного?
2. Есть ли в чувашском языке относительные прилагательные?
3. Какими семантико-грамматическими признаками характеризуются качественные прилагательные?
4. Какие словоизменительные категории у имен прилагательных вы знаете?
5. Что такое степени сравнения? Есть ли они в чувашском языке?
6. Как склоняются имена прилагательные?
7. Изменяются ли приименные прилагательные?
8. К какой части речи относятся следующие слова: *çĕлĕклĕ ача*, *пĕртлĕх йывăс*, *силослăх культурайсем*, *кунчаллă атă*, *илемлĕ ял*, *савăнçлă хыпар*?
9. Каким аффиксом отмечается прошедшее состояние признака предмета?
10. Как переводятся следующие словоформы на русский язык: *пысăкчĕ*, *хитречĕ*, *мăнтăрчĕ*, *кахалчĕ*, *ёçченчĕ*, *хураччĕ*?
11. Как образуется категория выделения в чувашском языке?
12. Есть ли категория образа (способа) действия в чувашском языке?
13. Определите функции аффикса в следующих словоформах: *хаяррăн*, *сўрĕккĕн*, *сиввĕн*, *ăшшăн*, *шкулăн*, *сĕтелĕн*, *ачан*; *кахалăн-кахаллăн*, *йăвашăн-йăвашшăн*.
14. Какие категории формоизменения прилагательных вы знаете?
15. Чем отличается формообразование имен прилагательных от существительных?

ГЛАВА IV. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Традиционное определение имени числительного как части речи, выражающей количественный признак предмета, нуждается в научном пересмотре. В чувашеведении (шире: в тюркологии) имена числительные классифицируют по лексическим разрядам, следуя грамматикам индоевропейских языков, что не соответствует реальному положению вещей. В последние 20 лет был высказан ряд критических замечаний по этому поводу. Свое несогласие первым выразил И. А. Андреев, который усомнился в целесообразности включения форм числительных на *-ән(-ён)*: *иккён, виççён, -шө: иккёшө, виççёшө* в разряд собирательных. По мнению автора, *-ән(-ён)* здесь выступает как обыкновенная словоизменительная морфема. Он же аффиксы числительных *-мэш(-мёш)* и *-шар(-шер)* считает синтаксическими по своему назначению, т. е. тоже словоизменительными¹.

Критическое замечание было воспринято И. П. Павловым вовремя. Он, пересмотрев свою прежнюю точку зрения, справедливо утверждает, что релятивные аффиксы не являются основой для включения слов в те или иные лексические группы, мотивируя тем, что реляционные аффиксы выделяются тотальностью употребления в рамках той или иной части речи, а деривационные аффиксы характеризуются «избирательными» свойствами. Исходя из этого общего положения, форманты *-шар(-шер)*, *-мэш, -ән(-ён)* рассмотрены И. П. Павловым в качестве реляционных и исключены из числа деривационных².

Исходя из семантических и грамматических признаков, И. П. Павлов рекомендует делить числительные на группы по дихотомическому принципу и парадигму форм некоторых числительных чувашского языка приводит в следующем виде³:

Название форм числительных	Числительные			
	пёр(ре)	иккё	виççё	тáваттá
1	2	3	4	5
Атрибутивные	пёр	икё, ик	виçё, виç	тáватá, тáват
Субстантивные	пёрре	иккё	виççё	тáваттá
Порядковые	пёрре-мэш	иккё-мэш	виççё-мэш	тáваттá-мэш

¹ См.: Андреев И. А. Указ. рец. С. 343.

² См.: Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке // Тр./ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 74. С. 3—4

³ См.: Павлов И. П. Там же. С. 12.

	1	2	3	4	5
Разделительные		пёр-ер	ик-шер	виç-шер	тáват-шар
Собирательные		пёчче-н	иккё-н	виççё-н	тáваттá-н
Разделительно- собирательные		пёр-ер-ён	икш-шер-ён	виç-шер-ён	тáват-шар-ён
Личные: 1 л.		пёр-с-ём-ёр	ик-с-ём-ёр	виç-с-ём-ёр	тáват-с-ём-ёр
2 л.		пёр-с-ёр	ик-с-ёр	виç-с-ёр	тáват-с-ёр
3 л.		пёр-и	иккё-ш-ё	виççё-ш-ё	тáваттá-ш-ё

Как мы видим, хотя автор называет аффиксы *-шар(-шер)*, *-мёш*, *-ён(-ён)* реляционными и указывает на их тотальность употребления, но не говорит ни слова о них как о носителях категориальных форм.

Между тем в своей известной грамматике Н. К. Дмитриев писал: «С морфологической стороны числительное в башкирском языке, как и во всех тюркских, характеризуется некоторыми специальными категориями (разрядка наша.— В. С.), имеющими свои формальные показатели: 1) категория, выражающая порядковое соотношение предметов...; 2) категория, выражающая разделительность...; 3) категория, выражающая «собирательность» или классификацию предметов по группам...⁴

В типологическом плане на наличие у числительных категориальных форм отмечено в чукотском языке. П. Я. Скорик, описывая числительные, пишет: «Чукотское числительное характеризуется грамматической категорией лица и присущими только ему категориями разделительности и порядковости»⁵.

Таким образом, есть все основания считать формы на *-мёш*, *-ён(-ён)* и *-шар(-шер)* в чувашском языке категориальными.

Количественные числительные являются основой для образования категориальных форм разделительности, порядковости и образа действия, поэтому их можно назвать категорией количественности числительных. Поскольку эти числительные являются основной формой, мы именуем их по традиции количественными.

В отличие от числительных других тюркских языков чувашский язык в пределах первого десятка характеризуется тремя типами форм количественных числительных: а) краткая форма: *пёр*, *ик*, *виç*, *тáват*, *улт*, *çич*, *вун*; б) полукраткая форма: *икё*, *виçё*, *тáватá*, *пилёк*, *ултá*, *çичё*, *сакáр*, *тáхáр*, *вунá*; в) полная

⁴ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 88.

⁵ Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка: Фонетика и морфология именных частей речи: М.; Л., 1961. Ч. 1. С. 387; 397—399.

форма: *пёрре, иккё, виççё, таваттă, пиллĕк, улттă, сиччĕ, саккăр, тăххăр, вуннă*.

Поскольку в большинстве тюркских языков атрибутивная и субстантивная формы количественных числительных не различаются, то можно подумать, что полные, т. е. субстантивные формы могли возникнуть под влиянием марийского языка, где также различаются полные и краткие формы количественных числительных: *кок, коктет* «два», *кум, кумет* «три» и т. д., как это полагает Б. А. Серебrenников⁶.

Современная чувашская счетная система, как и счетная система многих других языков, основана на десятичной нумерации, т. е. числа от 1 до 9 обозначаются индивидуальными символами: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. В их число включается еще знак 0 для обозначения нуля. Каждое число изображается только при помощи этих десяти знаков по принципу позиционного значения, сущность которого заключается в том, что каждый знак может изменять свое значение в зависимости от позиции. Возьмем, например, четырехзначное число 2222. Записанные здесь «двойки» имеют свое собственное значение в зависимости от места: первая «двойка» — две тысячи; вторая — двести, третья — двадцать, четвертая — два.

Единица счетной системы — это числа, которые выражаются счетными словами — числительными. Но не все слова, имеющие числовую семантику, могут быть рассмотрены как числительные⁷. Школьные грамматики (да и не только школьные) к числительным относят *çурă* «половина», *чĕрĕк* «четверть», *теçетке* «десяток», *мăшăр* «пара» и т. д. Эти слова не представляют собой последовательной счетной системы, т. е. они не включаются в десятичную нумерацию и кроме числового значения имеют значение предметности и поэтому к числительным не относятся.

Чувашскую счетную систему (т. е. количественные числительные) можно представить в следующем виде: 1) единицы; 2) десятки; 3) сотни; 4) тысячи; 5) миллионы; 6) миллиарды; 7) триллионы; 8) квадрильоны; 9) квинтильоны; 10) секстильоны; 11) септильоны и т. д. Начиная с четвертого пункта, все последующие классы каждый в 1000 раз больше предыдущего. Числительные первого класса (класс единиц) по структуре представляют собой простые однокорневые слова. Второй класс

⁶ См.: *Serebrennikov B. A. Über tschuwaschischen Themen* /АОН. 1964. Т. 18. Fasc. 2.

⁷ См.: *Лукин М. Ф.* К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке //Вопр. языкознания. 1987. № 6. С. 44.

числительных — десятки: *вунӑ* «десять», *çирём* «двадцать», *вӑтӑр* «тридцать», *хӗрӗх* «сорок», *алӑ* «пятьдесят», *утмӑл* «шестьдесят», *çитмӑл* «семьдесят», *сакӑрвунӑ* «восемьдесят», *тӑхӑрвунӑ* «девяносто». Третий класс—сотни: *çёр* «сто», *икçёр*, *виççёр*, *тӑватçёр*, *пилӗкçёр*, *ултçёр* и т. д. В чувашском языке, как считает И. П. Павлов, отсутствуют сложные числительные. Слитное написание синтаксических конструкций по типу русских числительных от 11 до 19, числительных 80 и 90, а также от 200 до 900 не оправдано⁸. Все это говорит о том, что числительные в чувашском языке бывают только простые и составные. Числительные *утмӑл* (<*улт*+*мӑл*), *çитмӑл* (*çит*~*çич*+*мӑл*) можно считать производными, образованными аффиксом *-мӑл*(*-мӑл*). Но И. П. Павлов предлагает считать их непроизводными.

Классы числительных представляют собой бесконечное множество натуральных чисел, но количество слов (символов) для их выражения ограничено: от 1 до 9; 10 (*вунӑ*) «десять»; 20 (*çирём*) «двадцать», 30 (*вӑтӑр*) «тридцать», 40 (*хӗрӗх*) «сорок», 50 (*алӑ*) «пятьдесят»; 60 (*утмӑл*) «шестьдесят», 70 (*çитмӑл*) «семьдесят», 100 (*çёр*) «сто», 1000 (*пин*) «тысяча», *миллион*, *миллиард* и т. д. (всего 22—25 слов).

§ 2. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Категория падежа

В чувашском языкознании существует двоякое мнение по вопросу о категории падежа числительных. Одни считают, что отвлеченные количественные числительные, употребляемые самостоятельно (субстантивные числительные), склоняются как имена существительные⁹. Как считает И. П. Павлов, личные формы числительных имеют полную падежную парадигму, а многие неличные формы имеют возможность обладать падежными аффиксами только в случаях опускания иррелевантного ядерного существительного. По мнению автора, не все существительные могут быть иррелевантными, поэтому числительные не в состоянии употребляться во всех падежах. И. П. Павлов считает недоразумением утверждение авторов школьных

⁸ См.: Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных... С. 5.

⁹ См.: Павлов И. П. Там же. С. 15.

учебников о полном склонении количественных числительных.

В действительности же, не склоняются только атрибутивные формы числительных, а субстантивные формы имеют полную падежную парадигму. Иначе и быть не может, ибо количественные числительные в субстантивной форме могут употребляться самостоятельно и независимо от других слов, в этом отношении они приближаются к существительным, и поэтому мы их и называем субстантивными формами. По справедливому замечанию Н. К. Дмитриева, этот тип числительных «выражает не предметность, а идею числа, осознаваемую как предмет, иначе — опредмеченное число»¹⁰.

Приведем образцы склонения субстантивных форм некоторых числительных:

Осн.	иккё	виççё	саккър
Прит.	иккё-н	виççё-н	саккър-ән
Д.-в.	икк-е	виçç-е	саккър-а
Мест.	иккё-ре	виççё-ре	саккър-та
Исх.	иккё-рен	виççё-рен	саккър-тан
Тв.	иккё-пе	виççё-пе	саккър-па
Лиш.	иккё-сёр	виççё-сёр	саккър-сър
Прич.	иккё-шён	виççё-шён	саккър-шән
Ср.: упод. ф.	иккё-лле	виççё-лле	саккър-ла
пред. ф.	иккё-ччен	виççё-ччен	саккър-ччен

Мы бы не смогли говорить о полной падежной парадигме субстантивных числительных, если бы эти формы не употреблялись в языке и в речи носителей описываемого нами языка:

1. *Унән ығалсем виççё* «У него трое сыновей». 2. *Виççён* (виççё паллән) *аялти сур ункине сырса ситереймен* «Нижнее полукольцо у тройки недописано». 3. *Ача виççе кайрёман* «Моему ребенку уже третий год». 4. *Виççёре пуху пулать* «В три часа будет собрание». 5. *Виççёрен пёри те киле таврайман* «Из трех ни один не вернулся». 6. *Виççёпех сутрайм* «Продавал за три рубля». 7. *Виççёсёр килейместён* «До трех часов не могу прийти». 8. «*Виççёшён*» мён кулянмалли *пур?* «Что ты горюешь из-за «тройки»? Ср.: 9. *Виççёлле явнә пушә* «Кнут в три витка». 10. *Виççёччен кётрём эп әна* «Я его ждал до трех».

Естественно, формы притяжательного падежа *иккён*, *виççён*, *таваттән*, *пиллөкөн*, *улттән*, употребляемые в качестве опреде-

¹⁰ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 89.

ленного числа, следует отличить от категориальных форм образа действия *иккён* «вдвоем», *вицсён* «втроем», *таваттан* «вчетвером» и т. д. В категориальных формах образа действия налицо значение собирательной множественности (поэтому их раньше относили к разряду собирательных числительных), а в форме притяжательного падежа идея собирательного множества не содержится.

Категория числа или приблизительности?

Категория числа числительных имеет ряд особенностей. Числительные как часть речи, выражающие в современном чувашском языке количественную счетную систему, редко принимают аффикс множественного числа *-сем*. Атрибутивные формы числительных вовсе лишены такой возможности, субстантивные же числительные, когда они выступают как опредмеченное число, проявляют склонность к агглютинации аффикса *-сем*. Когда мы говорим *Иккёсем сырса тултарнă* «Понаписал цифры два», мы прежде всего имеем в виду «двойку», осознаваемую как предмет или опредмеченное число.

Но в языке и в речи носителей чувашского языка *пёрресем*, *иккёсем*, *вицсёсем*, *таваттасем*... указывают приблизительность часового времени. В таком значении выступают числительные от одного до двенадцати, но не более:

1. *Пёрресем тёлнелле кил* «Приходи приблизительно к часу». 2. *Иккёсем ситнĕ пулмалла* «Наверное, уже два часа». 3. *Вуннăсемпе пуханатпăр* «Собираемся примерно к десяти часам». 4. *Вуниккёсем ситмен пулмалла-ха* «Видимо, нет еще двенадцати часов».

Аффикс *-сем*, употребляясь с количественными числительными, указывает также на приблизительность возраста людей. Такое значение имеют числительные от 1 до 100 и более, т. е. формальное выражение числительных аффиксом *-сем* зависит от продолжительности жизни человека. При этом не только простые, но и составные числительные могут оформляться аффиксом *-сем*:

1. *Хваттер хуци карчакĕ Анна Ивановна — утмăлсенчен иртнĕ тулли кĕлеткеллĕ хĕрарăм* (Арт. Салампи) «Хозяйка квартиры Анна Ивановна — женщина лет шестидесяти, склонная к полноте». 2. *Сулĕпе, пирĕн евĕрлех, вăтăр пиллĕксене сывхарса пырать ёнтĕ* (В. Игн. Иккёмеш тёлпулу) «Годами, как и мы, приближается сейчас к тридцати пяти».

Некоторые лингвисты называют такое употребление числи-

тельных с аффиксом множественности «нелогичным». В ответ на это Отто Есперсен пишет: «Я скорее назвал бы его примером разумной экономии, поскольку в данном случае всякое выражение множественности существительным было бы излишним»¹¹. На самом деле, после обозначения числительными с аффиксом *-сем* значения приблизительности в возрасте, казалось бы, нет особой необходимости в формальном выражении приблизительного возраста существительными. Но в таких случаях нет и не может быть твердого однонаправленного правила. Мы можем с одинаковым успехом употребить аффикс *-сем* и с опредмеченными числительными, и существительным *сул* «год», следующим за числительными. Ср.: *Парамоныч — аллӓсенчен иртнӓ вӓтам пӓллӓ сын* (Арт. Алтӓр җӓлтӓр) «Парамоныч — человек среднего роста, лет пятидесяти». Но то же самое предложение без ущерба содержания можно переделывать, включив в его состав слово *сул* «год»: *Парамоныч — аллӓ (или алӓ) сулсенчен иртнӓ вӓтам пӓллӓ сын*. В таком случае аффикс множественного числа примыкает уже не к числительному *аллӓ* «пятьдесят», а употребляется с существительными *сул* в соответствующем падеже.

Аффикс *-сем* с числительными употребляется и тогда, когда есть надобность указывать на: а) приблизительную сумму денег: *Икӓ пинсем пулмалла ун кассӓра* «В сберегательной кассе у него денег примерно около двух тысяч»; б) приблизительную цену товара: *Пилӓксӓрсем таран тӓрать пулмалла вӓл, (кӓрӓк)* «Видимо, эта (шуба) стоит примерно около пятисот рублей».

Таким образом, аффикс *-сем* с числительными выражает конкретную идею числа только в том случае, когда числительные выступают в субстантивной форме: *Виҗҗӓсемпе анчах вӓренет* «Учится всего лишь на тройки». *Пилӓксемпе вӓренме чылай тӓрайшмалла җав* «Учиться на пятерки — необходимо приложить больше старания». В таких примерах числительные *икӓ* «двойка», *виҗҗӓ* «тройка», *тӓваттӓ* «четверка», *пилӓк* «пятерка» (оценки) выступают на правах счетных существительных и в силу этого они способны принимать аффикс множественного числа *-сем*. В остальных случаях везде мы видим значение приблизительности времени, возраста, суммы денег и цены. Масштабность употребления аффикса *-сем* с количественными числительными именно в значении «приблужи-

¹¹ Есперсен О. Философия грамматики. М. 1958. С. 241.

тельности» вынуждает нас признать наличие категории при-
близительности у субстантивных числительных, нежели кате-
гории числа.

Категория порядковости

Категория порядковости числительных образуется с по-
мощью аффикса *-мёш*, прибавляемого к субстантивной форме
количественных числительных; только числительное *пёрре*
«один» способно принимать аффикс *-мёш* в двух формах: в суб-
стантивной и атрибутивной: *пёр-мёш* и *пёрремёш* «первый», но
иккёмёш «второй», *вицсёмёш* «третий», *таваттамёш* «четвер-
тый»..., *вуннамёш* «десятый».

Атрибутивная форма *пёр* способна принимать аффикс *-мёш*
при определенной позиции: *вунпёрмёш* «одиннадцатый», *сёр*
пёрмёш «сто первый» и *сёр те пёрремёш* «сто первый», но *пин*
те пёрремёш «тысяча первый».

К числительному *пин* «тысяча» аффикс *-мёш* присоединяется
двойко: *пинмёш* и *пин-ё-мёш* «тысячный».

Категориальная форма порядковости числительных выра-
жает не только порядок предметов по счету или их место в ря-
ду других предметов, но и порядок совершения действия тем
или иным лицом: *вицсёмёш вырэн* «третье место»; *вицсёмёш*
килтём «я пришел в третий раз».

В отличие от индоевропейских языков, в которых порядко-
вые числительные или считаются особым разрядом числитель-
ных, или же совсем исключаются из системы числительных и
рассматриваются как порядковые¹² или количественные при-
лагательные¹³, выражающие признак, в которых этот признак
считается лексическим значением, в чувашском языке катего-
рия порядковости числительных выражается не лексически, а
грамматически, посредством специального аффикса, прибавляе-
мого к основе числительных; ср.:

один — *первый*
два — *второй*
три — *третий*

пёрре — *пёрремёш*
иккё — *иккёмёш*
вицсё — *вицсёмёш*.

У составных числительных показатель категориальной фор-
мы *-мёш* принимается конечным компонентом, причем все ос-

¹² См.: *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове.
М., 1972. С. 192.

¹³ См.: *Современный русский язык* /Под ред. В. А. Белошапковой. М.,
1981. С. 293.

тальные компоненты составных числительных продолжают оставаться в исходной форме, *вăтăр пиллĕкмĕш* «тридцать пятый», *пин те тăхăрçĕр сакăрвун саккăрмĕш сун* «год-тысяча девятьсот восемьдесят восьмой».

Числительные в категориальной форме порядковости имеют атрибутивное и обстоятельственное значение; *иккĕмĕш класс* «второй класс»; *иккĕмĕш ситрĕм* «пришел вторым», «пришел второй раз».

Форма порядковости числительных может употребляться самостоятельно. При этом эти формы могут принимать аффикс выделительности -ĕ, который указывает на выделение предмета из последовательности ряда предметов: *Урамра виçĕ ача: пĕрремĕшĕ шыв йăтат, иккĕмĕшĕ йывăç шăварат, виççĕмĕшĕ пăхса тăрат* «На улице трое ребят: первый носит воду, второй поливает дерево, третий стоит и смотрит».

При этом Н. А. Андреев считает, что формы порядковости (по автору, порядковые числительные) от краткой формы употреблялись как определение при именах, а от полной формы — самостоятельно без последующего имени, но с прибавлением аффикса выделения в форме -ĕ. Впоследствии эти формы перестали различаться...¹⁴ По Н. И. Ашмарину, аффикс -мĕш образован от древней формы порядковых числительных -ăм(-ĕм) с двойным прибавлением аффикса притяжательности 3 лица, т. е. -ăм(-ĕм) + -ăш(-ĕш) + -ĕ¹⁵.

Н. А. Андреев считает, что в аффиксе -мĕш слились два старинных аффикса -м и -ш¹⁶.

Отдать предпочтение какому-либо предположению затруднительно. В более подробной форме о происхождении аффикса -мĕш ~ мĕшĕ пишет М. Р. Федотов¹⁷.

Категория разделительности

Категория разделительности числительных в чувашском языке образуется от атрибутивной (краткой) формы количественных числительных путем прибавления аффикса -шар(-шер): *икшер* «по два», *вуншар* «по десять». К числительному *пĕр*

¹⁴ См.: Андреев Н. А. Имя числительное //Материалы по грамматике современного чувашского языка. С. 115.

¹⁵ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования... С. 181—182.

¹⁶ См.: Андреев Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей //Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 114.

¹⁷ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 97—102.

«один» в большинстве случаев прибавляется аффикс *-ер*: *пёр-ер* «по одному», но иногда вместо *-ер* употребляется *-шер*: *пёр-шер*; в составных числительных, где имеется слово *пёр*, во всех случаях мы имеем аффикс *-шер*: *ал пёршер* «по пятидесяти» *хёрёх пёршер* «по сорока одному», *çёр пёршер* «по ста одному»

В разговорной речи можно наблюдать употребление формы разделительности, образованных от субстантивных форм: *ул-тáшар* «по шести», *саккáшар* «по восьми».

В составных числительных от названий сотен, тысяч и миллионов аффикс *-шар(-шер)* прибавляется к названиям единиц: *икшер çёр* «по двести», *виçшер пин* «по три тысячи», *пилёкшер миллион* «по пять миллионов». Но не исключена возможность прибавления его и к названиям сотен и тысяч *ик çёршер*, *виçё пиншер* и т. д.

Категория разделительности — категориальная форма числительных, представляющая собой грамматическое выражение идеи распределения предметов по однородным группам поровну. Разделительная форма числительных употребляется в функции количественного определителя существительного: *пёрер улма* «по одному яблоку», *икшер тенкё* «по два рубля». Частенько вместо выражений *пёрер тенкё*, *пёрер кило*, *пёрер улма*, *пёрер сұхрám* употребляется разделительная (некатегориальная) форма существительных с аффиксом *-шар (-шер)*: *тенкёшер* «по одному рублю», *килошар* «по одному килограмму», *улмашар* «по яблоку», *сұхрámшар* «по одному километру».

Помимо значения разбивки предметов по однородным группам, аффикс *-шар(-шер)* в числительных (в особенности в формах *вуншар*, *çёршер*, *пиншер*) выражает идею множественности: *Пиншер сұтáпа сұталать тён хуламáр* «Тысячами огней светится наша столица».

Идея выражения значения множественности связана, видимо, с тем, что формант *-шар(-шер)* этимологически восходит к показателю множественного числа *-лар(-лер)* тюркских языков, или, в крайнем случае, в составе аффикса *-шар(-шер)* можно обнаружить два форманта множественности: *-ш + -ар (-ер)*¹⁸.

Категория образа действия или собирательности?

До сих пор в грамматиках чувашского языка говорили о наличии разряда собирательных числительных, выражающих значение коллективной множественности. В чувашском языке к

¹⁸ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 106.

разряду собирательных числительных в большинстве случаев относили формы на *-ӓн(-ӓн)*, *-н*. На наш взгляд, аффикс *-ӓн(-ӓн)* является показателем категориальной формы. Как назвать эту категориальную форму — вопрос остается открытым. Естественно, было бы легче назвать ее категорией собирательности числительных, ибо все формы, начиная с двух и так далее, выражают значение концентрации предметов, чаще всего лиц: *иккӓн* «вдвоем», *вицӓӓн* «втроем», *вунӓн* «вдесятером» и т. д. Однако от числительного *пӓр* образуется форма *пӓрӓн* или *пӓрӓн-пӓрӓн* «по одному», *пӓррӓн-пӓррӓн* (А X 235) «по одному», где выражена идея раздробления целого или (коллективного) множества по единицам: *Ушкӓн-ушкӓн яш ача, ӓирӓм икке ӓитсесӓӓн, пӓррӓн-пӓррӓн саланать* (А X 235) «Группами-группами молодые парни при достижении двадцатидвухлетнего возраста расходятся по одному». По справедливому замечанию Н. И. Ашмарина, числительные в таком случае употребляются для означения образа действия¹⁹. Таким образом, в категориальной форме числительных типа *иккӓн, вицӓӓн, тӓваттӓн, пиллӓкӓн, улттӓн, вунӓн* выражено не только значение собирательной множественности, но и значение образа действия. *Эпир кунта ӓиччӓн ёӓлетпӓр* «Мы здесь работаем всемером» (Ашм. Синт. I. С. 130). Но в предложении *Эпир кунта ӓиччӓн* «Нас здесь семеро» идея собирательности превалирует над значением образа действия, ибо действие просто-напросто здесь не выражено.

Частенько к собирательным числительным относят форму *пӓччен*²⁰ (<*пӓрре-н*; якобы *рр ~ чч*) «один, одинокий, единственный», но числительное *пӓччен* не выражает идею собирательности, здесь налицо значение образа единичности, стоящего вне коллектива.

Учитывая все эти обстоятельства и проводя аналогию с прилагательными с аффиксом *-ӓн(-ӓн, -н)*, формирующим категорию образа действия, форму числительных с аффиксом *-ӓн(-ӓн, -н)* можно назвать категориальной формой образа действия числительных. Но не будет большой ошибкой, если они получат название категории собирательности.

Прав Н. А. Андреев, который считает аффикс *-ӓн(-ӓн, -н)* не деривационным, т. е. наречиеобразующим, а словоизменительным²¹, поскольку этот аффикс присоединяется ко всем чис-

¹⁹ Ашмарин Н. И. Опыт исследования... С. 133.

²⁰ Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных... С. 12.

²¹ Андреев Н. А. Имя числительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. С. 119.

лительным, т. е. ему присущ принцип тотальности. Но автор не до конца осмыслил значение аффикса *-ән* (*-ён*, *-н*) в числительных и по традиции отнес числительные типа *иккён*, *виçсён* к разряду собирательных.

Категория разделительно-собирательности

Эта категориальная форма образуется посредством прибавления аффикса *-ән* (*-ён*) к аффиксу *-шар* (*-шер*) и означает разбивку предметов по группам с одинаковым количеством: *виçшерён* «по три»; *вуншарён* «по десять», *сёршерён* «по сто». Здесь налицо формоизменение.

Категория времени

Категория прошедшего времени числительных образуется посредством аффикса *-чё* (*-ччё*): *Ачасем вёсен вуннайччё*. «У них было десять детей». Это предложение можно перефразировать так: *Вёсен ачасем вуннай пулнай*, где значение прошедшего времени передано формой причастия прошедшего времени *пулнай*. Если мы говорим *Ачасем вёсен вуннай* «У них десять детей» мы целое предложение воспринимаем в настоящем времени. Еще пример: *Эпё ун чухне вун тайваттараччё* (Агак. Пёр хулара) «Мне тогда было 14 лет». Если же мы говорим *Эпё вун тайваттара* «Мне четырнадцать лет», то время воспринимается как настоящее.

По поводу аффикса *-чё* (*-ччё*) Н. И. Ашмарин писал, что он «недостаточный глагол, представляющий остаток от формы прошедшего времени тюркского глагола *i-meg* (быть) — *idi* (он был) и присоединяющийся к глаголам для образования форм преднастоящего и предпрошедшего времени и сослагательного наклонения, а также к другим частям речи для выражения прошедшего состояния: *килетчё*, *килнеччё*, *килсеччё*, *килсетгёмччё*, *килеччё*, *килесшёнччё*, *килекенччё*, *килмеллеччё*, *ачаччё*, *лайяхчё*, *вуннайччё*, *эпеччё*, *сукчё*, *марччё* (А XV 277).

Как мы видим, Н. И. Ашмарин, хотя и не говорит о формах прошедшего времени слов *ачаччё*, *лайяхчё*, *вуннайччё*, но очень скромно замечает, что они служат для выражения прошедшего состояния, среди них он выделяет числительное *вуннайччё*, которое выражает, по Н. И. Ашмарину, прошедшее состояние.

Фактически нет такого числительного и форм числительных, которые не употреблялись бы с аффиксом *-ччё* (*-чё*) для «выражения прошедшего состояния»: *вуннаймешчё* «было десятое число»; «он был десятым»; естественно, все категориальные и не-

категориальные формы способны принимать аффикс *-чѣ(-чѣ)*: *вуннѣмѣшѣнчѣчѣ*, *вуннѣмѣшѣсѣрчѣ* и т. д. личные формы: *иксѣмѣрчѣчѣ*, *иксѣрчѣчѣ*, *иккѣшѣчѣчѣ*, *иккѣмѣшсемчѣчѣ*, *иккѣречѣчѣ* и т. д.

Категория усиления

Категория усиления образуется при помощи аффикса *-ах* (*-ех*, *-х*):

иккѣ «два» — *иккѣ* *иккех* «двойка есть двойка», *иккѣн* «вдвоем» — *иккѣнех* *килтѣмѣр* «мы пришли только вдвоем»; *иккѣшех* «они только вдвоем», *иксѣрех* «вас только двое».

Аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) способен присоединиться также ко всем категориальным и некатегориальным формам числительных для выражения усиления высказывания.

§ 3. ФОРМОИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Категория склонения

После выявления специфических категориальных форм числительных мы должны выяснить вопрос, могут ли иметь эти категориальные формы полную падежную парадигму по типам склонения наподобие существительных. Обратимся сначала к категории порядковости числительных.

Числительные в категориальной форме порядковости могут иметь атрибутивное и субстантивное значение. В первом случае, сочетаясь с определяемыми существительными, числительное не склоняется, склоняемым является лишь существительное:

Осн. *пѣрремѣш* *вырѣн* «первое место», *иккѣмѣш* *кил* «второй дом». Прит. *пѣрремѣш* *вырѣнѣн*, *иккѣмѣш* *килѣн*. Д.-В. *пѣрремѣш* *вырѣна*, *иккѣмѣш* *киле*. Мест. *пѣрремѣш* *вырѣнта*, *иккѣмѣш* *килте* и т. д.

В тех случаях, когда такое числительное имеет субстантивное значение и употребляется самостоятельно, эта форма имеет полную падежную парадигму:

Осн.	пѣрремѣш (ѣ)	иккѣмѣш (ѣ)
Прит.	пѣрремѣшѣн	иккѣмѣшѣн
Д.-В.	пѣрремѣшне	иккѣмѣшне
Мест.	пѣрремѣшѣнче	иккѣмѣшѣнче
Исх.	пѣрремѣшѣнчен	иккѣмѣшѣнчен
Тв.	пѣрремѣшпе	иккѣмѣшпе

Лиш.	пёрремёшсёр	иккёмёшсёр
Прич.	пёрремёшшён	иккёмёшшён
Ср. упод. ф.	пёрремёшле	иккёмёшле
пред. ф.	пёрремёшчен	иккёмёшчен

Этот тип по праву можно назвать смешанным типом склонения. Такие числительные с субстантивным значением могут указать как на человека, так и на предмет. В тех случаях, когда эти формы указывают на человека (а во множественном числе — на группу людей), то они могут склоняться по притяжательному типу:

	Едиственное число	Множественное число
Осн.	виççёмёше	виççёмёшсем
Прит.	виççёмёшён	виççёмёшсен
Д.-В.	виççёмёшне	виççёмёшсене
Мест.	виççёмёшёнче	виççёмёшсенче
Исх.	виççёмёшёнчен	виççёмёшсенчен
Тв.	виççёмёшёнпе	виççёмёшсенпе
Лиш.	виççёмёшёнсёр	виççёмёшсенсёр
Прич.	виççёмёшёншён	виççёмёшсеншён

Естественно, такой тип склонения малоупотребителен, но возможен.

Примеры: 1. *Виççёмёшсем паян экскурсие кайрёс* «Третьеклассники (-курсники) сегодня пошли на экскурсию». 2. *Виççёмёшсен паян таватӑ урок* «У третьеклассников сегодня четыре урока». 3. *Виççёмёшсене хут пухма янӑ* «Третьеклассников отправили на сбор макулатуры». 4. *Вӑл киле виççёмёшсенче таврӑнать пулас* «Видимо, он домой вернется в числах третьего». 5. *Виççёмёшсенчен иртсе кайрӑмӑр* «Мы обошли третьеклассников». 6. *Виççёмёшсенпе таватӑмёшсен участокёсем юнашарах* «Участки у третьеклассников и четвероклассников рядом». 7. *Виççёмёшсенсёр пуçне нихӑш класс таса марччӑ* «Кроме третьеклассников ничей класс не был чистым». 8. *Пёрремёшпе иккёмёшсен йёрке сирӑнчӑ, виççёмёшсеншён чылай тӑрӑшма лекрӑ* «У перво- и второклассников была хорошая дисциплина, за укрепление дисциплины третьеклассников приходилось изрядно трудиться». Ср.: *Пирӑн стена хаçачӑ те виççёмёшсенле илемлӑ те интереслӑ пулчӑ*. «И наша стенгазета, наподобие третьеклассников, получилась красочной и интересной». 9. *Виççёмёшсенченчӑн пиллӑкёмёшсен класне тӑрӑслемелле*. «Прежде

нужно проверить чистоту у пятиклассников, затем у третьеклассников». Слова *пёрремёшёнчен* «во-первых», *иккёмёшёнчен* «вторых», *вицсёмёшёнчен* «в-третьих» в форме исходного падежа иногда выступают в качестве вводных, но от этого они не перестают быть числительными.

Категориальные формы порядковости числительных от 1 до 31 могут означать число месяца: *январён пёрремёш* «первое января»..., *январён 31-мёш* «тридцать первое января».

Категориальная форма разделительности на *-шар(-шер)* не имеет полной падежной парадигмы: формы местного падежа и предельной формы *икшерте, икшерччен* вовсе неупотребительны в языке. Категориальная форма образа действия (или собирательности) способна принимать лишь аффиксы дательного и исходного падежей: *вицсёне ситрёмёр* «нас стало трое», *иккёnten пёри* «один из нас двоих»; *сиччёнтен тахашё* «кто-то из них семерых». В таких случаях, естественно, мы не можем говорить ни о категории падежа, ни о категории склонения, речь может идти лишь о некатегориальных формах падежей.

Категория числа

Категория порядковости числительных в субстантивном значении принимает аффикс множественного числа *-сем* и склоняется, как мы уже показали, точно так же, как и существительное: *пилёкмёшсем, ултёмёшсем, вуннёмёшсем*.

В зависимости от контекста такие формы могут быть в следующих значениях: 1) *вуннёмёшсем тёлнелле кил* «приходи, примерно, к десятому числу»; 2) *вуннёмёшсем* «десятиклассники»; *вицсёмёшсем* «третьекурсники»; 3) *вёсем ял хёрринчен вуннёмёшсем* «их дом десятый, если считать с краю деревни».

§ 4. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Формообразование на базе простых количественных числительных и на базе категориальных форм

А. Личные формы числительных. Личные формы числительных нельзя считать категориальными формами числительных по двум причинам: во-первых, при образовании личных форм употребляются лишь аффиксы 1 и 2 лица множественного числа *-(с)амёр, -(с)ёмёр* и *-(с)ар, -(с)ёр* и 3 лица единственного чис-

ла -(ш)ё; во-вторых, дальше восьми формы множественного числа употребляются редко, т. е. здесь хозяйничает принцип избирательного употребления личных форм. В силу этих причин мы не можем сказать, что «личные формы числительных образуют категорию лица»²², хотя форма 3 лица отличается тотальностью употребления.

Личные формы числительных выражают совокупность лиц в известном количестве:

1 л. мн. числа <i>пёрсёмёр</i>	<i>иксёмёр</i> «мы вдвоем»
2 л. мн. числа <i>пёрсёр</i>	<i>иксёр</i> «вас двое»
3 л. ед. числа <i>пёри</i> или <i>пёрё</i> , <i>пёрёш</i>	<i>иккёшё</i> «двое из них»
(А X 219)	

В словаре Н. И. Ашмарина не найдена отражения форма *пёрсёмёр*, но И. П. Павлов и М. Р. Федотов указывают на наличие такой формы; ср.: *пёрсёмёре те лекмерё* «ни одному из нас не досталось» (Фед. ЧЯАЯз. II. С. 105). Форма *пёрсёр* дана в словаре в значении «без единого» (А X 225); М. Р. Федотов приводит следующее: *пёрсёр кăна пытăр* «пусть придет лишь один из вас» (Фед. ЧЯАЯз. II. С. 104).

Личные формы 3 лица числительных на -(ш)ё по структуре и семантике аналогичны общетюркскому -се(-си): *иккёшё* ~ *икиси*, но личные формы 1 и 2 лица множественного числа отсутствуют в общетюркских соответствиях, поэтому при объяснении происхождения этих аффиксов разные авторы по-разному рассматривают и морфемную членимость их. Ср.: у И. П. Павлова: *ик-с-ём-ёр*, *ик-сёр*; *виç-с-ём-ёр*, *виç-сёр*; у М. Р. Федотова: *ик-сёр-мёр*, *ик-сёр*; *виç-сёр-мёр*, *виç-сёр*.

Аффиксы лица в таких случаях некоторыми авторами принимаются за аффиксы категории принадлежности. В силу того, что такие формы не выражают значения принадлежности, принимать их за таковые нельзя. Что касается аффикса 3 лица -ё в слове *пёрё*, то он в современном чувашском языке неупотребителен, вместо него во всех случаях выступает алломорфа -и: *пёр-и*, у которой на первый план выступает значение выделительности. У Н. И. Ашмарина зафиксирована также форма *пёрёш*: *сёр пёрёшине* (А X 219).

²² Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных... С. 13.

* М. Р. Федотов считает, что *иксёр* < **иксёвёр* < **иксёгёр*. Л. С. Левитская *иксёр* возводит прямо к **иксёгёр*. (Историческая морфология чувашского языка. С. 50).

Если личные формы 1 и 2 лица множественного числа обозначают известную группу только лиц, указывая на лицо самого говорящего: *иксёмёр*, *виçсёмёр* и на лицо, к которому обращена речь: *иксёр*, *виçсёр*, то форма 3 лица может указать и на лицо, и на определенный предмет: *виçсёшйё килчёç* «трое из них вернулись»; *кяранташсем виçсёшйё çухалнй* «три карандаша потерялись».

Если формы множественного числа употребительны только с числительными от 1 до 7, то форма 3 лица проявляет более широкую активность — употребляется почти со всеми числительными: *пёрёшйё* «первый» (А X 219); *иккёшйё* «двое из них», «они двое», «вдвоем»; *саккярйшйё* «восьмеро из них», «они восьмеро», «восьмером»; *вуннйшйё* «десятеро из них», «они десятеро»; *çирёмёшйё* «двадцать из них»; *çирём таххарйшйё*; *вйтйрйшйё* «тридцать из них»; *вйтйр улттйшйё*; *сёрёшйё* «сто из них»; но *сёр вуннйшйё*; *пинёшйё* «тысяча из них», но не говорят *миллионйшйё*, *миллиардйшйё* и т. д.

Отличительной особенностью личных форм числительных является наличие полной падежной парадигмы:

Осн.	иксёмёр	иксёр	иккёшйё
Прит.	иксёмёрён	иксёрён	иккёшён
Д.-В.	иксёмёре	иксёре	иккёшне
Мест.	иксёмёрте	иксёрте	иккёшёнче
Исх.	иксёмёртен	иксёртен	иккёшёнчен
Тв.	иксёмёрпе	иксёрпе	иккёшёпе
Лиш.	иксёмёрсёр	иксёрсёр	иккёшёсёр
Прич.	иксёмёршён	иксёршён	иккёшёшён

Как и имена с аффиксами принадлежности, личные формы числительных могут изменяться по трем типам склонения. Как мы видели, формы 1 лица *иксёмёр* и 2 лица *иксёр* склоняются по основному типу склонения, а склонение формы 3 лица *иккёшйё* представляет смешанный тип. Форма 3 лица может изменяться по притяжательному типу склонения (но такое склонение не всегда будет полным):

Осн.	иккёшйё	виçсёшйё	тйваттйшйё
Прит.	иккёшён	виçсёшён	тйваттйшён
Д.-В.	иккёшне	виçсёшне	тйваттйшне
Мест.	иккёшёнче	виçсёшёнче	тйваттйшёнче
Исх.	иккёшёнчен	виçсёшёнчен	тйваттйшёнчен
Тв.	иккёшёнпе	виçсёшёнпе	тйваттйшёнпе

Лиш.	иккёшёнсёр	виççёшёнсёр	таватташёнсёр
Прич.	иккёшёншён	виççёшёншён	таватташёншён

Примеры: 1. *Вёсем виççёшё юнашар* «Они втроем рядом». 2. *Виççёшне урама чён* «Троих из них вызови на улицу». 3. *Виççёшён кёнекисем сук* «У троих нет книг». 4. *Виççёшёнче виçшер тенкё* «У троих по три рубля». 5. *Виççёшёнчен ыйтрамър* «У троих спросили». 6. *Пиллёкёшён япалисене парса ятамър, виççёшёнпе мён тумалла?* «У пятерых вещи передали, но что делать с вещами троих?». 7. *Виççёшёнсёр пушне урах ёне таврашё сукчё уйра...* «Кроме коров у троих на поле больше не было (коров)». 8. *Хамър вутта эфир итрнё эрнерех турттарса килтёмёр, вёсен виççёшёншён паян каллах вәрмана каймалла* «Свои дрова мы привезли уже на прошлой неделе, но привезти оставшиеся дрова у троих нужно ехать в лес сегодня».

Б. Архаическая форма собирательности на -ев. Эта форма сохранилась лишь в детской считалочке и не характерна современному чувашскому языку: *пёрре—пёрев, иккё—икев, виççё—вицев, таватта—таваткал, пиллёк—пилеш, ултă—улма; сиччё—силме, саккар—салма* и т. д. *Пёрев, икев, вицев* теперь считаются архаическими формами; ср. тат. *бирэу, икэу*. М. Р. Федотов указывает, что *пёрев*, образованная от *пёр* «один», *тепёрев* — от *тепёр* «могут употребляться как субстантивированные числительные со значением «кто-то, некий, некто, иной»: *Пёрев пурне те сима юрать, тесе шанать; тепёрев пахча симёси сует* «Иной верит, что можно есть все, кто-то другой ест овощи»²³.

Пример этот взят из словаря Н. И. Ашмарина (X 229). Кроме формы *пёрев*, он приводит также формы *пёрел, икел, вицел* с пометой «сл. неизв. значения», но тем не менее считает, что это детский счет, основанный на аллитерации: *Пёр-пёрел, ик икел, виç вицел, тават таваш, пилёк пилеш, ултă улма, сиччё силме, саккар салма, тахър талма, вун тавашми* (А X 229). Таким образом, архаической формой числительных считаются не только *пёрев, икев, вицев*, но и *пёрел, икел, вицел*, образованные, нужно полагать, посредством аффикса *-ел*.

В. Древняя форма порядковости имела аффикс *-әм (-ём)* и сохранилась в современном языке в словах *виçём, таватәм, пилёкём*: *виçём кун* «третьего дня», *таватәм сул* «в четвертом году». Этот же аффикс *-әм (-ём)* встречается в следующих фор-

²³ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 103.

мах числительных: *виçмине* «послезавтра», т. е. «на третий день», *таватмине*, *пилёкмине*, *ултмине*, *сичмине* «на седьмой день вперед», которые до сих пор необоснованно относятся к наречиям.

Нетрудно заметить, выражения *виçём кун*, *виçём сул*; *таватём кун*, *таватём сул* означают счёт дней и лет в прошлом, а формы *виçмине*, *таватмине* предназначены для счёта дней наперед (или вперед). На наш взгляд, нет никаких обоснований видеть в формах *виçём* и *виçмине* наречные образования, здесь мы имеем дело с некатегориальными формами порядковости числительных, ибо они прежде всего означают порядок дней и лет в прошлом и в будущем.

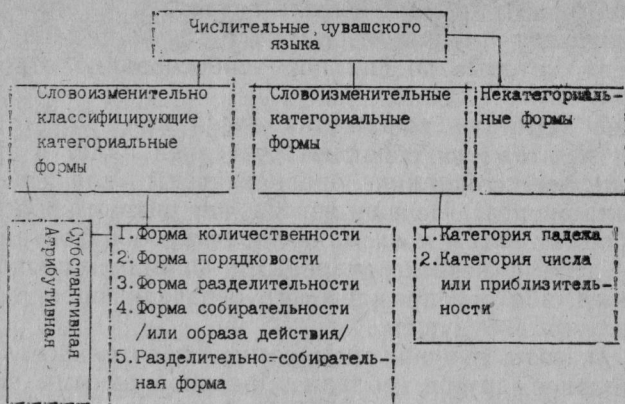
Нужно указать, в чувашском языке числительное *пёр*, *пёрре*, как никакое другое, обладает разнообразными формами. Вот примеры, взятые из словаря Н. И. Ашмарина:

1) *пёрерёш*: *Яла пёрерёшне халәха чёнме яраççё* «Кого-нибудь отправляют в деревню для сбора народа»; *пёр-ер-ёш* представляет здесь разделительно-личную форму; 2) *пёрехинче*, *пёринче* «однажды» — выделительно-местнопадежная форма; 3) *пёр-ик*, *пёр-ик-виç* «около трех» «один или два» — форма приблизительного счёта; 4) *пёр-пёри*, *пёри-пёр* «кто-нибудь», *пёри-пёри* «некоторые» — неопределенно-выделительная форма; 5) *пёрёскер*, *пёрскер* «кто-то, какой-то» — выделительная форма на *-скер*; 6) *пёрелёх* «на один раз» — форма достаточности; 7) *пёрешкел* «одинаковый» (форма уподобительности, *пёрешкелтерех* — уподобительно-сравнительная форма; 8) *пёреллё* «туз» (в картах) — форма обладания; в форме обладания могут быть и другие числительные: *иккёллё*, *виçсёллё*, *сиччёллё* и т. д.; 9) *пёррём-пёррём* (а также *иккём-иккём*) — неизвестное выражение в названии игры; 10) *пёрттен-пёрттен*, *иктен-иктен* — неизвестные слова в заумной песне.

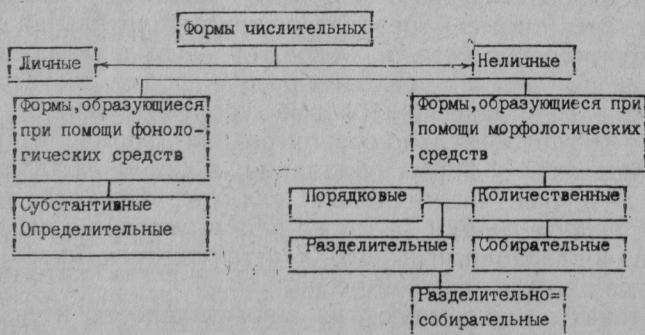
Исследователи указывают на многозначность и полифункциональность числительного *пёр* (*пёрре*) «один» в чувашском языке: он выступает в качестве неопределенного артикля: *пёр сын* «некий человек»; он выражает неопределенный отрезок времени: *пёрре* «однажды»; в выражении *килнё пёр* «коли пришел» *пёр* считается частицей; в выражении *пёр кёрет те пёр тухать* «то заходит, то выходит» *пёр* якобы выполняет функцию союза²⁴.

Таким образом, числительные чувашского языка с точки зрения категориальных и некатегориальных форм можно квалифицировать следующим образом:

²⁴ См.: Павлов И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи. С. 177—178.

Эта классификация отличается от классификации форм числительных, предложенной И. П. Павловым, который представил такую схему (естественно, без учета категориальных и некатегориальных форм числительных):

Считая, что падежные формы не составляют главную специфику числительных, автор вовсе упускает из виду изменение по падежам и числам категориальной формы порядковости, а личные формы числительных (которые придерживаются принципа избирательности), якобы образуют категорию лица (?) и сближают числительные с другими частями речи, а неличные формы составляют специфику числительных и отличают их от других имен²⁵.

²⁵ См.: Павлов И. П. О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке. С. 13—15.

Таким образом, числительные — это не только слова, обозначающие количество предметов. Числительное — это именная часть речи, выражающая существующую в современном чувашском языке счетную систему в словоизменительно-классифицирующих категориальных формах количественности, порядковости, собирательности (или образа действия), разделительно-собирательности и обладающая особыми некатегориальными формами лица.

Вопросы для самопроверки к теме
«Имя числительное» (глава IV)

1. Что называется числительным?
2. Чем отличаются в морфологическом плане числительные от других имен?
3. Какие разряды числительных отмечаются в школьных учебниках? Есть ли разряды числительных в чувашском языке?
4. Являются форманты *-шар (-шер)*, *-мёш*, *-ён (-ён)* реляционными или деривационными?
5. По какому признаку И. П. Павлов рекомендует делить числительные на атрибутивные и субстантивные?
6. Числительные или существительные слова: *пин*, *миллион*, *миллиард*?
7. К какой части речи относятся слова: *сұрă* «половина», *чёрёк* «четверть», *ушмушка* «восьмушка», *тесетке* «десятка», *майшар* «пара»?
8. Склоняются ли имена числительные?
9. Как образуется категория порядковости?
10. Склоняются ли числительные в формах категории порядковости и разделительности?
11. Являются ли словоформы *иккён*, *виççён*, *таваттён*, *вунён*, *сёрён*, *пинён* наречиями?
12. Как образуется категория образа действия числительных в чувашском языке?
13. Как переводятся следующие сочетания слов на русский язык: *ачасем вунёнччĕ*, *вăл сирĕмреччĕ*, *вăхăт вун иккĕччĕ*, *эпир иксĕмĕрехчĕ*?
14. Какие некатегориальные формы числительных вы знаете?

ГЛАВА V. МЕСТОИМЕНИЕ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Местоимение— слово, указывающее на лицо, предмет, признак или число, но не называющее их. Как словесный знак, местоимение не имеет предметно-логического содержания, тем он и противопоставлен всем лексически однозначным словам языка.

По своему значению местоимения чувашского языка делятся на следующие разряды: личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные, определенные (или определительные).

Такая классификация принята не только в чувашском языкознании, но и в тюркологии в целом. Уместность классифицирования местоимений по-другому показана В. И. Рассадиным, который предлагает различать 1) субстантивные местоимения (замещающие, указывающие на существительные); 2) адъективные местоимения (замещающие, указывающие на прилагательные); 3) нумеральные местоимения (замещающие, указывающие на числительные); 4) вербальные местоимения (замещающие, указывающие на глагол); 5) адвербиальные местоимения (замещающие, указывающие на наречие) ¹.

В этой работе мы придерживаемся традиционного в тюркологии деления местоимений на личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные и т. д.

Местоимения объединяют в себе грамматически и лексически разные слова, поэтому они не могут быть в этом отношении сродни с именами числительными, в которых категориальные формы выражены только грамматически.

Мы также придерживаемся той точки зрения исследователей, которые считают местоимение особой частью речи, и отрицаем мнение, якобы местоимения не составляют единой части речи и распределяются по тем частям речи, функции которых они выполняют.

§ 2. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Категория числа

В современном чувашском языке представлены следующие личные местоимения:

¹ См.: Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 254—255.

1 л. эпё, эп «я»
 2 л. эсё, эс «ты»
 3 л. вай «он»

эпёр, эфир «мы»
 эсёр, эсир «вы»
 вёсем «они»

Показателем множественного числа в 1 и 2 лицах является аффикс *-р*: *эпё* — *эпё-р*; *эсё* — *эсё-р*; в 3 лице — *-сем*: *вай* — *вай-сем* > *вё-сем* (диал. *у* — *усем*). Местоимения *эфир*, *эсир* выражают не множество предметов, а лиц. Когда мы говорим *эфир* «мы», то имеем в виду, что в числе лиц находится и говорящий, а местоимение *эсир* «вы» выражает количество лиц, в числе которых находится тот, к кому обращена речь. Местоимение *вёсем* выражает не только лица, но и предметы, которые особым образом сгруппированы.

На месте аффикса множественного числа *-р* в других тюркских языках выступает *-з*: *биз* «мы», *сиз* «вы». Местоимения *биз*, *сиз* других тюркских языков выступают без протезы *э-*, а это значит, что корнем в них является *би* и *си*, которые генетически тождественны личным местоимениям 1 и 2 лица монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: *би* «я», *си* «ты».

Таким образом, в чувашских личных местоимениях 1 лица *эпё*, *эфир* корнем является *п*, *пё*, *пи*; 2 лица — *с*, *сё*, *си*.

Некоторые исследователи не склонны видеть в современном языке аналогичных корней, они считают их архаичными, при этом их вводит в заблуждение протеза *э-*. Если считать протезу *э-* элементом корня, то мы имеем *эп*, *эпё*; *эс*, *эсё*, а аффикс *-р* в местоимениях *эпёр*, *эсёр* и *-сем* в местоимении *вёсем* являются показателями множественности, т. е. аффиксами множественного числа личных местоимений. Этим они отличаются от существительных, в которых формантом множественного числа выступает только аффикс *-сем*.

Категория времени

Все личные местоимения в форме основного падежа способны принимать аффикс *-чё* (*-ччё*), выражая при этом прошедшее состояние лица: 1. *Саймах калаканни эпёччё* «Выступающим был я» 2. *Протокол сыраканё эсёччё* «Протокол писал ты». 3. *Пире хирёс калаканни вайччё* «Он выступал против нас», т. е. «Выступающим против нас был он». 4. *Итлекенсем эфирччё* «Мы были слушателями». 5. *Ыйту параканёсем эсирччё* «Вопросы задавали вы». 6. *Хётёртекенсем вёсемччё* «Они были подстрекателями».

Категория усиления

Когда мы говорим удвоенные формы личных местоимений с аффиксом усиления во втором компоненте, мы подчеркнута выделяем то или иное лицо или группу лиц среди других: *эпё эпех* «я это я», *эсё эсех* «ты это ты», *вёл вёлах* «он — это он», *эсир эсирех* «вы—это вы», *вёсем вёсемех* «они —это они».

Говорящий может выделить местоимение в форме усиления с целью придания эмотивного значения: 1. *Эсех ишсе каш-рэн-и вара сав шыв урлă?* «Неужели это ты переплыл ту реку?» 2. *Тем тесен те, вёлах вёрланă* «Что ни говори, украл именно он». 3. *Вёсемех-ши вара* «Неужели это — они?» 4. *Эпирех те каяс, ай, сул синче* (Фольк.) «На нашем-то пути».

§ 3. ФОРМОИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Категория падежа и склонения

Личные местоимения *эпё, эсё, вёл* употребляются только в основном падеже. Формоосновами для других падежей являются соответственно *ман, сан, ун*. Очевидно, что эти слова являются формами притяжательного падежа и, естественно, в них надобно выделить аффикс *-н* в качестве показателя генетива. Проблема конечного *-н* в личных местоимениях решается по-разному. При этом ближе всего к истине стоит М. Р. Федотов², который считает, что в языках алтайской семьи праформой личного местоимения 1 л. ед. ч. был слог с начальным *б+* гласный переднего ряда. В ходе изменения начальное *б-* перешло в *м-*, а к образовавшемуся носовому корню прибавился аффикс генетива *-н*, сохранившийся также в остальных падежах. Об этом говорят номинатив чувашского личного местоимения 1 л. ед. ч. *э-пё (-б)* и его генетивная форма *ма-н*, 2 л. ед. ч. *эсё (-з)* и его генетивная форма *са-н*.

При таком объяснении мы не можем говорить о супплетивизме, т. е. об образовании форм падежей от разных основ, как это практикуется в индоевропейских языках: *я—меня, мне*; нем. *Ich—mein*, англ. *I—my*; в то же время предельно четко видим и выделяем (даже в современном чувашском языке) аффикс *-н* в качестве форманта генетива: *ма-н, са-н, у-н, кото-*

² См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. С. 57.

рые соответствуют русским притяжательным местоимениям *мой, моя, мое; твой, твоя, твое; свой, своя, свое*.

Следует различать краткую (более древнюю) форму притяжательного падежа личных местоимений в виде *ма-н, са-н, у-н* и более позднюю форму в виде *ман'ан, сан'ан, ун'ан*, в которых имеет место нагнетание двух вариантов генетивного аффикса в виде *-н-+-'ан*. Различение краткой и полной форм генетива существенно, ибо они разнятся даже при склонении:

Осн.	эпё	эсё	в'ал (диал. у)
Прит.	ма-н	са-н	у-н
Д.-В.	ма-н-а	са-н-а	а-н-а
Мест.	ман-ра	сан-ра	ун-та
Исх.	ман-ран	сан-ран	ун-тан
Твор.	ман-па	сан-па	ун-па
Лиш.	ман-с'ар	сан-с'ар	ун-с'ар
Прич.	ман-ш'ан	сан-ш'ан	ун-ш'ан

Таким образом, формоосновами при склонении личных местоимений *эпё, эсё, в'ал* являются генетивные формы *ман, сан, ун*.

Этот тип склонения мы назвали притяжательным типом склонения, так как все аффиксы косвенных падежей примыкают только к форме генетива.

Личные местоимения во множественном числе склоняются неодинаково, здесь мы усматриваем элементы смешанного и притяжательного типов склонений:

а) смешанное склонение:

Осн.	эпир	эсир	вёсем
Прит.	пир-ён	сир-ён	вё-сен
Д.-В.	пир-е	сир-е	вёсен-е
Мест.	пир-те	сир-те	вёсен-че
Исх.	пир-тен	сир-тен	вёсен-чен
Тв.	пир-ён-пе	сир-ён-пе	вёсем-пе
Лиш.	пир-ён-с'ёр	сир-ён-с'ёр	вёсем-с'ёр
Прич.	пир-ён-ш'ён	сир-ён-ш'ён	вёсем-ш'ён

б) притяжательное склонение

Осн.	эпир	эсир	вёсем
Прит.	пирён	сирён	вёсен
Д.-В.	пирённе	сирённе	вёсенне
Мест.	пирёнте	сирёнте	вёсенче
Исх.	пирёнтен	сирёнтен	вёсенчен

Тв.	пирёнпе	сирёнпе	вёсенпе
Лиш.	пирёнсёр	сирёнсёр	вёсенсёр
Прич.	пирёншён	сирёншён	вёсеншён

При смешанном типе склонения формоосновами являются, с одной стороны, форма множественного числа на *-р* и *-сем*: *пи-р-е, си-р-е, пи-р-те, си-р-те; вё-сем-пе, вё-сем-сёр, вё-сем-шён*, а с другой стороны, форма генетива на *-ён*: *пи-р-ён-сёр, пи-р-ён-шён*, и *-се+-н >сен*: *вё-сен-чен, вё-сен-че*. При притяжательном типе склонения все форманты косвенных падежей примыкают к форманту генетива.

Теперь сравним склонение полной и краткой форм личных местоимений единственного числа:

Осн.	эпё	эпё	
Прит.	ман	маня́н	
Д.-В.	ман-а	маня́нн-е	или манн'-е*
Мест.	ман-ра	маня́н-че	ман'-че
Исх.	ман-ран	маня́н-чен	ман'-чен
Тв.	ман-па	маня́н-пе	ман'-пе
Лиш.	ман-са́р	маня́н-сёр	ман'-сёр
Прич.	ман-ша́н	маня́н-шён	ман'-шён

Существует мнение, что склонение полной формы генетива не что иное, как склонение субстантивных форм притяжательных местоимений с аффиксом *-и(-ё)*³: *маня́нни ~ манни* «то, что принадлежит мне»; *саня́нни ~ санни* «то, что принадлежит тебе». Фактом языка является то, что существует склонение полной формы генетива и склонение той же формы с аффиксом выделительности:

Осн.	эпё	маня́нни
Прит.	маня́н	маня́ннин
Д.-В.	маня́нне	маня́ннине
Мест.	маня́нче	маня́ннинче
Исх.	маня́нчен	маня́ннинчен
Тв.	маня́нпе	маня́ннипе
Лиш.	маня́нсёр	маня́ннисёр
Прич.	маня́ншён	маня́ннишён

* Знак (') в местоимениях *манн'-е, ман'-че* означает смягчение звука <н>.

³ См.: Андреев Н. А. Местоимение // Материалы по грамматике современного чувашского языка. С. 147—150.

§ 4. ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИИ НА БАЗЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМООСНОВ

Форма выделения

Притяжательный падеж служит формоосновой не только для категориальных форм, он может быть основой и для некатегориальных форм.

Например, упомянутые выше формы *манӑнни* «мой», «то, что принадлежит мне»; *санӑнни* «твой», «то, что принадлежит тебе»; *унӑнни* «его, ее», «то, что принадлежит ему, ей»; *пирӑнни* «наш», «то, что принадлежит нам»; *сирӑнни* «ваш», «то, что принадлежит вам»; *вӑсенни* «их», «то, что принадлежит им», не что иное, как выделительные формы личных местоимений. Категориальной мы не считаем эту форму потому, что ей не характерен принцип тотальности, т. е. аффикс *-и* не присоединяется ко всем падежным формам. В чувашском языке известны лишь формы *манри* «находящийся у меня», *санри* «находящийся у тебя», *унри* «находящийся у него (у нее)», *пирӑнти* «находящийся у нас», *сирӑнти* «находящийся у вас», *вӑсенчи* «находящийся у них», т. е. аффикс выделения присоединяется при этом к форме местного падежа.

Форма уподобления

Существует двоякое мнение по поводу аффикса формы уподобления местоимений. Одни исследователи (Н. И. Ашмарин, И. П. Павлов) формантом уподобительной формы считают аффикс *-ашкал(-ешкел)*, при этом формоосновой считается притяжательный падеж: *ман-ашкал* «подобный мне», *сан-ашкал* «подобный тебе», *ун-ашкал* «подобный ему, ей», *пирӑн-ешкел* «подобный нам», *сирӑн-ешкел* «подобный вам», *вӑсен-ешкел* «подобный им». Другие же (М. Р. Федотов, Н. А. Андреев) вообще отрицают не только формообразовательную роль, но и сам формант они представляют в виде *-шкал(-шкел)*⁴, считая его деривационным (прилагательнообразующим). Первоначально *-шкал(-шкел)* фигурировал в чувашском языке в виде послелога *вӑшкал*, *вышкал*: *сана вышкал* «похоже на тебя» (А У 220; 343), затем первый слог *вӑ* ~ *вы* отпал и оставшаяся часть *-шкал(-шкел)*, естественно, остался на правах аффикса. В этом случае вернее будет сказать, что аффикс *-шкал (-шкел)* при-

⁴ См.: Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. С. 25.

соединяется к форме дательного падежа: *ман-а-шкал, сан-а-шкал, ун-а-шкал, пирн-е-шкел, сирн-е-шкел, вёсен-е-шкел*, но при этом мы не можем отрицать наличие формы притяжательного падежа в составах словоформ.

Вопросы для самопроверки к главе V

1. Чем отличается местоимение от других частей речи?
2. Какие особенности наблюдаются в значении, морфологических признаках, словоизменении и синтаксических функциях местоимений различных разрядов?
3. Чем объясняется разный подход В. И. Рассадина к классификации местоимений?
4. Посредством каких аффиксов образуется множественное число личных и возвратных местоимений?
5. К какому типу склонения относятся личные, возвратные, вопросительные местоимения?
6. Какое смысловое различие вы наблюдаете при склонении полной и краткой форм генетива местоимений?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование явлений языка с точки зрения категориальных и некатегориальных форм открывает широкие перспективы для описания морфологической системы чувашского языка. Морфология чувашского языка, как и русского, сводится к описанию существующих в языке категориальных и некатегориальных форм.

Исследование категориальных и некатегориальных форм помогает провести границу между словоизменением и формоизменением, а также между формообразованием и словообразованием. Это говорит о том, что пришло время выйти из «заколдованного круга» описания морфологии чувашского языка лишь в терминах словоизменения и формообразования.

Мы убедились в том, что существуют неоппозитивные типы категориальных форм. В свою очередь, выявление неоппозитивных форм натолкнуло на опознавание фактов того порядка, что некоторые категориальные формы вообще лишены оппозиции, т. е. автономные формы, подчиняющиеся принципу тотальности употребления, без какой-либо оппозиции могут составлять

категориальную форму, став тем самым словоизменительным аффиксом.

До сих пор мы считали, что глагол обладает категорией наклонения, времени, лица и числа, при этом не учитывали категориальных форм вербоидов. В действительности же в первую очередь причастия, как и существительные, могут иметь категориальные формы числа, лица, принадлежности и падежа. Эти категориальные формы присущи формоизменению причастий, а в существительных категории падежа, числа и принадлежности являются словоизменительными категориями. Общими категориальными формами для именных частей речи и глаголов являются категории прошедшего времени на *-чĕ* (*-чĕĕ*) и усиления.

Морфологические категории всегда имеют определенное отношение к синтаксису, но мы не ставили цели изложения морфологических явлений через призму синтаксических категорий, поскольку мы убеждены в том, что морфология не всегда и не во всем объеме служит синтаксису. Морфология — особый раздел грамматики, которая обладает свойственной только ей системой категориальных и некатегориальных форм, являющихся объектом раздела науки о языке, называемой формоучением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев В. А.* Категория склонения в чувашском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1987. С. 18.
2. *Андреев В. А.* Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке //Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: Материалы конференции. Чебоксары, 1986. С. 110—116.
3. *Андреев И. А.* К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках //Вопр. чув. лит. и яз.: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32. С. 90—103.
4. *Андреев И. А.* Рецензия на книгу: И. П. Павлов. Современный чувашский литературный язык: Морфология //Вопр. чув. лит. и яз. Чебоксары, 1966. Вып. 32. С. 193—204.
5. *Андреев Н. А.* Имя существительное. Имя прилагательное. Имя числительное. Местоимение //Материалы по грамматике современного чувашского языка: Морфология. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 5—150.
6. *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. 392.
7. *Ашмарин Н. И.* Заметки по грамматике чувашского языка //Чувашский язык //Тр. ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 66. С. 3—86.
8. *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982. С. 301.
9. *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» //Сов. тюркология. 1981. № 3. С. 22—35.
10. *Егоров В. Г.* Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954. С. 301.
11. *Егоров В. Г.* Глагол //Материалы по грамматике современного чу-

вашского языка: Морфология. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 151—239.

12. *Иванов А. И.* Склонение и его роль в чувашском языке //Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 34. С. 67—99.

13. *Иванов А. И.* Склонение и его роль в чувашском языке //Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 39. С. 106—126.

14. О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики //Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 230.

15. *Павлов И. П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: Морфологи. Шупашкар, 1965. 343 с.

16. *Павлов И. П.* Категория выделения в современном чувашском языке //Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 3—15.

17. *Павлов И. П.* V—VI классенче чăваш чĕлхин морфологине вĕрентесси. Шупашкар, 1985. 27 с.

18. *Севортян Э. В.* Категория падежа //Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 45—64.

19. *Сергеев Л. П., Котлеев В. И.* Чăваш чĕлхи. Шупашкар. 1988. 327 с.

20. *Суник О. П.* Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982. С. 246.

21. *Тимухха Хĕветĕрĕ.* Чăваш чĕлхийĕн грамматикĕ. Шупашкар, 1924. 144 с.

22. *Федотов М. Р.* Тĕрĕк чĕлхисен танлаштарулла грамматики. Шупашкар, 1975. С. 220.

23. *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. Чебоксары, 1983. Ч. 3. 1986. С. 136.

24. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 190.

СОКРАЩЕНИЯ

А I—XVII — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928—1950. Т. I—XVII.

Ашм. Синт. I—II — Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I. Казань, 1903. Ч. II. Симбирск, 1923.

ЧРС. 1982 — Чувашско-русский словарь /Под. ред. М. И. Скворцова. М., 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		3
<i>Глава I. Грамматические категории</i>		5
§ 1.	Морфологические и синтаксические категории	5
§ 2.	Трактовка морфологических категорий	7
§ 3.	Двусторонняя сущность морфологических категорий (МК)	11
§ 4.	Явные и «скрытые» (логические) морфологические категории. Понятие нулевой морфемы	12
§ 5.	Словоизменение и словоизменятельная категориальная форма	16
§ 6.	Формоизменение и формоизменятельная категориальная форма	18
§ 7.	Формообразование	21
§ 8.	Основообразование и проблемы категории залога	23
<i>Глава II. Имя существительное</i>		29
§ 1.	О частях речи чувашского языка	29
§ 2.	Словоизменятельная морфология	34
	Категория числа	34
	Категория принадлежности	38
	Категория падежа	46
	Внепадежные формы	60
	Категория времени	64
	Категория усиления	68
§ 3.	Формоизменятельная морфология	69
	От словоизменения к формоизменению	69
	Двойное склонение и категория склонения в чувашском языке	71
§ 4.	Формообразовательная морфология	85
	Формообразование существительных	85
	Формообразование имен существительных на базе словоизменения	86
	Формообразование имен существительных на базе словообразования	93
<i>Глава III. Имя прилагательное</i>		99
§ 1.	Общие замечания	99
§ 2.	Словоизменение имен прилагательных	101
	Категории сравнения	101
	Категория времени	104
	Категория выделения (или выделительности прилагательных)	105
	Категория образа (способа) действия	108
	Категория усиления	113
§ 3.	Формоизменение имен прилагательных	113
	Категории числа и падежа формоосновы категории выделения на	113
-и, -скер	Формоизменение на основе категории сравнения	116
	Формоизменение на основе категории образа (способа) действия	117
§ 4.	Формообразование имен прилагательных. Некатегориальные формы	117
	Формы отдельных падежей и лиц	117
	Разделительная форма прилагательных	119
Форма обладания на -лă(-лĕ), -ллă(-ллĕ)		119
	Форма усиленного качества (интенсива)	120
<i>Глава IV. Имя числительное</i>		123
§ 1.	Вводные замечания	123
§ 2.	Словоизменение числительных	126
	Категория падежа	126
	Категория числа или приближительности?	128
	Категория порядковости	130
	Категория разделительности	131

Категория образа действия или собирательности?	132
Категория разделительно-собирательности	134
Категория времени	134
Категория усиления	135
§ 3. Формоизменение числительных	135
Категория склонения	135
Категория числа	137
§ 4. Формообразование числительных	137
Формообразование на базе простых количественных числительных и на базе категориальных форм	137
Глава V. Местоимение	144
§ 1. Общие замечания	144
§ 2. Словоизменение личных местоимений	144
Категория числа	144
Категория времени	145
Категория усиления	146
§ 3. Формоизменение личных местоимений	146
Категория падежа и склонения	146
§ 4. Формообразование личных местоимений на базе различных формооснов	149
Форма выделения	149
Форма уподобления	149
Заключение	150
Литература	151
Сокращения	152

Учебное пособие

Сергеев Виталий Иванович

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Редактор *М. М. Федорова*
Корректор *З. М. Порфирьева*

ИБ № 195

Сдано в набор 19.05.94. Подписано к печати 1.12.94. Формат 60×90/16. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 978. С-50.

Чувашский государственный университет
428015, Чебоксары, Московский просп., 15.
Типография № 1
428019, Чебоксары, просп. И. Яковлева, 15.

2000=